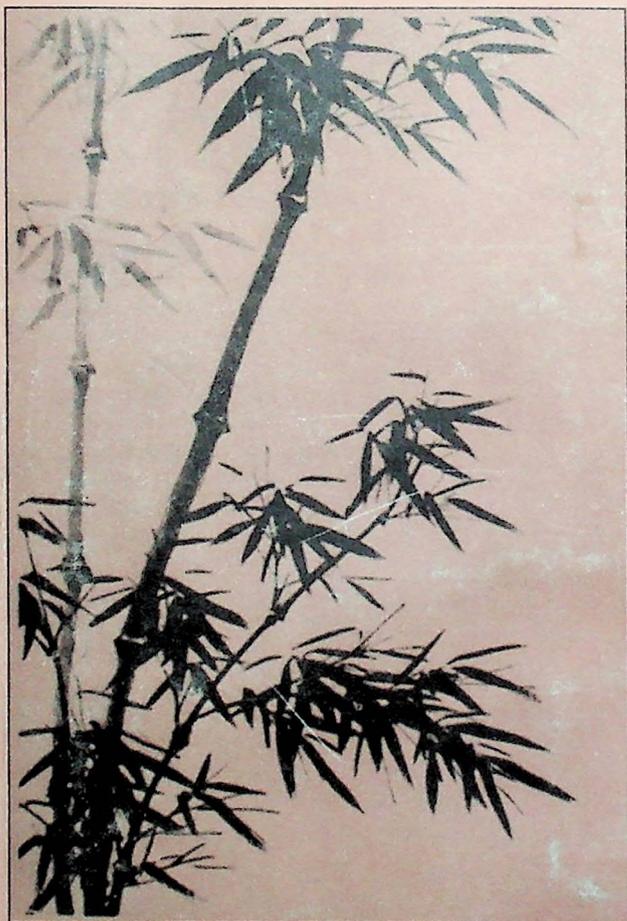

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2014

ISSN 0131-2812

Россия — АСЕАН:
20 лет партнерства

●
Проблемы истории
как фактор отношений Японии
с соседними государствами

●
Посольский церемониал
традиционной китайской
дипломатии

●
К 90-летию военной школы Вампу

●
Конференция Европейской
ассоциации китаеведения
в Португалии

1-й жкз.

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2014

Ноябрь — Декабрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (*зам. главного редактора*), А.В. Болятко, д.воен.н., проф., О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., К.В. Внуков, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н. (*зам. главного редактора*), А.И. Денисов, к.э.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, А.З. Жебин, к.полит.н., В.О. Кистанов, д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., А.В. Макаров, д.ю.н., проф., Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН, А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н., В.Ф. Сорокин, д.филол.н., проф., М.Л. Титаренко, академик РАН, Н.С. Тихонов (*ответственный секретарь*).

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов
зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова *экспедитор*
Е.А. Лапшина *зав. редакцией*
Г.П. Манчха *редактор*
Д.Б. Славинский *оператор ЭВМ*
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и философии
А.В. Шлычков
зав. отделом Японии
Г.Д. Штефан *зав. редакцией*

Содержание

ДОКУМЕНТЫ

Душанбинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества.....	4
---	---

ПОЛИТИКА

<i>Е. Кобелев.</i> Партнерству «Россия – АСЕАН» – 20 лет.....	10
<i>Д. Стрельцов.</i> Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями: истоки и эволюция.....	19
<i>А. Батакова.</i> Проблемы исторического прошлого в современных отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея.....	32
<i>И. Гордеева.</i> Политика Японии в отношении Тайваня: проблемы и тенденции.....	45
<i>Лю Бо.</i> Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и контрмеры Китая.....	56

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>В. Шведов, А. Голубь.</i> Предварительный опыт выявления имиджа региона на примере Дальнего Востока России.....	67
--	----

ЭКОНОМИКА

<i>Д. Кручинина.</i> Особенности транспортной инфраструктуры дельты Янцзы.....	74
<i>В. Балакин.</i> Восточноазиатская интеграция как объективный процесс межцивилизационного соперничества.....	81
<i>О. Борох.</i> Гу Ицунь и экономический либерализм в Китае 1930-х гг.....	86

ИСТОРИЯ

<i>А. Ипатов.</i> Посольский церемониал традиционной китайской дипломатии. Аудиенции в императорском дворце.....	101
<i>А. Юркевич.</i> «Верное ядро Вампу». К 90-летию «партийной» военной школы Гоминьдана.....	122
<i>С. Кузьмин.</i> О деятельности Панчен-ламы IX во Внутренней Монголии и Маньчжурии.....	132

РЕЛИГИЯ

<i>Лян Чжэ.</i> Православие «китайских русских» в Трехречье (КНР): некоторые итоги исследований китайских этнологов.....	143
--	-----

КУЛЬТУРА

<i>В. Виноградская.</i> Актуальность древности – традиционный текст в современном Китае.....	149
<i>Е. Митькина.</i> Стихотворные циклы в китайской литературе.....	157

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>О. Борох, А. Ломанов.</i> XX конференция Европейской ассоциации китаеведения в Португалии	167
<i>Л. Смирнова.</i> Научная конференция «Новые европейские исследования современного Китая»	172

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Ирины Тимофеевны Мороз	176
Юбилей Людмилы Александровны Волковой	178
Юбилей Валентины Васильевны Чуванковой.....	180

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2014 год	182
--	-----

Contents	188
----------------	-----

Summary	189
---------------	-----

Документы

Душанбинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества

Главы государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС или Организация) по итогам состоявшегося в г. Душанбе 11–12 сентября 2014 года заседания Совета глав государств-членов ШОС заявляют о следующем.

1. Современный мир переживает сложный переходный период, характеризующийся трансформацией всей системы международных отношений в процессе становления многополярного мироустройства, усилением факторов неопределенности и нестабильности в мировой экономике и политике, ростом угроз региональной и международной безопасности.

В этих условиях государства-члены подтверждают свою приверженность дальнейшему укреплению правовых основ международных отношений в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, прежде всего зафиксированными в Уставе Организации Объединенных Наций, выступают за уважение самостоятельного выбора народами всех стран путей своего политического и социально-экономического развития. Они подчеркивают, что принципы взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности государств, равноправия, взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой являются основой устойчивого развития международных отношений.

Государства-члены призывают к построению мира, свободного от войн, конфликтов, насилия и давления, к развитию всестороннего, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества мирового сообщества, к достижению общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности, с учетом законных интересов всех государств. Они твердо убеждены, что противодействие таким глобальным вызовам и угрозам современности, как терроризм, сепаратизм, экстремизм, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, транснациональная организованная преступность, киберугрозы, распространение оружия массового уничтожения, техногенные и экологические бедствия, угрозы, связанные с распространением инфекционных заболеваний, а также последствия глобального изменения климата, возможно исключительно путем тесного взаимодействия всех государств, международных организаций и форумов.

2. Государства-члены подтверждают приверженность укреплению центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций в международных отношениях в целях поддержания мира и безопасности на планете, содействия устойчивому развитию и углубления двустороннего и многостороннего сотрудничества на основе равноправия и партнерства между государствами.

Государства-члены ШОС выступают за дальнейшее укрепление главенствующей роли Совета Безопасности ООН в поддержании международного мира и безопасности, возложенной на него Уставом ООН. Они считают, что для достижения максимально широкого согласия по вопросу о реформировании Совета Безопасности ООН необходимо продолжить консультации по поиску комплексного подхода к его решению, исходя из долгосрочных интересов ООН и обеспечения сплоченности ее стран-членов, не создавая искусственные временные рамки для проведения реформы и не форсируя варианты, не получившие поддержку большинства стран-членов ООН. При этом подчеркивается важность расширения представительства развивающихся стран в СБ ООН.

3. Государства-члены подтверждают свою нацеленность на дальнейшее обеспечение региональной безопасности и стабильности, взаимного уважения, равенства и доверия, совместного противодействия глобальным угрозам и вызовам, расширение сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах в целях превращения пространства ШОС в регион долгосрочного мира, дружбы, добрососедства, процветания и гармонии.

Главы государств с удовлетворением констатируют, что позитивный характер отношений между государствами-членами Организации, основанных на Хартии ШОС и Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, способствует укреплению политического доверия, сохранению мира и стабильности, обеспечению устойчивого социально-экономического развития, совместному поиску путей решения общих актуальных проблем на пространстве ШОС.

Государства-члены подтверждают решимость неукоснительно следовать положениям Договора в целях дальнейшего развития долгосрочных отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес, в том числе превращения границ друг с другом в границы вечного мира и дружбы.

В этой связи государства-члены ШОС придают важное значение практическому выполнению Плана действий на 2013–2017 гг. по реализации положений Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС, утвержденного 13 сентября 2013 года в г. Бишкек.

4. Государства-члены высказались за продолжение в рамках ШОС активных мер по борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, трансграничной организованной преступностью и в сфере обеспечения международной информационной безопасности. Государства-члены выражают готовность взаимодействовать в борьбе с указанными вызовами и угрозами совместно с заинтересованными странами, региональными и международными организациями и структурами как в двустороннем, так и многостороннем форматах.

Главы государств выступают за дальнейшее практическое сотрудничество государств-членов ШОС по противодействию новым вызовам и угрозам безопасности и приветствуют работу по реализации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенции ШОС против терроризма, Программы сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013–2015 гг., Соглашения о сотрудничестве между правительствами государств-членов ШОС в борьбе с преступностью, Соглашения между государствами-членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, Антинаркотической стратегии ШОС на 2011–2016 гг. и Программы действий по ее выполнению, а также Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности.

Государства-члены выражают твердую приверженность линии на сохранение и укрепление международной системы контроля над наркотиками, основанной на трех ба-

зовых конвенциях Организации Объединенных Наций, при центральной координирующей роли ООН, подтверждают статус ее директивного органа в этой области — Комиссии по наркотическим средствам и последовательно выступают против попыток, направленных на подрыв этой системы.

В контексте подготовки к специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по наркотикам, запланированной на 2016 год, государства-члены полагают важным объединить усилия на основе комплексного и сбалансированного подхода, принципа общей и совместной ответственности государств за решение мировой проблемы наркотиков и призывают заинтересованные партнерские организации выступить с совместным заявлением в поддержку линии на сохранение и укрепление международной системы контроля над наркотиками.

5. Государства-члены ШОС активизируют совместные усилия по созданию мирного, безопасного, справедливого и открытого информационного пространства, основываясь на принципах уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран. Они будут сотрудничать в сфере предотвращения использования информационно-коммуникационных технологий в целях подрыва политической, экономической и общественной безопасности и стабильности государств-членов, а также общечеловеческих моральных основ социальной жизни, пресекать пропаганду идей терроризма, экстремизма, сепаратизма, радикализма, фашизма и шовинизма с использованием сети Интернет.

Государства-члены выступают за равные для всех стран права на управление сетью Интернет и суверенное право государств на управление ею в своем национальном сегменте, включая обеспечение безопасности.

Государства-члены поддерживают выработку универсальных правил, принципов и норм ответственного поведения государств в информационном пространстве и считают важным шагом в этом направлении «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности», распространенные от лица государств-членов в качестве официального документа ООН.

6. В целях содействия раскрытию огромного потенциала добрососедства, внесению вклада в укрепление мира, обеспечения безопасности и стабильности в регионе государства-члены выступают за дальнейшее развитие взаимодействия и сотрудничества в сфере права и оказания взаимной правовой помощи.

7. Государства-члены, подчеркивая уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности Афганистана, выражают поддержку усилиям афганского народа по национальному примирению, мирному восстановлению и возрождению страны под руководством афганцев и самими афганцами. Государства-члены выступают за укрепление центральной координирующей роли ООН в международных усилиях по афганскому урегулированию.

Государства-члены вновь подтверждают, что выступают за становление Афганистана в качестве независимого, мирного, нейтрального и процветающего государства.

8. Государства-члены исходят из того, что решение проблем на Ближнем Востоке и в Северной Африке должно достигаться исключительно мирными средствами через широкий диалог с участием всех заинтересованных сторон на основе взаимного уважения интересов. Они поддерживают законные устремления стран и народов региона к лучшей жизни, широким политическим и социально-экономическим правам с учетом исторических и цивилизационных особенностей каждой страны.

9. Государства-члены, поддерживая суверенитет, единство и территориальную целостность Сирийской Арабской Республики, высказались за урегулирование сирийского кризиса исключительно политико-дипломатическими средствами через продолжение всестороннего прямого межсирийского диалога, старт которому был дан на Международной конференции по Сирии «Женева-2» в Монреале 22 января 2014 года, нацеленного на

реализацию Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года и соответствующих положений Резолюции 2118 СБ ООН. Государства-члены приветствуют успешное завершение процесса уничтожения сирийского химического оружия, выполненного в срок и под международным контролем.

Государства-члены выступают за мирную и процветающую Сирию, в которой все граждане, независимо от своей конфессиональной и этнической принадлежности, пользуются равными правами.

10. Государства-члены поддерживают конструктивный переговорный процесс между «шестеркой» и Ираном с целью выработки всеобъемлющего соглашения об урегулировании ситуации вокруг иранской ядерной программы политико-дипломатическими методами и приветствуют принятый 24 ноября 2013 года в Женеве «Совместный план действий» между министрами иностранных дел Великобритании, Германии, Ирана, Китая, России, США и Франции. Они рассматривают такой шаг как важный вклад в укрепление атмосферы доверия и взаимопонимания между заинтересованными государствами и в регионе в целом.

11. Государства-члены ШОС последовательно выступают за неукоснительное соблюдение положений Договора о нераспространении ядерного оружия, направленного на устранение угрозы распространения ядерного оружия, продвижение процесса ядерного разоружения в условиях укрепления стратегической стабильности, равной и неделимой безопасности для всех и содействие развитию международного сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях.

Государства-члены приветствуют совместное подписание Великобританией, Китаем, Россией, США и Францией в г. Нью-Йорк 6 мая 2014 года Протокола о гарантиях безопасности к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии как важную веху в реализации инициативы стран региона, которая вносит весомый вклад в укрепление региональной и международной безопасности, усиление глобального режима ядерного нераспространения.

Одностороннее и неограниченное наращивание отдельными государствами или группами государств систем противоракетной обороны нанесет ущерб международной безопасности и стратегической стабильности. Государства-члены убеждены, что обеспечение индивидуальной безопасности не должно достигаться за счет безопасности других государств. Связанные с этим проблемы необходимо решать при участии всех заинтересованных государств посредством политико-дипломатических усилий.

Государства-члены выступают за обеспечение безопасности деятельности в космосе и за его мирное использование, недопущение гонки вооружений в космическом пространстве и превращения его в сферу вооруженного противостояния, скорейшее начало переговоров по Договору о предотвращении размещения оружия в космосе, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, а также за содействие дальнейшей разработке и реализации международным сообществом мер по транспарентности и доверию в космической деятельности.

12. Главы государств выступают за скорейшее восстановление мира на Украине и продолжение переговорного процесса в целях полного урегулирования кризиса в этой стране. Они приветствуют подписанный 4 сентября 2014 года Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины и инициатив Президента России.

13. Главы государств отмечают, что в настоящее время мировая экономика по-прежнему сталкивается с многочисленными вызовами, оказывающими негативное влияние на ее устойчивый и сбалансированный рост. В данном контексте особое значение приобретают проведение ответственной валютно-финансовой политики, усиление контроля за движением международных капиталов, обеспечение продовольственной и энер-

гетической безопасности, укрепление сотрудничества в сфере экономики и обмен положительным опытом по решению имеющихся проблем.

Главы государств выступают за широкое международное сотрудничество в решении проблем ресурсного обеспечения потребностей человечества без ущерба для окружающей среды и здоровья населения, в достижении устойчивого, качественного и инклюзивного экономического роста, включая преодоление технологического разрыва между странами на основе обеспечения всем государствам равного и недискриминационного доступа к преимуществам экономической глобализации.

Все это требует совместных эффективных действий государств-членов ШОС в области экономического сотрудничества, являющейся важной составной частью обеспечения социально-экономического развития и стабильности на пространстве ШОС. Государства-члены считают приоритетными совместные усилия по созданию благоприятных условий для интенсификации торгово-экономической и инвестиционной деятельности, развитию высокотехнологичных отраслей экономики, модернизации различных отраслей промышленности, реализации проектов развития транспортно-логистической, информационно-коммуникационной и иной инфраструктуры, повышению экономической конкурентоспособности государств-членов, уровня и качества жизни населения на пространстве ШОС.

Главы государств отметили, что важная роль в развитии делового, торгового и инвестиционного сотрудничества на пространстве Организации принадлежит взаимодействию деловых и финансовых кругов государств-членов ШОС, Деловому совету ШОС и Межбанковскому объединению ШОС, в том числе путем привлечения потенциала государств-наблюдателей и партнеров по диалогу.

Главы государств отметили важность проводимой работы по изучению вопросов создания Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС и поручили продолжить усилия в целях ее скорейшего завершения.

14. Главы государств, позитивно оценивая результаты сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере, высказались за дальнейшее развитие многосторонних и двусторонних связей в области культуры, науки и техники, инноваций, образования, здравоохранения, туризма и спорта, которые способствуют укреплению отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества, духовному сближению, продвижению межцивилизационного диалога в интересах народов, проживающих на пространстве ШОС.

Государства-члены будут содействовать обмену опытом по взаимосогласованным направлениям сотрудничества в сфере культуры и искусства, в том числе путем проведения различных мероприятий на двусторонней и многосторонней основе для ознакомления с достижениями в области театрального, музыкального, исполнительского и прикладного искусства, которые отражают уникальный колорит каждой из стран.

Главы государств с удовлетворением констатировали эффективно развивающееся сотрудничество в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и высказались за продолжение совместной работы в данном направлении.

15. Важным шагом в обеспечении дальнейшего развития ШОС, совершенствования правовых основ деятельности и будущего расширения Организации является утверждение Порядка предоставления статуса государства-члена ШОС и новой редакции типового Меморандума об обязательствах государства-заявителя в целях получения статуса государства-члена ШОС.

16. Государства-члены выступают за дальнейшую активизацию сотрудничества с государствами-наблюдателями при ШОС и партнерами по диалогу ШОС по вопросам противодействия новым вызовам и угрозам, укрепления сотрудничества в торгово-экономической и культурно-гуманитарной областях, а также отмечают важность развития механизмов практического взаимодействия государств-членов с государствами-наблюдателями.

17. Главы государств поручили Совету министров иностранных дел государств — членов ШОС продолжить подготовку Стратегии развития ШОС до 2025 года и представить ее на утверждение очередного заседания СГГ ШОС в установленном порядке.

18. Государства-члены придают большое значение 70-летию Победы над фашизмом во Второй мировой войне, которое будет широко отмечаться в государствах — членах ШОС и во всем мире в 2015 году. Уроки Второй мировой войны указывают на важность и в современных условиях проявления всеми государствами и политическими лидерами решимости не допустить новых трагедий с масштабными человеческими жертвами и их готовности к совместным усилиям для эффективного противостояния вызовам и угрозам безопасности человечества.

Государства-члены, народы которых внесли решающий вклад в достижение Победы и понесли тяжелые потери в ходе Второй мировой войны, будут и впредь активно противодействовать попыткам реанимации идеологии фашизма, распространения ксенофобии и нетерпимости, использования экстремизма и терроризма.

19. Государства-члены будут и дальше укреплять сотрудничество в духе взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, взаимных консультаций, уважения к многообразию культур, стремления к совместному развитию, сообща формировать эффективную модель межгосударственных отношений, основанных на дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве.

г. Душанбе, 12 сентября 2014 года

Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев
Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин
Президент Кыргызской Республики А.Ш.Атамбаев
Президент Российской Федерации В.В.Путин
Президент Республики Таджикистан Э.Рахмон
Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов

Политика

Партнерству «Россия — АСЕАН» — 20 лет*

© 2014

Е. Кобелев

Автор анализирует разнообразные вехи партнерского сотрудничества между Россией и влиятельной региональной группировкой АСЕАН за минувшие 20 лет. Показаны ведущая роль АСЕАН в строительстве основ мира и безопасности в Юго-Восточной Азии и в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также стратегическая, политико-экономическая значимость для России укрепления по всем азимутам партнерства с этой организацией.

Ключевые слова: Россия, АСЕАН, Вьетнам, ЮВА, АТР, диалоговое партнерство, саммиты «Россия — АСЕАН», Деловой совет.

Роль Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в мировой политике и экономике неуклонно возрастает. Здесь даже в условиях глобального финансово-экономического кризиса наблюдается динамичный рост большинства экономик, а процессы интеграции не только не затухают, но и усиливаются. За этим регионом — будущее, и в этом сегодня единодушно все мировое научно-политологическое сообщество. Именно здесь формируется новый мировой полюс экономической мощи, именно здесь расположено большинство наиболее динамично развивающихся государств мира. Доля АТР в мировом валовом продукте стремительно растет и, по прогнозам международных экспертов, к 2025 г. может составить 45–50%.

После распада СССР лидеры новой России совершенно неоправданно развернули внешнюю политику страны в сторону Запада. Они видели в США и Западной Европе главных политических и идеологических союзников, важнейших доноров и образец социально-экономического развития для России. Но жизнь показала, что все это не больше, чем иллюзии. Как было ясно еще в XVIII—XIX веках, то есть и до Октябрьской революции, Америка и Запад всегда относились враждебно к России. И в XX веке они боролись не столько против Советской власти, как казалось многим, сколько против России — мощной православной державы.

Поэтому нельзя не приветствовать тот факт, что с избранием президентом России В. В. Путина Москва сделала, наконец, единственно разумный и рациональный шаг — «повернулась лицом» к АТР.

Кобелев Евгений Васильевич, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, кандидат исторических наук. Тел. 8 (499) 124-08-33. E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-27-09001 «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии».

Российская политическая элита наконец-то осознала очевидный факт: Россия исторически неразрывно связана с АТР, имеет в этом регионе жизненно важные политические и экономические интересы — две трети нашей территории находятся в Азии. Более того, выяснилось, что и в АТР, а не только в США и Европе, можно получить и необходимые кредиты, и передовые технологии. Был сделан логический вывод, что модернизация отсталых восточных районов России, кладовой природных ресурсов, невозможна без участия азиатских соседей. В итоге Азиатско-Тихоокеанское направление выдвинулось на роль одного из основных в российской внешней политике. Особую важность для России АТР приобретает сегодня, когда из-за трагических событий на Украине Запад встал на путь жестких необоснованных санкций против РФ.

Благодаря взаимоплезному сотрудничеству России и Китая в 2001 г. в Восточной Азии появилась мощная региональная группировка — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). На сегодняшний день население стран ШОС вместе со странами-наблюдателями составляет более 3 млрд человек. Стратегический потенциал ШОС — 4 ядерные державы: Россия и Китай — де-юре, а также — Индия и Пакистан — де-факто¹.

Не менее важным ядром интеграции в АТР является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Эта успешно развивающаяся субрегиональная политико-экономическая организация стала в последние годы одной из наиболее авторитетных не только в Восточной Азии, но и во всем мире.

В своей учредительной Декларации (1967 г.) АСЕАН представила себя как «региональное объединение», которое будет добиваться решения задач преимущественно в социально-экономической сфере. Однако в реальности с момента ее возникновения и, особенно, после вступления в нее Вьетнама (1995 г.) и расширения состава участников в деятельности АСЕАН *на первое место вышли задачи обеспечения мира и стабильности в Юго-Восточной Азии (ЮВА)*.

Судя по тому, какие региональные задачи сегодня выполняет АСЕАН и как она позиционирует себя на международной арене, ее с полным правом можно рассматривать как «коллективную державу», которая включает в себя 10 стран Юго-Восточной Азии с общим населением 0,65 млн человек.

АСЕАН играет все более важную роль как фактор мира и безопасности не только в ЮВА, но и в АТР в целом. Поэтому вполне естественно стремление АСЕАН к установлению рабочих отношений с другими региональными объединениями в АТР, прежде всего с ШОС. Так, в январе 2007 г. в г. Себу в ходе Восточноазиатского саммита (ВАС) Филиппины выступили с инициативой установить тесные отношения с ШОС, а затем, по предложению России, был подписан Протокол о сотрудничестве между АСЕАН и ШОС, где обе стороны высказались в поддержку устойчивого развития отношений между двумя организациями².

В нынешних условиях, когда правительство России наконец приняло долгожданное решение об «опережающем развитии» районов Дальнего Востока, все более важное значение приобретают отношения нашей страны не только с Китаем, Японией и Республикой Корея, которые проявляют готовность к инвестированию выгодных для них проектов, но и с членами АСЕАН. Отсюда растущее внимание российской дипломатии к этой по-своему уникальной, системообразующей региональной группировке.

В практическую плоскость отношения нашей страны с АСЕАН вступили с окончанием холодной войны и эры биполярного противостояния. В 1991 г. впервые в истории АСЕАН делегация СССР была приглашена в качестве гостя для участия в 24-й конференции министров иностранных дел Ассоциации.

В 1994 г. между Россией и АСЕАН были установлены отношения консультативного партнерства, и фактически уже тогда начался двусторонний диалог. Наконец, в 1996 г. Россия получила статус полномасштабного партнера АСЕАН. Тем самым было

положено начало формированию нормативно-правовой базы и созданию многостороннего механизма партнерства «Россия — АСЕАН».

В 2004 г. Россия присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (ТАС), который уже более трех десятилетий определяет фундаментальные основы обеспечения мира и стабильности в регионе. Наша страна также заявила о своем позитивном отношении к усилиям АСЕАН по созданию в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, рассматривая их как реальный вклад в укрепление режима нераспространения ядерного оружия, в упрочение региональной и глобальной безопасности. По оценке вьетнамских экспертов, «Россия, будучи ядерной державой и постоянным членом Совета Безопасности ООН, подписала ТАС наряду с Китаем, который сделал это раньше, что способствовало еще большему укреплению роли ТАС в качестве признанного кодекса поведения в отношениях между государствами в регионе»³.

2005 г. оказался особенно насыщенным событиями в плане развития двусторонних отношений России со странами АСЕАН и дальнейшего расширения российского участия в деятельности этой организации. Был сделан ряд крупных, а на отдельных направлениях — новаторских шагов по реализации генеральной линии на упрочение авторитета и веса России в региональных делах, наращивание российского участия в набирающих здесь силу интеграционных процессах.

Прежде всего следует сказать о первом саммите «Россия—АСЕАН», состоявшемся 13 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия). На нем был принят основополагающий документ, регулирующий все аспекты отношений между Россией и АСЕАН, — Совместная декларация главы Российской Федерации и глав государств и правительств стран Юго-Восточной Азии о развитом и всеобъемлющем партнерстве. Основной целью Декларации было объявлено обеспечение «экономического роста, устойчивого развития, процветания и социального прогресса Российской Федерации и АСЕАН на основе принципов равенства, взаимной выгоды и общей ответственности, а также содействия миру, стабильности, безопасности и процветанию в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁴.

Одновременно участники саммита приняли Комплексную программу действий по развитию сотрудничества на 2005–2015 гг., конкретизировавшую содержание и параметры партнерства. Специальный раздел Программы был посвящен проблемам развития сотрудничества в сфере экономики, включая торговлю и инвестиции, промышленность, энергетику, транспорт, финансы, малое и среднее предпринимательство, науку и технику, информационно-коммуникационные технологии. Важное место в Программе отводилось сотрудничеству в области предупреждения и преодоления последствий стихийных бедствий, природопользования, восстановления и охраны окружающей среды. В документе была также закреплена договоренность о расширении сотрудничества в сфере культуры, информации, туризма, спорта, продовольствия, сельского и лесного хозяйства⁵.

Принципиально важной является достигнутая в Куала-Лумпуре договоренность о том, чтобы саммиты Россия — АСЕАН проводились на регулярной основе, не реже чем один раз в два-три года, а в перспективе — ежегодно, но, к сожалению, как это часто бывает, она не была реализована. Только в апреле 2009 г. на встрече представителей России и АСЕАН в Маниле на уровне заместителей министров иностранных дел была достигнута договоренность о практической проработке организационных и содержательных аспектов подготовки второй встречи Россия—АСЕАН на высшем уровне.

Второй саммит Россия — АСЕАН состоялся в Ханое 30 октября 2010 г. и стал еще одной важной вехой в развитии отношений диалогового партнерства между Россией и странами-членами Ассоциации. Саммит продемонстрировал общую политическую волю руководителей России и стран АСЕАН добиваться дальнейшего углубления сотрудничества. Он позволил выявить новые возможности для активизации взаимодействия на приоритетных направлениях сотрудничества в интересах модернизации и ин-

новационного развития наших государств, укрепления мира, безопасности и стабильности в ЮВА и АТР.

Второй саммит Россия—АСЕАН, для подготовки и успешного проведения которого в качестве председателя этой организации очень много сделал Вьетнам, подтвердил, что российско-вьетнамское стратегическое партнерство становится все более важным, ключевым фактором, работающим на укрепление позитивных тенденций, набирающих силу в ЮВА и АТР.

Таким образом, если первый саммит Россия—АСЕАН открыл новый этап активного, многоуровневого, разнопланового диалога по самому широкому кругу проблем в многостороннем и двустороннем форматах, то второй, прошедший в Ханое, поднял сотрудничество между Россией и АСЕАН на качественно новый уровень.

Ключевое значение для развития диалогового партнерства России со странами АСЕАН имеют ежегодные конференции министров иностранных дел двух сторон в формате АСЕАН+1, а также встречи диалоговых партнеров. В подготовку таких встреч, как правило, включается значительное количество министерств и ведомств, а также деловые круги, что позволяет делать переговоры насыщенными, направленными на реализацию договоренностей, достигнутых по итогам двух саммитов Россия—АСЕАН.

Россию объединяет с АСЕАН общность позиций по большинству актуальных и международных проблем, что убедительно подтверждает более чем 15-летний опыт участия России в деятельности Регионального форума АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ). Странам АСЕАН экономически и политически сильная Россия нужна прежде всего потому, что она проводит конструктивную политику, ориентированную не на односторонние преимущества, а на взаимное уважение и равные выгоды для всех в области безопасности. Такая политика оказалась сегодня высоко востребованной в обширном и конфликтном регионе, где АСЕАН уже приспособилась маневрировать в треугольнике США — Китай — Япония, а теперь многие ее члены не против того, чтобы добавить сюда и четвертый угол — Россию.

По мнению вьетнамских экспертов, «многоплановое сотрудничество России и АСЕАН — это важный фактор укрепления стабильности и процветания в регионе АТР. Россия считает АСЕАН своего рода «ядром» процесса интеграции региона АТР, и укрепление сотрудничества с АСЕАН — это одна из первостепенных задач России. Сознвая конструктивную и более важную роль России в мировых делах, страны АСЕАН выступают за все более широкое участие России в процессах интеграции в Азии и в решении важных проблем этого региона»⁶.

Позиции России подкрепляет и то обстоятельство, что в составе АСЕАН мы имеем очень важного союзника — Вьетнам, который является сегодня одним из ведущих членов этой организации. На современном этапе российско-вьетнамские отношения являются, бесспорно, важным фактором обеспечения мира и безопасности как в ЮВА, так и в целом в АТР. Их международная значимость особенно возросла после подписания в 2001 г. исторического двустороннего документа — Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам.

Важно при этом отметить, что Россия стала первой страной, с которой Вьетнам установил отношения принципиально нового для вьетнамской внешнеполитической практики формата — отношения стратегического партнерства. В то же время и для России Вьетнам является сегодня единственной страной ЮВА, с которой наша страна установила и развивает отношения стратегического партнерства.

Россия и Вьетнам весьма гармонично дополняют друг друга по многим важнейшим позициям государственных интересов каждой стороны. Так, по мнению вьетнамских экспертов, в России вьетнамцы видят, прежде всего, дружественную внерегиональную державу, которая не только сохранила, но и наращивает весомый политический, экономический и военный потенциал, и которая может быть и на деле является полезной

для «балансировки» отношений Вьетнама с другими мировыми державами и политико-экономическими центрами.

Что же касается Вьетнама, то с точки зрения российского научно-политологического сообщества, — это крупная, динамично развивающаяся, дружественная России страна, являющаяся одним из ведущих членов влиятельной региональной группировки АСЕАН. В Концепции внешней политики России, одобренной президентом В.В. Путиным, Вьетнам назван (наряду с Китаем и Индией) одним из наиболее важных стратегических партнеров России в Азии.

Хотя установление отношений стратегического партнерства между двумя странами в основном нацелено на более эффективное развитие двусторонних отношений в политической, экономической, военно-технической сферах, в области образования, науки и культуры, обе стороны придают большое значение также вопросам безопасности в регионе ЮВА и АТР. Так, пункт 14 Декларации о стратегическом партнерстве гласит: «Стороны придают исключительно большое значение вопросам обеспечения безопасности и укрепления доверия в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁷.

Более того, российская сторона, учитывая растущий международный авторитет АСЕАН как системообразующей региональной группировки и весомую роль Вьетнама в развитии и укреплении этой организации предложила включить в Декларацию следующий принципиально значимый текст: «Россия придает важное значение отношениям с АСЕАН и исполнена решимости развивать всестороннее сотрудничество с АСЕАН на основе равноправия, взаимной выгоды, содействия укреплению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии»⁸.

Эта принципиальная позиция России была подтверждена в ноябре 2006 г. в Совместном заявлении по итогам визита В.В. Путина в СРВ: «В духе отношений дружбы и сотрудничества Россия и Вьетнам выразили твердый настрой на дальнейшее упрочение взаимодействия в рамках диалогового партнерства Россия — АСЕАН и по каналам контактов ШОС с АСЕАН, а также стремление оказывать друг другу взаимную поддержку в действующих и формирующихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе многосторонних структурах»⁹.

Многоплановое сотрудничество России и Вьетнама во внешнеполитической сфере соответствует национальным интересам обеих стран, помогает обеспечивать благоприятные внешние условия для решения ими задач всесторонней модернизации и устойчивого развития, служит формированию всеобъемлющей и сбалансированной архитектуры равной и неделимой безопасности, политическому решению многочисленных спорных проблем мирового сообщества. Такое сотрудничество надежно работает на укрепление авторитета и влияния России и Вьетнама в ЮВА и АТР.

С учетом «особых российско-вьетнамских отношений» в 1996 г. Секретариатом АСЕАН Вьетнаму было поручено взять на себя роль Координатора отношений АСЕАН с Россией. И Вьетнам с честью справился с этой задачей. Хотя те годы были для России очень трудными: отсутствовала стабильность, экономика находилась в глубоком кризисе, не хватало денежных средств. Все это, естественно, мешало развитию продуктивных отношений с АСЕАН, развитию диалогового партнерства по существу. Вьетнамские сотрудники технических организаций АСЕАН по-дружески помогали российским представителям разобраться в сложных механизмах диалоговой деятельности АСЕАН. Именно тогда Вьетнам добился проведения заседания Комиссии совместного сотрудничества АСЕАН — Россия и предложил конкретные меры по уменьшению трудностей для России, что получило высокую оценку асеановского сообщества. И именно в 1996 г. Россия получила статус полномасштабного партнера АСЕАН по диалогу. Тем самым было положено начало формированию многостороннего механизма диалогового партнерства Россия — АСЕАН.

Россия и Вьетнам ведут постоянный многоуровневый диалог по широкому спектру проблем, связанных с ситуацией в ЮВА и АТР, по вопросам политической и экономической интеграции, проводимой АСЕАН. Здесь важно отметить, что само по себе развитие стратегического партнерства России и Вьетнама является фактором, стимулирующим ускорение диалогового партнерства между Россией и АСЕАН, а все более активное включение Вьетнама в региональные интеграционные процессы сопровождается дальнейшим укреплением связей с Россией и со странами АСЕАН.

Нельзя также не отметить, что Вьетнам, используя свой высокий авторитет в АСЕАН, всемерно способствовал тому, чтобы Россия была принята в Восточноазиатский саммит (ВАС) и стала его равноправным участником.

Россия заинтересована в сильном и процветающем Вьетнаме. Во всемерном наращивании комплексного потенциала стратегического партнерства с Россией, как представляется, заинтересован и Вьетнам. Как заявил президент СРВ Чыонг Тан Шанг в июле 2012 г. в Москве, «укрепление и развитие отношений традиционной дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства с Российской Федерацией является одним из важнейших приоритетов внешней политики Вьетнама»¹⁰.

В ходе состоявшихся переговоров президенты России и Вьетнама договорились о взаимодействии в целях всемерной поддержки ведущей роли АСЕАН в региональных процессах, ее инициатив по укреплению мира и безопасности, региональной экономической интеграции в ЮВА. В интервью «Российской газете» Чыонг Тан Шанг весьма эмоционально заявил: «Я очень четко вижу светлое будущее отношений между АСЕАН и Россией... И Вьетнам, и остальные члены АСЕАН горячо приветствуют углубление взаимодействия с Россией. Рост ее роли и укрепление позиций имеют очень большое значение для АСЕАН»¹¹.

Россия с самого начала активно поддержала инициативу АСЕАН по созданию Регионального форума АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ), рассматривая его в качестве одного из важнейших механизмов диалога по всему спектру вопросов упрочения стабильности в АТР, инструмента для продвижения концепции многополярного мира при укреплении центральной координирующей роли ООН и обеспечении примата международного права. Россия вместе с Вьетнамом были сопредседателями механизма межсессионных встреч АРФ по сотрудничеству в области ликвидации стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций.

К сожалению, как и в отношениях со многими быстроразвивающимися азиатскими странами, наиболее слабым звеном отношений России с АСЕАН остается торгово-экономическое сотрудничество, объем которого совершенно не соответствует уровню политических отношений. АСЕАН — это большой интегрированный рынок. В совокупности население стран Ассоциации насчитывает более 650 млн человек, а общий ВВП — более 2,3 трлн долл. По прогнозам международных экспертов, к 2015 г. АСЕАН может стать практически единым экономическим пространством.

Конечно, позитивная динамика есть — с начала XXI века объем взаимного товарооборота между Россией и АСЕАН устойчиво увеличивается и в 2013 г. достиг 17,5 млрд долл. Тем не менее, это весьма скромные цифры, совершенно не сопоставимые, например, с объемом торговли государств АСЕАН с Китаем (443 млрд долл. в 2013 г.).

Надо сказать, что в начале XXI века, благодаря успешному развитию диалогового партнерства, наметились определенные позитивные сдвиги в сфере торгово-экономического сотрудничества России и АСЕАН. Основой сотрудничества в этой области стала «дорожная карта», утвержденная министрами экономики России и стран — членов АСЕАН в октябре 2012 г. Начаты переговоры по созданию Фонда поддержки инвестиций между Российским фондом прямых инвестиций и Инфраструктурным фондом АСЕАН.

Это может существенно укрепить позиции российского бизнеса, позволит всерьез говорить о том, что во внешнеэкономических отношениях с АСЕАН начался переход от слов к делу. А главное, откроется возможность реализации крупных совместных инвестиционных проектов как в странах АСЕАН, так и на территории Российской Федерации.

Наибольшие перспективы для экономического сотрудничества России и АСЕАН открывают возможности нашей страны в области энергетики. Российские энергетические компании имеют богатый опыт работы на рынках Юго-Восточной Азии. Так, на протяжении многих лет СССР оказывал всестороннее содействие в создании топливно-энергетического комплекса Вьетнама — основы его современной экономики. При технико-экономическом содействии нашей страны во Вьетнаме были построены современные гидро- и теплоэлектростанции, линии электропередачи, налажена работа национальной диспетчерской энергослужбы.

В настоящее время Россия активно участвует в реализации намеченного правительством СРВ 10-летнего плана развития всей электроэнергетической отрасли. К 2020 г. совокупная мощность всех ТЭЦ и ГЭС во Вьетнаме должна достигнуть 330 млрд кВт против 100 млрд в 2010 г.¹² В последние годы Россия и Вьетнам объединили усилия для совместного выхода на энергетические рынки третьих стран.

Россия имеет уникальные экономические и политические возможности для содействия странам АСЕАН в решении проблем энергетической безопасности, в силу чего они могли бы стать главной темой обсуждения в ходе регулярно действующего энергетического диалога «Россия — АСЕАН». Этому во многом благоприятствует то обстоятельство, что в общественном мнении большинства стран АСЕАН доминирует благожелательное отношение и доверие к России. И это касается не только Вьетнама и Лаоса, где еще живы и сильны чувства благодарности за помощь, оказанную народам этих стран в их борьбе за национальное освобождение и независимость, и где успешно работают сотни предприятий, построенных с помощью СССР.

Два года назад произошло важное событие, которое может дать долгожданный мощный толчок развитию торгово-экономического сотрудничества двух сторон. В июне 2012 г. в Торгово-промышленной палате РФ была принята концепция развития Делового совета «Россия—АСЕАН». Основными направлениями работы Делового совета были названы поддержка делового взаимодействия и поощрение гуманитарных контактов России и стран—членов АСЕАН. Деловой совет координирует свою работу с профильными департаментами МИД РФ, Минэкономразвития РФ, тесно взаимодействует с Российским советом по международным делам и Центром АСЕАН при МГИМО, посольствами стран АСЕАН в Москве и российскими посольствами в странах АСЕАН.

За прошедшие после создания годы Деловой совет «Россия — АСЕАН», по информации его Секретариата, провел интенсивную работу в экономико-инвестиционном, технологическом, общественно-культурном и политическом блоках, добился организации прямого общения бизнесменов двух сторон, провел мониторинг экономического состояния стран АСЕАН, создал базу данных, в том числе по инвестиционным проектам, проявил инициативу по проведению тематических мероприятий, как двусторонних, так и регионального уровня. Одно из таких мероприятий — Деловой форум «Россия — АСЕАН» 22 июня 2013 г. в рамках Петербургского международного экономического форума. Участниками форума стали более 200 представителей крупного и среднего бизнеса и государственных деятелей из 16 стран мира, включая почти все страны АСЕАН — Бруней, Индонезия, Лаос, Сингапур, Вьетнам, Малайзия, Таиланд, Филиппины¹³.

2014 год также отмечен рядом важных событий в развитии партнерства «Россия — АСЕАН». Так, 24 марта 2014 г. российская бизнес-миссия посетила Секретариат АСЕАН, где заместитель министра экономического развития России А. Лихачев встретился с заместителем генерального секретаря АСЕАН Лим Хонг Хином. Открывая встре-

чу, А. Лихачев отметил, что Россия и АСЕАН тесно взаимодействуют в процессе реализации Дорожной карты «Россия—АСЕАН». В интересах бизнеса обеих сторон также успешно работает Деловой совет «Россия—АСЕАН».

«В последние годы стало очевидно, — сказал в частности А.Лихачев, — что взаимодействие в рамках Диалогового партнерства Россия—АСЕАН нуждается в выходе на новый этап. Дорожная карта должна превратиться в перечень конкретных проектов». Согласившись со своим российским коллегой, что показатели могут быть намного выше, Лим Хонг Хим сообщил, что у стран региона сохраняется большой интерес к российской наукоемкой продукции, фармацевтике, энергетике¹⁴.

Наконец, 1 июля 2014 г. министр иностранных дел РФ С.В.Лавров провел в Москве встречу с генеральным секретарем АСЕАН Ле Лыонг Минем, находившимся в России с рабочим визитом. Состоялся обмен мнениями о путях наполнения диалогового партнерства Россия—АСЕАН весомым практическим содержанием, создания условий для проведения очередного саммита Россия—АСЕАН. Была констатирована взаимная заинтересованность в расширении политических контактов, углублении экономических, научных и культурных связей между Российской Федерацией и АСЕАН. В ходе обсуждения международной проблематики особое внимание было уделено перспективам формирования в АТР новой системы межгосударственных отношений, способной обеспечить надежную безопасность и устойчивое развитие государств региона.

В ходе дальнейших встреч генерального секретаря АСЕАН с представителями МИД РФ, бизнес-сообщества и российских научных кругов (во встрече в Центре АСЕАН МГИМО приняли участие все сотрудники Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН) были обстоятельно обсуждены перспективы углубления российско-асеановского взаимодействия в контексте подготовки новой Комплексной программы действий по развитию сотрудничества России и АСЕАН на период после 2015 г. Особый упор был сделан на мерах по расширению диалога по вопросам политики и безопасности, а также практической кооперации в сфере экономики, чрезвычайного реагирования, науки и техники, культуры и туризма.

Кроме того, состоялись взаимопользные беседы Ле Лыонг Миня с председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии В.Б.Христенко и генеральным секретарем ШОС Д.Ф.Мезенцевым, в ходе которых обсуждались перспективы налаживания взаимодействия между АСЕАН и этими многосторонними объединениями¹⁵.

* * *

Какие тенденции возобладают в АТР в предстоящие десятилетия в немалой степени зависит от того, как будут складываться отношения между Россией и АСЕАН. Важно, что между двумя сторонами нет никаких политических разногласий и противоречий. Россия неизменно и последовательно поддерживает усилия АСЕАН по превращению ЮВА в «регион прочного мира, стабильности и устойчивого экономического развития», как это записано в Хартии АСЕАН, принятой в 2008 г. По всем главным проблемам мирового развития позиции России и АСЕАН совпадают либо очень близки.

В политических элитах стран АСЕАН понимают, что Россия в качестве великой мировой и азиатской державы с мощным военным потенциалом и как постоянный член Совета Безопасности ООН была и остается существенным фактором поддержания мира и стабильности в регионе. Она может и должна играть важную роль в формировании будущей системы безопасности в АТР вообще и в ЮВА в частности — как в качестве активного участника, так и надежного гаранта договоренностей.

В отношении с АСЕАН Россия имеет важные морально-политические преимущества в сравнении с другими великими державами. Между ней и странами АСЕАН никогда не было никаких серьезных, тем более вооруженных, конфликтов. После окончания холодной войны Россия никогда не вмешивалась во внутренние дела этих стран, в

том числе по таким чувствительным вопросам, как права человека, демократические свободы, территориальные и межконфессиональные конфликты. Все эти преимущества дают России то, что называется «мягкой силой». Важно только использовать эту силу целенаправленно и эффективно.

Внешнеполитическая линия России в АТР направлена на то, чтобы последовательно претворять в жизнь положения Совместного заявления России и АСЕАН, принятого на их Втором саммите в Ханое: «Мы считаем, что международная безопасность неделима, и убеждены в том, что национальную безопасность нельзя обеспечить в ущерб безопасности других. Мы подчеркнули необходимость полностью уважать и принимать в расчет как законные интересы и озабоченности всех государств, так и действующие в них законы и правила»¹⁶

1. Позиции России в АТР // *Лузянин С.Г.* Шанхайская организация сотрудничества. М., 2007. С. 84.
2. Там же. С. 108.
3. Vai tro cua Viet Nam trong ASEAN: [Роль Вьетнама в АСЕАН]. Ha Noi, 2007. Tr. 127.
4. URL: <http://www.mid.ru>; 14.12.2005.
5. Там же.
6. Vai tro cua Viet Nam trong ASEAN. Tr. 125.
7. Цит. по: Это незабываемое слово Льенсо. М. 2006. С. 412.
8. Там же. С. 412.
9. Цит. по: Тихоокеанское обозрение 2006–2007. М., 2007. С. 172.
10. Nghien suu quoc te. 2012. N. 3. Tr. 66.
11. Российская газета. 2012. 27 июля.
12. Доклад замминистра промышленности и торговли СРВ Хоанг Куок Вьонга на тематическом семинаре в Ханое, август 2011 г.
13. URL: <http://russia-asean.com/ru>.
14. URL: <http://asean.mgimo.ru/ru/gallery7>.
15. Там же.
16. URL: www.mid.ru; 01.10.2010.

Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями: истоки и эволюция

© 2014

Д. Стрельцов

В статье рассматриваются роль и место некоторых проблем исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями, включая проблему официальных извинений, проблему «женщин комфорта», а также проблему визитов японских официальных лиц в синтоистский храм Ясукуни.

Ключевые слова: Проблемы исторического прошлого, комплекс виictimности, «женщины комфорта», официальные извинения, визиты в храм Ясукуни, заявления Мураяма, лозунг «покончить с послевоенным режимом».

На протяжении всего послевоенного периода проблемы исторического прошлого занимали заметное место в международных отношениях послевоенной Японии со странами Восточной Азии. Особенно остро они проявились на фоне усилившегося позиционирования Японии в международном сообществе как «нормальной страны», т.е. государства, не обремененного конституционными и иными ограничениями в военном строительстве, а также ее стремления взять на себя роль мирового политического лидера.

Одна из главных претензий стран-соседей заключается в том, что Япония не понесла всей полноты ответственности за те злодеяния, которые она совершила в период своего имперского прошлого. Особенно это касается периода Второй мировой войны, когда японская военная оккупация причинила огромные страдания народам Азии. С 1931 по 1945 гг. Япония вела агрессивную войну со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Японские войска оккупировали важные стратегические населенные пункты Китая и других стран. Имели место массовые убийства и многочисленные случаи проявления насилия, в том числе в отношении мирного населения, а также военнопленных.

Существует много оценок масштаба ущерба, причиненного народам Азии. Например, в Нанкине, согласно китайским источникам, в июле 1937 г. от рук японцев погибло более 300 тыс. мирных жителей, включая стариков и детей, а от 20 до 80 тыс. женщин было изнасиловано¹. Японские оценки числа жертв существенно более скромные, однако факт массовых убийств и изнасилований не подвергается сомнению и там.

Население оккупированных стран подвергалось насильственным трудовым мобилизациям. Во многих районах Китая японская военная оккупация спровоцировала массовый голод. Широкую международную известность получила деятельность специального подразделения японской армии — Отряда 731, который занимался в районе Харбина подготовкой бактериологической войны. Жертвы преступных опытов Отряда 731, среди которых были как китайцы, так и представители других стран, подвергались инфи-

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru. Тел.: 8 (495)433-2555.

цированию такими смертельными болезнями, как сибирская язва и бубонная чума. Есть свидетельство о том, что военнотружущие японской императорской армии перед самым окончанием войны выпустили в Харбине крыс, зараженных бубонной чумой, что привело в 1947 г. к гибели 30 тыс. китайцев².

Еще одним примером жестокости стало насильственное привлечение для нужд японской армии т.н. «женщин комфорта» (корейнок, филиппинок, голландок и др.) в качестве сексуальных рабынь. Проблема «женщин комфорта» стала в послевоенный период причиной серьезных дипломатических конфликтов Японии с Южной Кореей, а также Филиппинами и Нидерландами.

Между тем наказание, наложенное Международным военным трибуналом для Дальнего Востока и несколькими трибуналами в других странах на руководство Японией военного времени, коснулось в основном ограниченной группы высокопоставленных военных политиков и бюрократов. В конце 1970-х гг. Тодзэ Хидэки и 13 прочих военных преступников класса А, в отношении которых Токийский трибунал вынес обвинительные приговоры, включая смертную казнь, были скрытно внесены в канонизированные списки японцев, погибших за родину на полях сражений, которые хранятся в синтоистском храме Ясукуни. От какой-либо ответственности был полностью освобожден японский император, который являлся главой государства в военный период.

Несмотря на большой масштаб репрессивной политики в отношении лиц, запятнавших себя сотрудничеством с милитаристским режимом (меры коснулись примерно 200 тыс. чел. и включали в себя широкий диапазон наказаний — от уголовной ответственности до запрета занимать общественные должности), политические чистки не затронули костяк гражданской бюрократии довоенного времени. Практически все осужденные лица, приговоренные к тюремному заключению, к концу 1950-х гг. в результате «обратного курса» США были амнистированы.

В этих условиях появился шанс для выдвижения нового поколения политической элиты из числа управленцев второго эшелона, занимавших достаточно важные посты в правительстве довоенного времени. Большинство крупных японских политических деятелей послевоенного периода не просто начинали карьеру, но и занимали крупные посты в государственном аппарате либо лояльных милитаристскому режиму политических партиях Японии военного времени. Среди них, например, можно назвать послевоенных премьер-министров Японии С. Ёсида, И. Хатояма, Н. Киси. В этом смысле ситуация коренным образом отличалась от той, что сложилась в Германии, где денацификация проводилась более радикальными мерами, а среди крупных общественных фигур послевоенного времени нет ни одной, занимавшей видное положение во времена нацистского прошлого.

Между тем многие из проблем исторического прошлого, ставших предметом конфликта в межгосударственных отношениях Японии с соседями, стали предметом разбирательства лишь в недавний по историческим меркам период. Даже проблемы, касающиеся Второй мировой войны, в первые послевоенные десятилетия не поднимались, а зачастую практически полностью замалчивались. Так, вопрос о «женщинах комфорта» как международно-политическая проблема появился лишь в начале 1980-х гг., проблема учебников истории — в конце 1970-х гг., проблема храма Ясукуни — в первой половине 1980-х гг. Существенное «запаздывание» с выдвижением вопроса об ответственности Японии создавало у многих азиатских народов ощущение, что Япония так и не понесла должного наказания за грехи военного времени.

В свою очередь среди существенной части японского общественного мнения сложилось представление о том, что видение истории, в котором Япония предстает в неприглядном свете, является продуктом политической пропаганды и не соответствует действительности. Согласно распространенному мнению, японская армия продвигалась в 1930-е гг. в страны Азии, сражаясь за правое дело — освободить азиатские народы от бе-

лых колонизаторов. К тому же относительно слабые наказания японских военных преступников, назначенные Токийским военным трибуналом, в соответствии с этой точкой зрения, явились свидетельством того, что разговоры о зверствах японской императорской армии на материке есть досужие вымыслы³.

Установлению подобного взгляда способствовало то обстоятельство, что в большинстве стран, являвшихся противниками Японии и пострадавших от японской агрессии, в первые послевоенные десятилетия преобладала точка зрения о нецелесообразности привлечения излишнего внимания к преступлениям японского милитаризма.

Так, в коммунистическом Китае в 1950–1960-е гг. критика Японии и даже напоминание о понесенных китайским народом страданиях считались «нетактичными». Свою роль играло нежелание лишней раз раздражать Токио: цель КПК заключалась в том, чтобы вырваться из дипломатической изоляции и получить дипломатическое признание западных стран и в том числе Японии. Кроме того, в официальной китайской историографии японская военщина была отнюдь не самым опасным врагом — гораздо более страшным противником считался чанкайшистский режим. Наконец, в рамках коммунистической идеологии превалировало представление о необходимости разделения ответственности народа и власти: японский народ, согласно этому взгляду, сам был жертвой относительно немногочисленной клики милитаристов, а обвинять в преступлениях весь народ было нельзя. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявили, что за агрессию Японию должен нести ответственность ограниченный круг милитаристов, а вовсе не японский народ⁴.

Именно по этой причине крупные расследования преступлений японцев в 1950–60-е гг. в КНР практически не проводились. Не поднимал в переговорах с японцами Пекин и проблему репараций, даже в период, когда накануне восстановления двухсторонних отношений у Китая было гораздо больше оснований ставить этот вопрос.

Вплоть до начала 1970-х гг. не поднимались многие из вопросов исторического прошлого, стоящих сейчас на политической повестке дня в японо-южнокорейских отношениях, и со стороны Сеула. Когда в 1965 г. решался вопрос о восстановлении дипломатических отношений, южнокорейская сторона с готовностью согласилась на заключение секретной сделки об оказании «финансовой помощи» объемом около 500 млн долл., которые рассматривались именно как помощь, а не репарации. Во многом это было сделано по настоянию японской стороны, не желавшей заострять внимание на своей ответственности, однако нельзя забывать и о том, что тогдашний южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи имел больше возможностей, чем с началом демократического времени, принимать решения единолично, исходя из собственных представлений о политической целесообразности. Уместно отметить, что предоставленный тогда Токио пакет финансовой помощи Сеулу позволил провести модернизацию инфраструктуры и по сути стал одним из факторов корейского экономического чуда. Но с точки зрения общественного мнения демократической Южной Кореи, Пак Чжон Хи совершил предательство, пойдя на унижительную сделку с японцами⁵.

Достаточно либеральным было отношение к историческим грехам Японии и в Соединенных Штатах. Отчасти это было связано с тем, что фокус внимания официальной американской историографии был сосредоточен на Тихоокеанской войне ('Pacific War'), т.е. операциях с участием армии США в бассейне Тихого океана, тогда как боевые действия Японии в Китае и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, по сути, оказывались на периферии исследовательского интереса. Основную вину на Японию американцы возлагали за ее нападение на Пирл-Харбор, которое в их глазах перевешивало любые действия японских военных на материке. Некоторое освещение получила тема плохого отношения к военнопленным из армии США и их союзников, а также тема изнасилований голландок и филиппинок и их насильственной сексуальной эксплуатации в японских военных борделях (следует признать, впрочем, что до уровня проблемы «жен-

щин комфорта», вставшей во весь рост с начала 1990-х гг., эта тема явно не дотягивала — сказывалось отношение к данному феномену как к неизбежному и явно не самому крупному злу военного времени).

Кроме того, свою роль в игнорировании проблемы преступлений японской императорской армии на материке играло то обстоятельство, что оккупационная администрация США на определенном этапе стала поддерживать идею «патриотизма» в японском обществе, рассчитывая использовать его в качестве рычага для консолидации японской нации в целях борьбы с коммунизмом (особенно сильно это стало заметно с началом Корейской войны).

Что касается Советского Союза, то по понятным причинам гораздо больше внимания послевоенная советская историография уделяла вопросам, связанным с Великой Отечественной войной. Вступление СССР в войну с Японией, помимо того, что это было уже эпизодом не Великой отечественной, а Второй мировой войны, в большей степени подавалось не как возмездие за совершенные японской военщиной преступления, а как выполнение обязательств СССР перед союзниками. К тому же, в отличие от Китая и государств Корейского полуострова, СССР после подписания Совместной декларации 1956 г. считал все вопросы в двусторонних отношениях с Японией, связанные со Второй мировой войной, урегулированными, что не давало оснований заострять внимание на «нерешенности» проблем недавнего прошлого. Кроме того, сказывалась ситуация геополитического соперничества с Вашингтоном: по логике холодной войны, Москва продолжала питать надежду на то, чтобы оттянуть Японию от союза с США или хотя бы нейтрализовать ее. Поскольку политические отношения между двумя странами продолжали оставаться натянутыми, во многом из-за нерешенной проблемы мирного договора, создавать дополнительные препоны на пути размораживания этих отношений Москва не хотела. Свою роль играл и разгоравшийся в 1960-е гг. советско-китайский конфликт — чрезмерные пропагандистские нападки на Японию за действия императорской армии в Китае выглядели бы как косвенная поддержка китайского взгляда на историю. В этих условиях официальная советская историография воздерживалась от чересчур энергичной критики Японии за преступления военного времени, сосредоточив усилия на борьбе с призраком возрождающегося японского милитаризма.

В самой же Японии видение собственного неприглядного исторического прошлого в широком общественном сознании проявлялось в некритичном к нему отношении, в приукрашивании реального положения дел и нежелании решительно размежеваться с довоенной государственной системой. Свою роль играли национально-психологические особенности японской нации, которые председатель фонда Asia Foundation А. Хорват относит к числу причин того, что называют «коллективной амнезией»⁶. В их числе часто называется особая роль категории «стыда» и большая, по сравнению с европейцами, степень неготовности к признанию собственных ошибок и соответствующему покаянию, а также большая восприимчивость к риску «потери лица» в глазах окружающих. Кроме того, среди японцев считается «плохой манерой» вспоминать о собственных страданиях.

Однако относить все к фактору национальной психологии было бы неверно. В сфере внутренней и внешней политики имелись и другие причины.

Прежде всего, самокритике не способствовали те внешнеполитические условия, в которых Япония строила свою послевоенную дипломатию. Японии нужно было восстановить свои экономические позиции в странах Восточной Азии, а для этого — реабилитировать себя в глазах тамошнего общественного мнения. Поэтому азиатская дипломатия Токио во многом строилась на борьбе с нежелательной «исторической памятью». Была поставлена задача создать имидж Японии, от которой больше не исходит милитаристская угроза (именно эта идея, например, была одной из основных в азиатской доктрине Фукуда, выдвинутой в 1977 г.). В этом заключалось отличие Японии от послевоенной

Германии, которая позиционировала себя как государство, не являющееся преемником довоенного нацистского режима и не боящееся использовать идею активного отрицания нацистского прошлого для создания своего имиджа за рубежом.

Другим отличием от Германии явилось то, что негативное в целом отношение в Японии к собственному милитаристскому прошлому сочеталось с психологическим комплексом виктимности, т.е. ощущением собственного страдания.

Существует несколько причин устойчивости комплекса виктимности, самопроизводившегося в нескольких послевоенных поколениях японцев. В период оккупации сами оккупационные власти США поддерживали тезис о нации-жертве с целью ослабить враждебность со стороны населения и повысить степень управляемости страной. Внедрение в широкое общественное сознание идеи о том, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, позволяло провести четкую разграничительную линию между милитаристской кликой и пострадавшим от ее действий населением, что подводило к заключению о том, что японский народ не может нести ответственность за преступные решения своих лидеров. В свою очередь, это способствовало укреплению легитимности оккупационного правления и создавало дополнительный барьер против возрождения милитаризма⁷.

Этот же подход естественным образом легитимировал императора Хирохито, образ которого усилиями правящей элиты при одобрении американской оккупационной администрации удалось отделить от мрачного облика милитаристского режима. По мнению проф. Лейденского университета Р. Керстен, в этом проявился «пораженческий ревизионизм», основанный на консенсусе между японскими консервативными элитами и американскими властями⁸.

Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японский народ в период Второй мировой войны сам понес огромные жертвы и испытал неопишуемые страдания, а потому уже с лихвой окупил свои грехи. Из 74 млн. населения Японской империи в ходе войны погибло около трех млн человек, в том числе около 800 тыс. мирных жителей. В ходе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки погибло несколько сотен тысяч человек, а страдания «хибакуся» продолжались протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы хорошо знают и о ковровых бомбардировках Японии с воздуха американцами весны-лета 1945 г. Например, в результате бомбежки Токио 10 марта 1945 г. от бомб и вызванного ими пламени погибло около 100 тыс. жителей.

Помимо комплекса виктимности, повлияла на восприятие массовым сознанием итогов Второй мировой войны и либеральная политика американских оккупационных властей, которые, борясь с коммунистической угрозой, фактически пошли на сделку с тогдашним японским политико-бюрократическим истеблишментом, отказавшись от массовых чисток государственного аппарата по германской модели и полностью или частично освободив представителей этого истеблишмента от ответственности за сотрудничество с милитаристским режимом. Достаточно снисходительными к Японии были и условия Сан-Францисского мирного договора, по которым Япония практически полностью освобождалась от репараций.

Относительно умеренные по сравнению с Германией, результаты послевоенных политических чисток, наряду с восприятием японской вины во Второй мировой войне через призму собственной виктимности, давали многим японцам основания ощущать себя жертвой в не меньшей степени, чем страны Восточной Азии, пострадавшие от японской агрессии. Некоторые исследователи считают, что это явилось одной из причин того, что японцы не могли осознать до конца масштаб страданий, причиненных ими азиатским народам⁹.

Комплекс виктимности поддерживался как трудами консервативных ученых, так и усилиями официальных властей, которые периодически ставили вопрос о необходимо-

сти усилении «патриотического воспитания» в стране. Особый упор делался на те факты истории Второй мировой войны, которые подтверждали тезис о несправедливом отношении к Японии со стороны стран коалиции. Широкое распространение получила теория о том, что Токкийский трибунал являл собой «суд победителей», а его решения были изначально необъективны. Осужденные и казненные по решению трибунала военные преступники класса А, в соответствии с данной теорией, уже «искупили грехи» нации, а потому их канонизация в храме Ясукуни не представляет ни юридической, ни этической проблемы. Характерным в этом смысле является заявление министра финансов Ё. Нода, сделанное им в августе 2011 г., который сказал, что канонизированные в храме Ясукуни военные преступники класса А «больше не являются военными преступниками», поскольку они уже понесли должную ответственность судебным порядком (были помилованы, освобождены после отбытия тюремного срока или казнены)¹⁰.

Интересно, что комплекс виктимности проявлялся и в отношениях Японии с Советским Союзом, а именно — в подходе официального Токио к проблеме «северных территорий». Япония продолжала придерживаться позиции, что ялтинские соглашения, определившие судьбу Курил, были заключены за ее спиной, а потому именно она является пострадавшей стороной в территориальном конфликте с Москвой. Через призму виктимности воспринималось большинством японских историков и вступление СССР в войну против Японии в августе 1945 г. В этом многие японцы видели лишь свидетельство вероломства и величайшей несправедливости (вспоминается нарушение Москвой Пакта о нейтралитете), а вовсе не историческое событие, позволившее существенно ускорить конец Второй мировой войны. (Разительным контрастом было в этом плане отношение многих японцев к атомным бомбардировкам Японии американцами, которые воспринимались именно как подобное событие)¹¹.

Виктимизированный менталитет японцев являет собой любопытный феномен. Казалось бы, виктимность должна порождать реваншизм, о чем свидетельствует исторический опыт Веймарской республики. Однако в реальности комплекс виктимности играл диаметрально противоположную роль на разных этапах послевоенной истории Японии. В первые послевоенные десятилетия виктимность, скорее, подпитывала пацифизм в общественном сознании, выступая своего рода политическим ресурсом для оппозиционно настроенных сил левой и центристской ориентации. Это не могла не учитывать и правящая партия, претендовавшая на роль общенациональной политической силы: даже при относительном преобладании в ЛДП мнения о необходимости пересмотра конституции вопрос о внесении в нее поправок даже не был поставлен в политическую повестку дня.

В то же время, начиная с конца 1970-х гг., когда набравшая экономическую мощь Япония стала все активнее позиционировать себя как держава регионального и даже глобального уровня, комплекс виктимности стал играть уже в пользу исторического ревизионизма, проявлениями которого стали призывы «подвести итоги» послевоенной политики, изменить конституцию, навязанную стране американцами, возродить полноценные вооруженные силы и стать «нормальным государством». Как отмечал профессор университета Кэйо Ё. Соэя, «сочетание исторического ревизионизма и «активной дипломатии», ориентированной на западные ценности, является продуктом травмы сознания, нанесенной Японии в результате поражения в войне и последующего периода оккупации, которые, как считают многие, привели к феномену «недостаточной независимости» послевоенной Японии»¹².

В международно-политическом плане проблема исторической памяти нередко проявляла себя на протяжении всего послевоенного периода в вопросе об официальных извинениях. Япония стремилась к тому, чтобы вопрос об извинениях, причем не только в отношении периода Второй мировой войны, но и более раннего времени, включая период второй половины XIX в., когда Япония проводила экспансионистскую политику на

Корейском полуострове, не находился в отношениях с восточноазиатскими соседями в центре политической повестки дня.

Между тем Китай в своих отношениях с Японией периодически придавал вопросу об извинениях особое значение. В рамках китаецентристской вассально-даннической системы внешнее проявление церемониала оказывается существенно более важным, нежели содержательная сторона этих отношений. Как отмечал российский исследователь Г.Ф. Кунадзе, огромное значение имеет не только факт извинения, но и место и время, выбранные для его выражения, форма, в которую оно облечено, манера, в которой оно принято¹³. Характерной в этом смысле была позиция Китая в 1972 г. на переговорах в Пекине по восстановлению отношений. Китай тогда потребовал от японской стороны однозначного покаяния за военное прошлое. Но выбранная японским премьер-министром К. Танака форма извинения, выраженная во фразе «Извините за доставленное беспокойство», чуть не сорвала переговоры, вызвав резкое неприятие и даже гнев со стороны представлявшего Китай Чжоу Эньлая. Лишь Мао Цзэдун смог «примирить» двух премьеров, призвав их «смотреть в будущее и не оглядываться назад»¹⁴.

С начала 1980-х гг. японские руководители более десяти раз выражали в различных формах и по различным случаям извинения в адрес азиатских народов. Особенно актуальность проблемы извинений выросла с началом 1990-х гг., когда Япония поставила перед собой задачу существенно повысить свою глобальную политическую роль, для решения которой нужно было заручиться поддержкой азиатских стран (Япония позиционировала себя как представителя Азии в Большой восьмерке, в ООН и иных международных форматах). Сразу несколько японских премьер-министров выступили с заявлениями, осуждающими милитаристское прошлое страны. Так, М. Хосокава в своей речи 15 августа 1993 г. на ежегодной церемонии, посвящённой окончанию Второй мировой войны, признал, что война, которую вела Япония, была агрессивной. Это было первое за всю послевоенную историю признание подобного рода — ранее японские официальные лица предпочитали вообще не использовать термин «агрессия».

15 августа 1995 г. глава кабинета министров социалист Т. Мураяма, выступая на церемонии в честь годовщины окончания войны, заявил: «В период не столь далекого исторического прошлого Япония, проводя ошибочную государственную политику, пошла по пути к войне, которая привела японскую нацию к роковому кризису. Действуя путем установления колониального господства и агрессии, Япония нанесла огромный ущерб и страдания многим странам, и особенно народам Азии»¹⁵. Японский премьер-министр выразил далее чувство глубокого раскаяния и выразил искренние извинения за содеянное.

Заявление Мураямы считается на сегодняшний день наиболее сильным высказыванием лидера японского государства, выражающим осуждение темных сторон исторического прошлого страны. Главное его значение заключалось в том, что признание вины за ошибки прошлого позволяло Японии заложить более прочные основания под ее отношения с азиатскими странами. В дальнейшем все правительства Японии, включая те, что возглавлялись относительно правыми политиками, подтверждали свою приверженность данному заявлению.

После Т. Мураямы резонансными были также высказывания премьер-министра Дз. Коидзуми. Выступая в апреле 2005 г. в Джакарте на саммите стран Азии и Африки, японский лидер выразил свои извинения и заявил о том, что Япония никогда не станет военной державой. А 15 августа 2005 г., в день принятия Японией Потсдамской декларации, Дз. Коидзуми заявил о своем «смирленном признании» исторических фактов и «чистосердечном раскаянии»¹⁶.

Несмотря на неоднократное выражение японскими лидерами извинений, данная проблема продолжала постоянно возникать в отношениях Японии с соседями. Ясно, что устойчивость этого феномена нельзя объяснить только недостаточной искренностью раскаяния со стороны Японии. Это связано с тем, что стороны оценивают эту проблему с

разных позиций. Так, в Японии распространена точка зрения, что японские лидеры уже и так неоднократно извинялись за военное прошлое, а своей экономической помощью Китаю, Южной Корее и иным странам Азии Япония с лихвой искупила прошлые грехи, поэтому данную проблему можно считать исчерпанной. К тому же в Японии выросло уже новое поколение, которому не нужно извиняться за грехи своих отцов. Выражая эту точку зрения, депутат ЛДП С. Такаити в 1995 г. заявила в ходе дебатов по поводу резолюции, посвященной 50-летию окончания Второй мировой войны: «Поскольку я не являюсь частью поколения, прошедшего войну, я не испытываю чувства раскаяния»¹⁷.

Между тем для многих стран Азии, и прежде всего Китая и Южной Кореи, вопрос об извинениях стал дополнительной возможностью политического шантажа Японии с целью выторговать у нее определенные уступки в иных областях. Свою роль играют и экономические причины, а именно — более низкий по сравнению с Японией экономический статус. Осознание того, что в случае, если публичные высказывания японских официальных лиц по вопросам исторического прошлого будут содержать оскорбительный для них смысл, эти страны не смогут дать адекватного ответа (например, применив к Японии эффективные экономические санкции), по мнению японского исследователя Я. Онума, побуждало их таить в себе определенную неудовлетворенность даже в тех случаях, когда японская сторона подтверждала свое раскаяние¹⁸.

Ошутимое воздействие на отношения Японии со странами-соседями, и в первую очередь с Республикой Корея, оказывает еще одна проблема исторического прошлого — проблема т.н. «женщин комфорта». Ее суть заключается в том, что в ряде азиатских стран, пострадавших от японской агрессии, с требованиями компенсаций от японского правительства выступает группа женщин, которая в годы войны подвергалась насильственной сексуальной эксплуатации со стороны японских военнослужащих на т.н. «станциях комфорта» (по сути, в домах терпимости для военнослужащих), организованных при поддержке японских военных властей.

Имеются разные оценки количества женщин, вовлеченных в период Второй мировой войны в сексуальное рабство — от 20 тыс. до 200 тыс. и даже более. Значительную их часть составляли кореянки и филиппинки, хотя имелись представительницы других азиатских наций (Таиланд, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Тайвань и иные территории, оккупированные японской императорской армией), а также некоторое количество европейских женщин (голландки и австралийки). «Станции комфорта» были расположены в Китае, Японии, Индонезии, на Филиппинах, Малайзии, Бирме, Таиланде, Новой Гвинее, Французском Индокитае и других странах, входивших в период Тихоокеанской войны в зону военного контроля японской армии.

Проблема «женщин комфорта» актуализировалась только в начале 1990-х гг. Это было связано с несколькими причинами. Во-первых, в Китае, Южной Корее, на Тайване и некоторых других странах Восточной Азии в тот период стал наблюдаться подъем национального самосознания в связи с достигнутыми к тому времени экономическими успехами. Актуализация проблемы «женщин комфорта» явилась отражением всплеска «экономического национализма» в этих странах, а также усиления борьбы за экономическое и политическое лидерство в регионе, в ходе которой Япония начала утрачивать лидерские позиции. Выдвижение проблемы «женщин комфорта», таким образом, стало одним из средств давления на Японию в рамках ужесточающейся конкурентной борьбы.

Во-вторых, в 1990-е гг. в мире наблюдался рост интереса к проблемам прав человека, как в международных организациях, так и на уровне межгосударственных отношений. Проблема «женщин комфорта», таким образом, стала привлекать к себе внимание в широком контексте международного интереса к правозащитной тематике, ставшей неотъемлемой частью международно-политической повестки дня.

В-третьих, в связи с ростом значения популизма в политике проблема «женщин комфорта» обрела и внутривнутриполитическое звучание, став в Южной Корее важным ресурсом для поддержания рейтингов действующей администрации.

Специфика проблемы «женщин комфорта» заключалась в ее гуманитарном характере, связанном с тем обстоятельством, что в живых к тому времени оставалось лишь несколько десятков корейцев, работавших на «станциях комфорта». Выдвижение данного вопроса в плоскости компенсационных выплат рассматривалось как последняя возможность отдать им дань уважения как специфической категории жертв военного времени.

Почему же проблема «женщин комфорта» фактически замалчивалась на протяжении нескольких послевоенных десятилетий? Это было связано не только с проводившейся странами-победительницами политикой «облегченной ответственности» Японии, о которой шла речь выше, но и с деликатностью и сложностью данной темы, связанными с тем обстоятельством, что для многих из «женщин комфорта» публичное обсуждение данного вопроса было чревато риском не просто «потери лица», но и остракизма со стороны собственных сограждан. Кроме того, правительства стран, которых представляли «женщины комфорта», не слишком охотно шли на выдвижение соответствующих претензий, так как не всегда признавали этих женщин жертвами, по крайней мере, в полноценном качестве (особенно это касалось правительства Южной Кореи, для которого категория «женщин комфорта» считалась не вполне «достойной» в списке социальных групп, пострадавших от насилия в годы войны). Играли роль и юридические моменты: после 1965 г., когда Япония и Южная Корея подписали ряд договоров, по которым стороны отказывались от взаимных претензий по итогам Второй мировой войны, «женщины комфорта», соответственно, уже не могли подавать иски о компенсациях.

В 1990 г. были опубликованы неопровержимые доказательства, свидетельствующие о причастности официальных властей Японии к практике привлечения женщин азиатских стран к оказанию сексуальных услуг японским военным¹⁹. Первый иск против правительства Японии был подан только в 1992 г., когда кореянка из числа «женщин комфорта» впервые дала публичные показания. В середине 1990-х гг. японский профессор Ё. Ёсими опубликовал ряд документов из японских военных архивов, доказывающих системный характер официальной поддержки практики «утешения»²⁰. На основании свидетельств корейских, китайских, тайваньских и филиппинских «женщин комфорта» дело было принято к рассмотрению в комиссии ООН по правам человека.

Реакция японского правительства была противоречивой: с одной стороны, из уст премьер-министра К. Миядзава в январе 1992 г. в адрес бывших «женщин комфорта» прозвучали официальные извинения, с другой — Токио дал понять, что условия японо-южнокорейского договора 1965 г. не дают никаких возможностей требовать компенсации в судебном порядке²¹. Наибольшую известность получило заявление генерального секретаря кабинета министров Ё. Коно, который 4 августа 1993 г. официально признал, что японское правительство было прямо или косвенно вовлечено в дело организации и управления «станциями комфорта» и привлечения к работе там «женщин комфорта». Ё. Коно выразил тогда извинения за нанесенные жертвам «неизмеримую боль и неизлечимые физические и психологические раны».

Однако попытки японских властей решить вопрос о компенсациях южнокорейским жертвам на неофициальном уровне, используя для этого частные пожертвования, фактически провалились. Во многом этому способствовала позиция южнокорейского правительства, которое предложило еще более ощутимую компенсацию каждой жертве, которая откажется принимать деньги и письма с извинениями из Японии²².

В дальнейшем южнокорейские власти неоднократно поднимали проблему «женщин комфорта» на официальном уровне и критиковали японское правительство за нежелание рассматривать вопрос о выплате компенсаций. Например, в ходе встречи с японским премьер-министром Ё. Нода в декабре 2011 г. президент РК Ли Мён Бак подчерк-

нул важность решения проблемы «женщин комфорта» для развития двусторонних отношений, в ответ на что японский лидер, повторив тезис о том, что все вопросы о выплате компенсаций решены договором 1965 г., выразил готовность прилагать усилия для разрешения гуманитарного аспекта проблемы²³. Между тем в январе 2013 г. генеральный секретарь правительства Ёсихидэ Суга заявил, что власти пока не могут вынести однозначного решения относительно солидарности с заявлением Коно²⁴. В марте 2014 г. Ё. Суга заявил, что японское правительство будет поддерживать заявления Коно, но проведет собственное расследование относительно обстоятельств его появления, включая роль правительства Южной Кореи в его появлении, а также аутентичность свидетельских показаний «женщин комфорта»²⁵.

Свою остроту в списке проблем исторического прошлого сохраняет проблема визитов японских официальных лиц в синтоистский храм Ясукуни, где, как считается, покоятся души японцев, отдавших жизнь за свою родину. В храме имеется военно-исторический музей Юсюкан, экспозиция которого прямо и неприкрыто оправдывает японский милитаризм²⁶. Начиная с 2000-х гг. храм неоднократно посещали члены кабинета министров Японии, в том числе и премьер-министры. Например, Дз. Коидзуми в период своего пребывания у власти в 2001–2006 гг. посетил храм Ясукуни шесть раз, причем последний раз — в 2006 г. — сделал это 15 августа, в день принятия Японией Потсдамской декларации.

Бесспорно, для японских лидеров визит в храм Ясукуни имеет в первую очередь внутривластическое звучание, позволяя обеспечить консолидацию базы электоральной поддержки, в которой значительное место занимают консервативные слои населения. Однако для окружающих Японию народов Восточной и Юго-Восточной Азии визиты представителей правительства в храм Ясукуни выступают однозначным свидетельством возрождения японского милитаризма. По мнению корейского исследователя Пак Чол Хи, «в глазах корейцев и китайцев данный ритуал может быть интерпретирован как политический жест, призванный оправдать военное и колониальное прошлое, так как в храме Ясукуни канонизированы военные преступники класса А»²⁷.

* * *

Задача борьбы с «признаками прошлого», особенно касающимися событий Второй мировой войны, прочно закрепились в списке внешнеполитических приоритетов Токио. Одной из главных задач ооновской дипломатии Токио стало устранение из Устава ООН «несправедливого» тезиса о «враждебных государствах». Негативно реагирует Япония на попытки привлечь международное внимание к различным событиям Тихоокеанской войны, в которых японский милитаристский режим предстает в неприглядном свете. Например, крайне нервно реагировали в Токио на решение России об установлении памятной даты окончания Второй мировой войны, на информацию о планах России провести совместно с Китаем празднование юбилея окончания Второй мировой войны и т.д.

Особенно отчетливо этот аспект внешнеполитического курса обозначился после прихода к власти в декабре 2012 г. второго кабинета Абэ. Одним из основных тезисов, выдвинутых С. Абэ в период предвыборной борьбы, был лозунг «покончить с послевоенным режимом», т.е. всеми законодательными и иными ограничениями, определявшим в послевоенный период пацифистский статус Японии.

Обращает на себя внимание тот факт, что по вопросам исторического прошлого второй кабинет Абэ нередко проявлял достаточно двусмысленную, а иногда — и открыто ревизионистскую позицию. Так, в одном из своих публичных выступлений в апреле 2013 г. глава кабинета министров заявил об отсутствии четкого определения понятия «агрессия», добавив, что понятие «агрессии» еще подлежит определить научному сообществу²⁸. С. Абэ публично заявил о том, что правительство «не обязательно» разделяет позицию, изложенную в заявлении Мураяма. Эта же позиция была изложена в высказыва-

ниях главы Совета по политическим вопросам правящей ЛДП С. Такаити, которая заявила 12 мая 2013 г. о своем несогласии с заявлением Мураяма по той причине, что в нем используется слово «агрессия». «В то время (войны) считалось, что наш народ был вынужден вести решительную борьбу за собственное выживание», — отметила С. Такаити²⁹. Только перед лицом массовых протестов генеральный секретарь кабинета министров Суга Ёсихидэ был вынужден заявить, что правительство «полностью присоединяется» к заявлению Мураяма³⁰.

В другом своем публичном выступлении С. Абэ отрицал наличие достаточных доказательств существования практики насильственного рекрутирования корейских женщин в «станции комфорта»³¹. Примером эпатажного поведения С. Абэ стала его фотосессия за штурвалом японского военного самолета с цифрами 731 на фюзеляже, вызывающими зловещие ассоциации с японским Отрядом 731, занимавшимся в годы Второй мировой войны разработкой бактериологического оружия в Манчжурии. В декабре 2013 г. С. Абэ посетил храм Ясукуни, что вызвало резкую реакцию не только со стороны азиатских стран-соседей, но и Соединенных Штатов, которые выразили свою «озабоченность» по поводу поведения японского лидера.

Во многом по причине неурегулированности проблем исторического прошлого дипломатические, экономические, культурные и иные контакты Японии с Китаем, Республикой Корея и многими странами Юго-Восточной Азии продолжают развиваться с большим трудом. Однако нельзя отрицать и то, что тема исторического прошлого используется Китаем и Южной Кореей в собственных политических интересах.

Особенно активно использует «историческую карту» Китай. Жестко критикуя позицию Японии за неуступчивость по вопросу о принадлежности островов Сэнкаку/Дзяоюйдао, за визиты в храм Ясукуни, за «ревизионистские» высказывания по вопросам исторического прошлого, Пекин с 2012 г. отказывается от проведения двусторонних встреч на высшем уровне. Проблемы исторического прошлого заняли прочное место во внешнеполитическом инструментарии Пекина для дискредитации Японии на международной арене как страны, «недостойной» претендовать на роль глобального политического лидера, поскольку она не продемонстрировала в должной мере свое «покаяние» за прошлые грехи и активно проводит политику «возрождения милитаризма». Как отмечал японский исследователь Т. Хосияма, «историческая карта» в руках Китая является не просто средством оказания давления и проведения пропаганды в отношении Японии. Это еще и международная карта, призванная ухудшить имидж Японии и способствовать продвижению дипломатического курса Китая в соответствующих областях»³².

Фактически заморожен был политический диалог между двумя странами и южнокорейским руководством, недовольным опять-таки визитами в храм Ясукуни, а также отсутствием прогресса в деле решения проблемы «женщин комфорта». Так, двусторонних контактов на высшем уровне не проводилось в период с 2005 по 2009 гг. и в период с 2012 по 2014 гг. Сильно пострадали наметившиеся в свете обострения проблем Корейского полуострова японо-южнокорейские связи в области безопасности. Заложником сложившейся ситуации стали и трехсторонние форматы сотрудничества: в 2012 г. был приостановлен переговорный процесс по вопросу о формировании трехсторонней зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии.

Наличие больших проблем в установлении взаимопонимания показали и попытки найти общий взгляд на историю и наладить взаимодействие на академическом уровне. В 2001 г. между правительствами Японии и Южной Кореи была достигнута договоренность о создании специальной совместной экспертной комиссии по вопросам истории двусторонних отношений. Деятельность комиссии позволила ввести в научный оборот большое количество новых исторических документов. Однако в подготовленном к июню 2005 г. заключительном докладе были выявлены принципиальные различия в позициях сторон, особенно по вопросам колониального прошлого Кореи³³. Различия в подходах к

различным аспектам истории военного и послевоенного периодов продемонстрировали результаты трехлетней работы комиссии историков Японии и КНР, образованной в 2006 г. на основе договоренности, достигнутой на межправительственном уровне. Несогласие сторон особенно сильно проявилось в вопросах оценки количества жертв «Нанкинской резни»³⁴.

Проблемы исторического прошлого в обозримом будущем будут продолжать определять общую напряженную атмосферу международных отношений на Дальнем Востоке. Несмотря на постепенную смену поколений, которая, казалось бы, должна только ослаблять «историческую память», можно ожидать, что с течением времени степень актуальности этих проблем снижаться не будет. Главная причина этого заключается в том, что проблемы прошлого в принципе не могут быть решены путем дипломатических переговоров между странами, поскольку на кону стоят вопросы национальной идентичности, национальной гордости и национального достоинства. Это обстоятельство неизбежно будет вносить коррективы в развитие политической и даже военно-стратегической обстановки в регионе, препятствуя формированию эффективных многосторонних механизмов обеспечения международной безопасности.

1. Moore G.J. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations // Journal of Chinese Political Science. 2010. No. 15. P. 289.
2. Ibid.
3. Lawson S., Tannaka Seiko. War memories and Japan's 'normalization' as an international actor: A critical analysis // European Journal of International Relations. 2011. № 17. P. 411.
4. Onuma Yasuaki. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law. 2002. № 20. P. 601.
5. Подтверждением этому стала подчеркнута антияпонская линия пришедшей к власти в 2012 г. президента Республики Корея Пак Кын Хе, вынужденной демонстрировать показную жесткость по отношению к Японии, чтобы избавиться от ярлыка дочери «предателя».
6. Horvat A. Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia // The Brown Journal of International Affairs. 2004. V. 11, Issue 1. P. 143.
7. Bukh A. Japan's history textbook debate: National identity in narratives of victimhood and victimization // Asian Survey. 2007. № 47(5). P. 690.
8. Kersten R. Revisionism, reaction and the 'symbol emperor' in post-war Japan // Japan Forum. 2003. № 15(1). P. 19.
9. См., например: Onuma Ysuaki. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law. 2002. № 20. P. 604.
10. Асахи симбун. 2011. 18 авг.
11. Onuma Yasuaki. Op. cit. P. 604.
12. Japan as a 'Normal Country': a Nation in Search of its Place in the World / Ed. By Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro and David A. Welch. University of Toronto Press, 2012. P. 78.
13. Кунядзе Г.Ф. Япония и Китай: бремя «особых отношений» // Японский калейдоскоп. М., 2006. С. 232.
14. Там же.
15. Цит. По: Japan Times. 2012. 15 aug.
16. Moore G.J. Op. cit. P. 290–292.
17. Асахи симбун. 15.05.2013. 15 мая.
18. Onuma Yasuaki. Op. cit. P. 603.
19. Horvat A. Op. cit. P. 142.
20. Ёсими Ёсиаки. Дзюгун ианфу [«Женщины комфорта» в армии]. Токио, 1995.
21. Lawson S., Tannaka Seiko. Op. cit. P. 416.
22. Horvat A. Op. cit. P. 142.
23. Япония в поисках новой глобальной роли. М., 2014. С. 249.

24. Асахи симбун. 2013. 5 янв.
25. Асахи симбун. 2014. 12 марта.
26. Подробно см.: *Гришук В.А.* Политические проблемы храма Ясукуни // Пробл. Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 48.
27. *Park Cheol Hee.* The Pattern of Cooperation and Conflict between Korea and Japan: Theoretical Expectations and Empirical Realities // Japanese Journal of Political Science. 2009. Vol., Issue 03. Dec. P. 257.
28. Асахи симбун. 2013. 15 мая.
29. Там же.
30. Там же.
31. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2324225/Toru-Hashimoto-Mayor-defends-using-women-sex-slaves-Japan-WWII-claiming-soldiers-needed-discipline.html>.
32. *Hoshiyama Takashi.* New Japan — China Relations and the Corresponding Positioning of the United States — History, Values, Realism in a Changing/ / World Asia-Pacific Review. 2008. Vol. 15, № 2. P. 84.
33. Japan as a «Normal Country»: a Nation in Search of its Place in the World / Ed. By Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro and David A. Welch. University of Toronto Press, 2012. P. 175.
34. The Japan Times. 2010. 21Jan.

Проблемы исторического прошлого в современных отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея

© 2014

А. Батакова

Статья посвящена рассмотрению позиции властей КНР и Республики Корея по отношению к проблемам исторического прошлого Японии. Отмечена усиливающаяся координация действий этих стран по противодействию Токио, а также проявление недовольства Японией со стороны США.

Ключевые слова: японо-китайские отношения, японо-южнокорейские отношения, проблемы исторического прошлого Японии.

Пришедшее в декабре 2012 г. к власти в Японии правительство ЛДП во главе с политиком правоконсервативного толка Синдзо Абэ выдвинуло новую повестку дня в сфере обеспечения безопасности. В числе заявленных премьер-министром планов особое внимание привлекает намерение пересмотреть конституцию, которая, по словам нового премьер-министра Японии, была навязана стране в условиях американской военной оккупации, переписать ее девятую статью, декларирующую отказ Японии от войны, а также создать вместо сил самообороны полноценную «оборонительную армию».

За полтора года у власти администрации ЛДП ряд инициатив в этом направлении уже был реализован. Так, были смягчены действовавшие с 1967 г. запреты на экспорт вооружений, создана японская версия Совета национальной безопасности (СНБ), смоделированного с аналогичного органа США, принято постановление правительства об изменении толкования конституции с целью признания за Японией права на коллективную оборону. В стратегии национальной безопасности 2013 г. была зафиксирована концепция «активного пацифизма», подразумевающая большую вовлеченность Японии в обеспечение международного мира и безопасности.

В русле наметившейся тенденции можно рассматривать и шаги нового премьер-министра Японии по пересмотру официальных оценок итогов Второй мировой войны. В 2013 г. впервые была проведена церемония по случаю годовщины «восстановления суверенитета», посвященная вступлению в силу Сан-Францисского мирного договора и окончанию в 1952 г. оккупационного периода. Ранее С. Абэ намекал на невозможность придерживаться в неизменном виде заявления премьер-министра Японии Т. Мураяма по случаю пятидесятилетней годовщины окончания Второй мировой войны (в нем содержались извинения «за огромные разрушения и страдания, причиненные народам многих стран, прежде всего Азии, в период японского колониального господства и агрессии», а также заверения в том, что Япония не будет отрицать эти исторические факты и не допустит повторения ошибок прошлого¹). Более того, новый премьер-министр Японии выразил намерение опубликовать в 2015 г., в годовщину 70-летия окончания войны, новое, «направленное в будущее», заявление, в котором будет отсутствовать любое напоминание о японской агрессии². Бур-

ные дискуссии в японском обществе вызвали высказывания премьера о том, что Международный военный трибунал для Дальнего Востока был «судом победителей над побежденными»³, а также об отсутствии общепринятого определения агрессии⁴.

26 декабря, в преддверии нового 2014 г., С. Абэ совершил паломничество в синтоистский храм Ясукуни, чтобы «помолиться об упокоении душ всех тех, кто сражался за родину», что, по его словам, является общепринятой практикой во всех странах мира⁵. После 2006 г., когда святилище посетил Дз. Коидзуми, это был первый визит в Ясукуни главы кабинета министров Японии. В этом токийском храме почитаются души погибших за императора, в число которых с 1978 г. в качестве «мучеников эпохи Сёва» были внесены военные преступники класса «А», приговоренные к смертной казни по решению Международного военного трибунала для Дальнего Востока. По этой причине визиты японских официальных лиц в Ясукуни — даже совершенные в личном качестве — рассматриваются в ряде стран, пострадавших от японской агрессии и колониального гнета, как попытка отрицания военных преступлений Японии или отказ признать итоги Второй мировой войны.

Новая администрация ЛДП также попыталась дезавуировать заявление генерального секретаря кабинета министров Японии Ё. Коно 1993 г., в котором признавалось, что «женщины комфорта» во многих случаях попадали в т.н. «дома утешения» против своей воли, и что японские военные были прямо или опосредованно вовлечены в систему их деятельности.⁶ По итогам работы группы экспертов, созданной по инициативе кабинета С. Абэ, был опубликован доклад, из которого следовало, что текст заявления Коно, включая абзацы о наличии элементов принуждения при наборе женщин в указанные заведения, был составлен с учетом пожеланий корейской стороны, а лежащие в его основе показания бывших «женщин комфорта» никак не верифицировались⁷.

Указанные шаги администрации Абэ соответствовали ожиданиям значительной части консервативных слоев японского населения, составляющих электоральную основу поддержки ЛДП. Однако они предсказуемо привели к значительному охлаждению отношений с восточноазиатскими соседями Японии — Китайской Народной Республикой и Республикой Корея, которые уже давно с настороженностью наблюдают за подходами Токио к вопросам исторического прошлого.

Нынешнее руководство КНР и Южной Кореи занимает по вопросу отношений с Токио достаточно жесткую позицию. Так, министр иностранных дел Китая Ван И в ходе своего выступления на пресс-конференции 8 марта 2014 г., приуроченной к началу работы сессии Всекитайского собрания народных представителей, подчеркнул, что «в вопросах, касающихся истории и территории, не может быть компромиссов»⁸.

Лидеры КНР и Республики Кореи активно продвигают тематику исторического прошлого и вне рамок двусторонних отношений с Японией, критикуя позицию Токио в различных международных организациях, включая ООН, а также в ходе встреч с зарубежными коллегами. В ответ на визит премьер-министра С. Абэ в храм Ясукуни Сеул и Пекин, помимо традиционного выражения протеста, прозвучавшего в заявлениях внешнеполитических ведомств двух стран, раскритиковали действия японского премьера, используя для этого различные форматы встреч с руководством третьих стран, а также международные форумы.

2 января 2014 г. в ходе телефонного разговора с генеральным секретарем ООН Пан Ги Муну президент Южной Кореи отметила, что «следует прямо смотреть на историю и воздерживаться от шагов, которые подрывают доверие и причиняют боль соседним странам»⁹. В свою очередь, министр иностранных дел Республики Корея Юн Бён Се, в ходе своего визита в США, отметил в беседе со своим американским коллегой, состоявшейся 6 января 2014 г., что «вопросы исторического прошлого препятствуют примирению и сотрудничеству в регионе [Северо-Восточной Азии]», и подчеркнул необходимость «искренних действий» со стороны Японии¹⁰.

Аналогичным образом на визит С. Абэ в Ясукуни отреагировал и Пекин. Министр иностранных дел КНР Ван И выразил озабоченность китайской стороны в ходе телефонных разговоров с южнокорейским, американским, немецким коллегами¹¹. Во время беседы с министром иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавровым, состоявшейся 30 декабря 2013 г., Ван И акцентировал внимание на необходимости «совместно защищать послевоенный международный порядок», вызов которому был брошен действиями японского премьер-министра, и постарался заручиться поддержкой российской стороны в таких оценках¹².

Кроме того, КНР развернула активную пропагандистскую работу по критике визита С. Абэ в Ясукуни через свои заграничные учреждения. Статьи в СМИ стран своего пребывания опубликовали послы Китая в США, России, странах Западной Европы, Латинской Америки, Юго-Восточной и Южной Азии, Африки¹³. Статьи глав диппредставительств КНР были опубликованы в крупнейших СМИ соответствующих государств: американской «Вашингтон пост», британской «Дэйли телеграф», немецкой «Франкфуртер альгемайне», французской «Фигаро», корейской «Чунан ильбо», на сайте российского агентства «Интерфакс»¹⁴.

Критика политики Токио по вопросам оценки исторического прошлого прозвучала в ходе европейских турне президента Южной Кореи Пак Кын Хе в ноябре 2013 г. и председателя Китая Си Цзиньпина в конце марта — начале апреля 2014 г., во время визита Пак Кын Хе в США, который стал ее первой зарубежной поездкой после инаугурации, в ходе поездки президента Республики Корея в Пекин в июне 2013 г. и председателя КНР в Сеул в июле 2014 г., в ходе встреч и визитов на более низком уровне, включая те, что были проведены на площадках ООН и других международных форумов. Тему неподобающего поведения японской стороны руководители Республики Корея и КНР поднимали как в беседах с лидерами многих стран, так и в своих интервью зарубежным СМИ.

Позиции китайской и южнокорейской сторон относительно политики Японии по проблемам исторического прошлого можно обобщить в следующих основных тезисах.

Во-первых, визит премьер-министра С. Абэ в синтоистское святилище Ясукуни представляется ими как попытка отрицания военных преступлений Японии и ставится в одном ряду с такими недавними «реваншистскими» шагами, как выдвижение инициатив по пересмотру мирной конституции Японии с целью создания в стране полноценных вооруженных сил и первое за последние одиннадцать лет увеличение оборонного бюджета. КНР и Республика Корея входят в число немногих стран, публично выразивших обеспокоенность в связи с проведением Токио нового курса в области обороны и безопасности, включающего изменение толкования конституции с целью признания за Японией права на коллективную оборону. Так, в заявлении внешнеполитического ведомства Южной Кореи в этой связи отмечается, что «в вопросах обороны и безопасности японское правительство должно отказаться от исторического ревизионизма и предпринять шаги для того, чтобы рассеять сомнения и озабоченность, проистекающие из исторических вопросов, и завоевать доверие со стороны соседних стран»¹⁵. В свою очередь пресс-секретарь МИД КНР выразил обеспокоенность в связи с возможностью отхода Японии от мирного пути развития, которого она придерживалась с момента окончания Второй мировой войны, принимая во внимание нынешний подход ее руководства к оценке истории и «беспрецедентные меры» по наращиванию военного потенциала страны¹⁶.

При этом Токио, в интерпретации китайских представителей, специально прилагает усилия для того, чтобы представить КНР угрозой для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, создавая тем самым удобный повод для возрождения японского милитаризма, а действия С. Абэ противоречат поставленной им же цели более активного участия Японии в обеспечении международного мира и безопасности. Как считает китайская сторона, главной предпосылкой для построения мира и безопасности в этом активно раз-

вивающемся регионе является признание Токио неприятных для него исторических фактов и выражение им искреннего раскаяния за совершенные преступления.

Во-вторых, подходы администрации С. Абэ к вопросам исторического прошлого в купе с проводимым ею курсом на милитаризацию рассматриваются как противоречащие духу Устава ООН и даже как вызов послевоенному миропорядку, зафиксированному в Уставе ООН. В этом смысле политика Японии представляет собой отнюдь не сугубо узкую проблему японо-китайских или японо-корейских отношений. Этот аргумент звучал, в частности, 29 января 2014 г. в ходе выступлений южнокорейского и китайского постоянных представителей при ООН на открытом заседании Совета Безопасности, посвященном 100-летней годовщине начала Первой мировой войны. Постоянный представитель Республики Кореи в своей речи отметил, что попытки Токио приукрасить прошлое не соответствуют целям и духу Устава ООН, и призвал не отрицать исторические факты, если Япония намерена вносить активный вклад в дело обеспечения регионального мира и безопасности¹⁷. В свою очередь постоянный представитель КНР при ООН назвал посещение премьер-министром Японии храма Ясукуни, являющегося «символом японской агрессии», ничем иным, «как вызовом победе над фашизмом и послевоенному мироустройству, основанному на Уставе ООН»¹⁸. Ранее представитель Китая охарактеризовал визит С. Абэ в Ясукуни как «вопиющее оскорбление послевоенного миропорядка» и призвал международное сообщество «сделать предупреждение» японскому руководству, чтобы оно изменило свой взгляд на историю¹⁹.

В-третьих, в публичных выступлениях официальных представителей Пекина и Сеула утверждается, что «неделикатное» отношение Токио к «проблемам исторического прошлого» сдерживает взаимодействие стран региона, в том числе в вопросах обеспечения мира и безопасности. Такую аргументацию использовала, в частности, президент Республики Корея Пак Кын Хе в своем выступлении в Конгрессе США во время своей первой зарубежной поездки в Вашингтон. Она, в частности, отметила, что из-за различий в оценках истории процесс налаживания международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии в сферах политики и обеспечения безопасности продвигается плохо, несмотря на рост взаимозависимости экономик региона²⁰.

В-четвертых, Пекин и Сеул в своей аргументации активно прибегают к сопоставлению с германским опытом послевоенного примирения в Европе. В интервью французской газете «Фигаро» президент Республики Корея, в частности, отметила, что интеграция в Европе стала возможной благодаря конструктивной позиции, занятой Германией в отношении оценок своего прошлого, и посоветовала Японии последовать этому примеру²¹. Выступая с речью в Берлине в ходе своего европейского турне, председатель КНР Си Цзиньпин процитировал слова бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта: «Тот, кто забывает прошлое, потеряет душевное равновесие», отметив при этом, что воспоминания о японской агрессии, включая трагедию Нанкина, все еще «свежи»²². Пытаясь противопоставить «раскаившуюся Германию» и «отрицающую военные преступления Японию», китайская сторона даже обращалась с просьбой включить посещение мемориала жертвам Холокоста в сопровождении канцлера Германии Ангелы Меркель в официальную программу визита Си Цзиньпина в Германию, однако ввиду нежелания Берлина быть втянутым в спор КНР с Японией ей было отказано²³.

Со стороны Сеула наибольшие усилия предпринимаются к тому, чтобы включить в политическую повестку отношений с Японией вопрос о «женщинах комфорта». Этому способствует и принятое летом 2011 г. конституционным судом Республики Корея решение, признавшее бездействие корейского правительства в вопросе о «женщинах комфорта» не соответствующим Основному закону страны. Для нажима на Токио с целью побудить его изменить свою позицию, согласно которой все проблемы колониального периода были решены договором 1965 г., южнокорейское руководство стало отказываться от проведения двусторонних встреч на высшем уровне. Например, в преддверии

своего европейского турне президент РК Пак Кын Хе в беседе с корреспондентом британской «Би-Би-Си» 4 ноября 2013 г. заявила о невозможности встречи с С. Абэ, пока Япония не извинится за «ошибки прошлого» и не предпримет должные меры в связи с проблемой «женщин комфорта», а в интервью газете «Фигаро», опубликованном 3 ноября 2013 г., призвала Японию изменить свои подходы к «вопросам исторического прошлого» для того, чтобы стало возможным укрепление двустороннего сотрудничества на международной арене.

Критикуя позицию Токио по проблеме «женщин комфорта», Сеул пытается увязать ее с проблемой прав человека, действуя через соответствующие структуры ООН. 11 марта 2013 г. делегация Южной Кореи, участвовавшая в работе Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, подняла вопрос о юридической ответственности Японии в отношении «женщин комфорта»²⁴. Еще через год, 5 марта 2014 г., эта проблема была поднята южнокорейской делегацией на заседании Совета ООН по правам человека. Тогда министр иностранных дел и внешней торговли Республики Корея Юн Бён Се впервые подверг прямой критике попытки Токио пересмотреть заявление Коно, акцентировав внимание на том, что проблема «женщин комфорта» стоит в одном ряду с другими нарушениями прав человека²⁵.

Стоит отметить, что к настоящему времени вопрос об ответственности японского правительства в отношении «женщин комфорта» уже рассматривался в таких структурах ООН, как Комитет по правам человека (в докладах 2008 и 2014 гг.), Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (доклады 2001 и 2013 гг.), Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (доклады 1994, 2003 и 2009 гг.), Комитет против пыток (доклады 2007 и 2013 гг.), а также в периодических обзорах Совета ООН по правам человека (за 2008, 2012 и 2013 гг.)²⁶.

Большое внимание привлекает к себе растущая солидарность КНР и Республики Корея по противодействию позиции Японии по «вопросам исторического прошлого». Примечательно, что вопреки сложившейся практике посещения Японии после США второй зарубежный визит президента Южной Кореи Пак Кын Хе в июне 2013 г. состоялся в Китай. По итогам встречи на высшем уровне было опубликовано совместное заявление, в котором отмечалось что «противостояние и недоверие между странами региона возрастет из-за проблем истории и связанных с ними вопросов»²⁷. В этой части указанного документа хотя и не было прямого упоминания Японии, содержалась явная критика в ее адрес.

Президент Южной Кореи также обратилась к председателю КНР с просьбой рассмотреть возможность установки в Харбине памятника корейскому националисту Ан Чунгуну, который в 1909 г. застрелил первого генерал-резидента Кореи Хиробуми Ито²⁸. Мемориал был открыт уже в январе 2014 г. на Харбинском вокзале, а за два дня до проведения первой после прихода к власти администраций Пак Кын Хе и С. Абэ японо-южнокорейской встречи на высшем уровне, состоявшейся при посредничестве США в ходе саммита по вопросам ядерной безопасности в Гааге, президент Республики Корея поблагодарила председателя КНР за личное участие в решении вопроса о строительстве мемориала в Харбине. Лидеры двух стран подчеркнули, что уважение к этому историческому деятелю — важный связующий элемент дружбы двух стран²⁹.

В ходе встречи 10 апреля 2014 г. главы правительств Китая и Южной Кореи подтвердили общее понимание двух стран в отношении вопросов истории. Премьер государственного совета КНР Ли Кэцян подчеркнул, что «Япония должна критически осмыслить историю своей агрессии и заслужить тем самым доверие Азии», на что его корейский коллега ответил, что готов продолжать взаимодействие «на основе общего понимания данной проблемы обеими сторонами»³⁰.

Республика Корея и Китай выразили намерение осуществлять взаимодействие по проблеме «женщин комфорта». Это было отражено в приложении к совместному заявлению по итогам состоявшегося в начале июля 2014 г. визита председателя КНР в Сеул,

где была зафиксирована договоренность о проведении совместных исследований в этой области³¹. Ранее японская пресса сообщала о том, что правительство Китая выделило сумму в 800 тыс. юаней (примерно 130 тыс. долл. США) на работу Центра исследований проблемы «женщин комфорта»³². Примерно в это же время, в июне 2014 г., китайская сторона объявила о подаче заявки на включение документов о «нанкинской резне» и «женщинах комфорта» в реестр ЮНЕСКО «Память мира»³³. Примечательно, что Пекин при этом предпочитает не включать вопрос о «женщинах комфорта» в повестку дня в своих двусторонних отношениях с Японией.

Привлекает к себе внимание тот факт, что по проблемам исторического прошлого Сеул старается заручиться поддержкой Вашингтона. На встрече с министром обороны США Ч. Хэйгелом в Сеуле 30 сентября 2013 г. Пак Кын Хе, раскритиковав высказывания японского руководства «по историческим и территориальным вопросам», поблагодарила правительство США за внимание к этой проблематике и призвала оказать влияние на Токио с целью добиться изменения его подходов³⁴.

Со своей стороны Вашингтон предпочел открыто выразить свое «разочарование» позицией Токио по болезненным для его восточноазиатских соседей вопросам лишь в связи с визитом японского премьер-министра в Ясукуни. В заявлении, опубликованном на сайте посольства США в Японии, отмечалось: «США разочарованы тем, что японское руководство предприняло шаг, который усугубляет трения Японии с соседями. США надеются, что Япония и ее соседи найдут конструктивные способы решения деликатных вопросов прошлого для улучшения своих отношений и продвижения сотрудничества ради наших общих целей — регионального мира и стабильности»³⁵.

Вашингтон неоднократно намекал на нежелательность посещения С. Абэ храма Ясукуни еще до его осуществления. Прибывшие в Токио в октябре 2013 г. для участия в консультациях глав внешнеполитических и оборонных ведомств в формате «2+2» министр обороны США Ч. Хэйгел и госсекретарь США Дж. Керри возложили цветы к могиле неизвестного солдата в Тидоригафути. Это, по всей видимости, было призвано продемонстрировать, что именно данный мемориал, но не храм Ясукуни, является наиболее близким эквивалентом Арлингтонского кладбища в США, хотя позиция на этот счет С. Абэ, выраженная в его более ранних выступлениях, была иной³⁶.

Кроме того, Вашингтон обратил внимание и на проблему «женщин комфорта». Определенные результаты, по всей видимости, принесло то обстоятельство, что представители общественных и правительственных кругов Южной Кореи уже давно работают над привлечением внимания международной общественности к правозащитному аспекту этой проблемы. Так, на пресс-конференции в ходе последовавшего сразу за поездкой в Токио визита в Сеул президент США Б. Обама охарактеризовал проблему «женщин комфорта» как «вопиющее нарушение прав человека»³⁷. Вашингтон фактически направил Токио сигнал о необходимости предпринять меры для урегулирования этого вопроса, который является раздражающим фактором в отношениях между восточноазиатскими союзниками США. Примечательным в этом отношении является и получивший освещение в японской прессе шаг председателя комитета по иностранным делам палаты представителей конгресса США Э. Ройса, который перед своей поездкой в Японию возложил цветы к статусе «женщины комфорта» в пригороде Лос-Анджелеса³⁸.

Выражая публичное неодобрение определенными действиями С. Абэ, Вашингтон вместе с тем призывает Сеул действовать прагматически, исходя из имеющихся общих с Токио интересов и угроз безопасности. На пресс-конференции в ходе своего визита в Республику Корея президент США Б. Обама подчеркнул, что в интересах обеих стран — найти способы решения «проблем исторического прошлого» и развивать отношения на будущее. Он заверил южнокорейскую сторону, что «премьер-министр С. Абэ и народ Японии понимают, что прошлое должно рассматриваться искренне и беспристрастно»³⁹.

По-видимому, Вашингтон не намерен занимать в данном споре чью-либо сторону, предпочитая посредническую роль. США не заинтересованы в дальнейшем обострении отношений между своими союзниками в Восточной Азии — Японией и Южной Кореей — на почве «проблем исторического прошлого», о чем неоднократно заявляли американские представители в ходе встреч с японскими и южнокорейскими коллегами, подчеркивая важность взаимодействия по вопросам обеспечения безопасности в двустороннем и — с подключением США — трехстороннем форматах.

Эту же тему поднимал президент США Б. Обама в ходе своего визита в Токио⁴⁰ и Сеул⁴¹ в апреле 2014 г., а также министр обороны США Ч. Хэйгел во время поездки в Сеул в сентябре 2013 г.⁴². А в начале декабря 2013 г. с призывом к южнокорейскому лидеру предпринять шаги для улучшения отношений с Японией выступил вице-президент США Дж. Байден⁴³.

Усилиями США состоялась первая — и на настоящий момент единственная — встреча японского и южнокорейского лидеров в ходе саммита по ядерной безопасности в Гааге в марте 2014 г. Чтобы ее проведение стало возможным, все вопросы, касающиеся исторического прошлого, были вынесены за рамки повестки дня, сфокусированной на ситуации на Корейском полуострове и других областях трехстороннего сотрудничества.

Вашингтон также не заинтересован в дальнейшем разжигании трений между Японией и Китаем, особенно после того, как президент США Б. Обама подтвердил вхождение оспариваемых КНР острова Сэнкаку/Дяоюйдао в сферу действия японо-американского договора безопасности, заявив о том, что статья 5 распространяет свое действие на все территории, находящиеся под юрисдикцией Японии, включая острова Сэнкаку⁴⁴.

Старший научный сотрудник Бруклинского института Джеффри Бэйдер, курировавший при администрации Б. Обамы вопросы взаимоотношений США со странами Восточной Азии в Совете национальной безопасности, следующим образом объясняет стратегию Вашингтона. Хотя США и поддерживают планы С. Абэ в сфере обеспечения безопасности, включая его намерение играть более активную роль в поддержании регионального мира и безопасности, а также инициативы по легитимации права на коллективную оборону, Вашингтону невыгодно, чтобы эти шаги предпринимались на фоне растущих трений между Японией и ее соседями, которые также являются значимыми игроками в регионе. Из-за позиции С. Абэ по проблемам исторического прошлого все его «правильные» действия могут быть «неправильно» истолкованы его восточноазиатскими соседями⁴⁵.

Помимо Вашингтона, на визит С. Абэ в храм Ясукуни было обращено внимание и в странах Европейского союза, где его охарактеризовали как «не способствующий снижению напряженности в регионе и улучшению отношений с соседями Японии, особенно КНР и Республикой Корея»⁴⁶. Сожаление по этому поводу выразила и Россия⁴⁷.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал страны региона «прийти к единому взгляду и пониманию своей общей истории» и «относиться деликатно к чувствам других, особенно к воспоминаниям пострадавшей стороны, сосредоточившись на построении взаимного доверия и укреплении партнерства»⁴⁸.

Активность Республики Корея и КНР, транслирующих третьим странам свою обеспокоенность подходами Токио по проблемам исторического прошлого, а также растущее внимание со стороны США и иных ключевых зарубежных партнеров Токио к трениям в отношениях Японии с ее восточноазиатскими соседями из-за проблем исторического прошлого, заставляют администрацию С. Абэ предпринимать ответные меры.

27 февраля 2014 г. премьер-министр Японии «с сожалением» отметил, что его визит в храм Ясукуни стал дипломатической проблемой для Японии, и пообещал приложить усилия для разъяснения японской позиции⁴⁹. 28 февраля 2014 г. С. Абэ обвинил зарубежные страны в развертывании пропагандистской кампании, создающей «несоответствующий действительности образ Японии», а министр по делам Окинавы и «северных территорий» И. Ямамото призвал собравшихся в Министерстве иностранных дел глав за-

рубежных представительств Японии приложить усилия для «победы соперника в жесткой информационной войне»⁵⁰.

В японской прессе, прежде всего правонационалистического («Санкэй симбун») и консервативного толка (англоязычное издание газеты «Йомиури» — «Джапан ньюс»), появляются серии материалов об «информационных войнах» Китая и Южной Кореи против Японии. Бывший премьер-министр Японии Ё. Нода в интервью газете «Майнити» даже сравнил действия президента Республики Корея, критикующей Японию в США и странах Европы, с «доносами школьниц»⁵¹. В Японии болезненно восприняли попытки китайского и корейского руководства противопоставить успешную политику Германии по послевоенному примирению в Европе и курс японского руководства, выразившийся в нежелании быть последовательным в осуждении собственного исторического прошлого. В преддверии и во время турне Си Цзиньпина по Европе в японской прессе высказывались предположения, что китайский лидер намерен использовать европейскую площадку прежде всего для привлечения внимания западных лидеров и общественности к проблеме подходов С. Абэ к оценкам недавнего исторического прошлого⁵².

Токио, таким образом, оказался перед необходимостью противостоять усилиям Сеула и Пекина по интернационализации «проблем исторического прошлого» с Японией и заверить своих западных союзников в том, что обвинения Южной Кореи и Китая беспочвенны, и Япония не пытается отрицать свое прошлое и тем более отказываться от приверженности мирному пути развития.

После вызвавшего бурную реакцию за рубежом посещения храма Ясукуни премьер-министром С. Абэ японское руководство поспешило оправдаться перед Вашингтоном. Министр иностранных дел Японии Ф. Кисида 26 декабря 2013 г. провел телефонный разговор соответствующего содержания с послом США в Японии К. Кеннеди⁵³. Находившиеся в январе 2014 г. с визитом в Вашингтоне депутаты из парламентской Ассоциации дружбы с США во главе с Х. Накасонэ также предприняли попытки рассеять опасения главного союзника Токио. Встретившись с бывшим заместителем госсекретаря США Р. Армидеджем, представителями конгресса США и помощником госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Д. Расселом, депутаты передали текст заявления С. Абэ («Клятва в вечном мире»), сделанного им сразу после посещения храма Ясукуни. Х. Накасонэ отметил по итогам состоявшихся встреч: «Полагаю, цели [визита] премьер-министра [в Ясукуни] были поняты правильно»⁵⁴. 13–17 января 2014 г. в США также был направлен старший парламентский заместитель министра иностранных дел Японии Н. Киси, являющийся родным братом С. Абэ.

На совместной пресс-конференции с Б. Обамой, находившимся в конце апреля 2014 г. в Японии с официальным визитом, С. Абэ пообещал приложить усилия для того, чтобы добиться понимания со стороны международного сообщества в отношении своего посещения храма Ясукуни в декабре 2013 г. Отметив, что «молиться за упокой тех, кто погиб во имя страны» — это обычная практика для лидеров всех стран мира, С. Абэ заявил, что после войны Япония придерживалась «критической самооценки» (*хансэй*) в связи с тем, что многим людям, особенно в Азии, ею были нанесены огромные страдания и боль⁵⁵.

На сайтах японских посольств в ряде стран (в том числе, России и ФРГ) были размещены переводы заявления С. Абэ «Клятва в вечном мире», сделанного им по итогам визита в Ясукуни. Акцент в нем делается на том, что, помолившись «об упокоении душ всех тех, кто сражался за родину», премьер-министр тем самым подтвердил свою решимость придерживаться принципа отказа от войны, основываясь на «сильном раскаянии за прошлое». Также С. Абэ подчеркнул отсутствие намерения «рвануть чувства китайского и корейского народов»⁵⁶.

В ответ на статьи китайских послов с критикой С. Абэ главы зарубежных представительств Японии выступили с публикациями в печатных изданиях стран пребыва-

ния. Контраргументация была построена по следующей схеме: говорилось о том, что Китай развернул антияпонскую пропагандистскую кампанию по всему миру, пытаясь «навесить» на Японию противоречащие действительности ярлыки, используя такие слова, как "вызов послевоенному мировому порядку", "отрицание итогов Второй мировой войны", "возрождение милитаризма"» (по словам посла Японии в России Т.Харада) и «вызвать недоверие к Японии, основанное на беспочвенных обвинениях» (по словам посла Японии в Великобритании К.Хаяси). На самом же деле, как утверждает в публикациях японских послов, именно Китай с его растущим и непрозрачным оборонным бюджетом и недавними провокационными действиями, включая одностороннее объявление о создании зоны опознавания ПВО и усилением военной активности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, представляет опасность для стран Азии и мирового сообщества в целом. Паломничество С. Абэ в храм Ясукуни, отмечалось в этих статьях, было направлено на подтверждение неизменности японского курса на отказ от войны. Кроме того, акцент делался на послевоенных успехах Японии как мирного и демократического государства, «на словах и на деле» придерживающегося принципов верховенства права и способствующего миру и процветанию в Азии⁵⁷.

Кроме того, Токио поспешил подчеркнуть, что именно интернационализация проблем исторического прошлого, являющихся вопросом двусторонних отношений Японии с Китаем и Южной Кореей, а также попытки последних взаимно координировать кампанию критики Японии по вопросам исторической ответственности, контрпродуктивны с точки зрения поддержания региональной безопасности. Это видно, в частности, из высказываний генерального секретаря кабинета министров Японии Ё. Суга. Так, на пресс-конференции 24 марта 2014 г. этот представитель японского правительства, коснувшись вопроса об отношении Китая и Южной Кореи к покушению Ан Чунгына на генерал-резидента Кореи Х. Ито, заявил о том, что «попытки Южной Кореи и Китая совместно распространить за рубежом точку зрения, основанную на одностороннем толковании таких событий прошлого века, не способствуют построению мира и сотрудничества в этом регионе»⁵⁸. Выступая на пресс-конференции 7 июля 2014 г. в связи с критикой Японии, прозвучавшей из уст председателя КНР Си Цзиньпина на мероприятии, посвященном 77-летней годовщине событий на мосту Марко Поло, Ё. Суга отметил, что «интернационализация Китая «проблем исторического прошлого» вовсе не способствует региональному миру и сотрудничеству»⁵⁹.

Стремясь продемонстрировать необоснованность обвинений КНР и Республики Корея в реваншизме, С. Абэ поспешил выступить с заверениями о том, что не намерен отказываться от сделанных предыдущими японскими кабинетами «самокритичных» заявлений по вопросам исторического прошлого, включая заявления бывших премьер-министров Японии Т. Мураямы и Дз. Коидзуми, а также бывшего генерального секретаря кабинета министров Ё. Коно. Японский премьер также выразил сочувствие «женщинам комфорта», заявив, в частности: «Мне, как и моим предшественникам, очень больно думать о «женщинах комфорта», которые испытали неизмеримую боль и страдания»⁶⁰. На официальном сайте посольства Японии в США, где приводится подборка парламентских высказываний С. Абэ по вопросам исторического прошлого, особое внимание привлекает к себе заявление японского премьера о том, что «вопросы исторического прошлого не должны политизироваться или переводиться в разряд дипломатических проблем. Исторические исследования стоит поручить экспертам и историкам»⁶¹.

Вместе с тем, в японских СМИ отчетливо слышна критика правительства за недостаточность информационно-пропагандистской работы по разъяснению официальной точки зрения. Многие авторы указывают, что в отличие от активных действий Республики Корея и КНР по продавливанию своей позиции за рубежом, японская точка зрения звучит пока недостаточно убедительно и носит, скорее, ответный характер.

* * *

Проблемы исторического прошлого, долгое время омрачавшие отношения Японии с ее восточноазиатскими соседями, становятся самостоятельным фактором международных отношений, оказывающим свое воздействие далеко за рамками двусторонних связей Японии с Южной Кореей и Китаем. Пекин и Сеул занимают по этим проблемам достаточно жесткую позицию и работают над их интернационализацией, добиваясь того, чтобы международное сообщество обратило на них свое внимание. Для трансляции своей позиции руководство КНР и Республики Корея активно используют двусторонние и многосторонние встречи с иностранными коллегами, выступления на международных форумах, интервью зарубежной прессе. Китай и Южная Корея в полной мере продемонстрировали готовность к сотрудничеству и координации своей позиции по этим вопросам. Сеул, кроме того, посылает Вашингтону сигнал о своей озабоченности подходами С. Абэ к вопросу об исторической ответственности Японии.

Рост напряженности в регионе, происходящий в том числе в связи с обострением проблем исторического прошлого вызывает обеспокоенность западных союзников Токио, что проявляется в открытых высказываниях официальных представителей США и стран НАТО. По всей видимости, в Вашингтоне будут продолжать пристально следить за дальнейшими шагами С. Абэ, поскольку разлад между союзниками в регионе противоречит их интересам. Вашингтону крайне невыгодно дальнейшее усиление трений в отношениях Японии с Республикой Корея и, особенно, с КНР по проблемам исторического прошлого, поскольку нагнетание напряженности может привести к непредсказуемым последствиям, особенно на нынешнем этапе, когда официальные представители США подтвердили, что оспариваемые Пекином острова Сэнкаку/Дяюйдао попадают под действие японо-американского договора безопасности.

Дальнейшая интернационализация проблем исторического прошлого в долгосрочном плане может иметь для Токио далеко идущие последствия. Профессор Бостонского колледжа Т. Бергер в этой связи отмечает: «До настоящего времени вопросы истории были по большей части внутриазиатской проблемой. Хотя некоторым ученым и общественным деятелям удавалось привлечь общественное мнение к проблеме «женщин комфорта» и «нанкинской резни», их влияние ограничивалось сравнительно небольшим сегментом левого политического спектра США. Если проблемы исторического прошлого действительно станут пунктом внутривнутриполитической повестки дня в США, каким они уже являются в Азии, это осложнит транстихоокеанские связи аналогично тому, как это происходит в Восточной Азии»⁶². На фоне энергичной политики КНР и Республики Корея по интернационализации вопросов исторического прошлого, помноженной на активность гражданских правозащитных групп за рубежом, такая перспектива становится вполне реальной.

1. Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama "On the occasion of the 50th anniversary of the war's end", 15 August 1995. URL: <http://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html>.
2. Хоккайдо симбун. 2013 4 мая. С. 1.
3. Майнити. 2013. 29 марта. С. 3.
4. Майнити. 2013. 24 апр. С. 6.
5. Joint Press Conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan, April 24, 2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan>.
6. Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of "comfort women", August 4, 1993. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html>.

7. Панфу мондай-о мэгуру никканкан-но яритори-но кэйи: коно данва сакусэй кара адзна дзэсэй кикин мадэ [Ход взаимодействия Японии и Южной Кореи по проблеме «женщины комфорта»: от составления заявления Ё. Коно до Азиатского фонда для женщины], 20 июня 2014. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2014/_icsFiles/afieldfile/2014/06/20/20140620houkokusho_2.pdf.
8. China will never compromise with Japan on history, territory, March 8, 2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/special/2014-03/08/c_133170716.htm.
9. The President Speaks by Phone to UN Secretary-General Ban Ki-moon, January 02, 2014. URL: [http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh\[board_no\]=21&srh\[page\]=7&srh\[view_mode\]=detail&srh\[seq\]=3889&srh\[detail_no\]=112](http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh[board_no]=21&srh[page]=7&srh[view_mode]=detail&srh[seq]=3889&srh[detail_no]=112).
10. Remarks With Republic of Korea Foreign Minister Yun Byung-se After Their Meeting, January 7, 2014. URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/01/219446.htm> Remarks With Republic of Korea Foreign Minister Yun Byung-se After Their Meeting January 7, 2014.
11. Нихон кэйдзай. 2014. 9 янв. С. 4.
12. Ван И провел телефонный разговор с министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым, 30 декабря 2013 г. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1113841.shtml>.
13. Мобилизация исследователей и дипломатов против Японии [Кэнкюся, ганкокан мо ханнити содонн] // Санкэй симбун. 2014. 31 янв. С. 3.
14. См.: *Cui Tiankai*. Shinzo Abe risks ties with China in tribute to war criminals // The Washington Post. 2014. 9 Jan. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/shinzo-abe-risks-ties-with-china-in-tribute-to-war-criminals/2014/01/09/dbd86c52-7887-11e3-af7f-13bf0c9965f6_story.html; *Liu Xiaoming*. China and Britain won the war together // The Telegraph. 2014. 1 Jan. URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/10546442/Liu-Xiaoming-China-and-Britain-won-the-war-together.html>; *Ли Хуэй*. Попытки Японии пересмотреть историю угрожают миру // Интерфакс. 2014. 10 янв. URL: <http://www.interfax.ru/350795>.
15. Spokesperson's Statement on the Japanese Cabinet's Decision on its Right to Collective Self-Defense, July 1, 2014. URL: http://www.mofa.go.kr/ENG/press/pressreleases/index.jsp?menu=m_10_20#5026.
16. Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei's Regular Press Conference, July 1, 2014. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/t1170401.shtml. Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei's Regular Press Conference on July 1, 2014.
17. Amb. Oh Joon addresses the Security Council open debate on "War, its Lessons, and the Search for a Permanent Peace", January 29, 2014. URL: http://un.mofa.go.kr/english/am/un/act/photo/20140129/1_61506.jsp?menu=m_10_10.
18. Statement by Ambassador Liu Jieyi at the Security Council Open Debate on War, Its Lessons, and the Search for a Permanent Peace, January 29, 2014. <http://www.china-un.org/eng/hyyfy/t1130692.htm>.
19. Майнити. 2014. 10 янв. С. 8.
20. Full text of Park's speech at U.S. Congress//Yonhap News, May 8, 2013. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2013/05/08/4/0301000000AEN20130508010800315F.HTML>.
21. Майнити. 2013. 3 нояб. С. 7.
22. Speech delivered by the President of the People's Republic of China, Xi Jinping, to the Körber Foundation, Berlin, March 28, 2014. URL: <http://www.koerber-stiftung.de/en/international-affairs/focus-new-cast/xi-jinping-2014/speech-xi-jinping.html>.
23. Merkel disapproves on Holocaust visits // China Daily. 2014. 28 March. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90780/8581256.html>.
24. Майнити. 13.03.2013. 13 марта. С. 8.
25. Санкэй симбун. 2014. 6 марта. С. 3.
26. Alternative Report On the issue of Japan's Military Sexual Slavery. Appendix No. 1 Compilation of Recommendations by the UN Human Rights Bodies on the "Comfort Women" Issue. May 2014. URL: http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared%20Documents/JPN/INT_CCPR_CSS_JPN_17435_E.pdf.
27. Japan News. 2014. 4 Jun. P. 3.
28. Майнити. 2013. 2 Jul. С. 3.
29. Санкэй симбун. 2014. 25 марта. С. 2.
30. Санкэй симбун. 11.04.2014. 11 апр. С. 8.
31. Japan News. 2014. 5 Jul. P. 2.
32. Иомиури симбун. 2014. 7 июня. С. 4.
33. Нихон кэйдзай. 2014. 19 июня. С. 6.

34. The President Meets with U.S. Defense Secretary Chuck Hagel, September 30, 2013. URL: http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh{board_no}=21&srh{page}=12&srh{view_mode}=detail&srh{seq}=2567&srh{detail_no}=60.
35. Statement on Prime Minister Abe's December 26 Visit to Yasukuni Shrine, December 26, 2013. URL: <http://japan.usembassy.gov/e/p/tp-20131226-01.html>.
36. Kerry, Hagel visit Chidorigafuchi to diminish Yasukuni // Japan Times. 2013. 3 October. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2013/10/03/national/politics-diplomacy/kerry-hagel-visit-chidorigafuchi-to-diminish-yasukuni/>
37. Press Conference with President Obama and President Park of the Republic of Korea, April 25, 2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/press-conference-president-obama-and-president-park-republic-korea>.
38. Нихон кэйдзай. 2014. 9 марта. С. 4.
39. Press Conference with President Obama and President Park of the Republic of Korea. April 25, 2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/press-conference-president-obama-and-president-park-republic-korea>.
40. Joint Press Conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan, April 24, 2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan>.
41. Press Conference with President Obama and President Park of the Republic of Korea. April 25, 2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/press-conference-president-obama-and-president-park-republic-korea>.
42. Майнити, 01.10.2013, с. 8.
43. Biden tried to talk Abe out of Yasukuni visit // Japan Times. 2014. 29 January. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/01/29/national/politics-diplomacy/biden-tried-to-talk-abe-out-of-yasukuni-visit>.
44. Joint Press Conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan. April 24, 2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan>.
45. American observers of Japan-U.S. relations divided over Abe's Yasukuni visit // The Guardian. April 07, 2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/dec/26/japan-shinzo-abe-tension-neighbours-shrine>.
46. Statement on Prime Minister Abe's visit to Yasukuni Shrine, 26 December, 2013. URL: <http://www.euinjapan.jp/en/media/news/news2013/20131227/105058/>
47. Комментарий официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с посещением Премьер-министром Японии С. Абэ храма Ясукуни, 26 декабря 2013 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/fa711a859c4b939643256999005bcbbc/2bba6ebf7d5ac2ff44257c4d004c4c4c!OpenDocument.
48. Note to Correspondents by the Spokesperson for the Secretary-General, 28 December, 2013. URL: <http://www.un.org/sg/offthecuff/index.asp?nid=3222>.
49. Санкэй симбун. 2014. 28 февр. С. 5.
50. Санкэй симбун. 2014. 1 марта. С. 5.
51. Майнити. 2014. 10 янв.
52. Нихон кэйдзай. 2014. 9 марта. С. 2; Нихон кэйдзай. 2014. 25 марта. С. 4.
53. Кисида гаймудайдзин то Кэнэди тьюнитибэйкокутайси-но дэнвакайдан [Телефонный разговор министра иностранных дел Ф.Кисиды с послом США в Японии К.Кеннеди], 26 декабря 2013 г. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_000478.html.
54. Aim of Abe's shrine visit "understood" in U.S: Japan lawmakers // Global Post, January 11, 2014. URL: <http://www.globalpost.com/dispatch/news/kyodo-news-international/140110/aim-abes-shrine-visit-understood-us-japan-lawmakers>.
55. Joint Press Conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan, April 24, 2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan>.
56. Заявление Премьер-министра Японии С. Абэ «Клятва в вечном мире», 26 декабря 2013 г. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/POLICIES/PERFORMANCE/PRIMEMINISTER/20131227.html>.
57. См.: Hayashi Keiichi. China risks becoming Asia's Voldemort // The Telegraph. 2014. 5 January. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/japan/10552351/China-risks-becoming->

- Asias-Voldemort.html; *Sasae Kenichiro*. China's propaganda campaign against Japan // Washington Post. 2014. 16 January. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/chinas-propaganda-campaign-against-japan/2014/01/16/925ed924-7caa-11e3-93c1-0c888170b723_story.html; *Харада Тикахито*. Не стоит навешивать на Японию не соответствующие действительности ярлыки // Интерфакс. 2014. 16 янв. URL: <http://www.interfax.ru/351935>.
58. Найкаку канботёкан кисякайкэн [Утренняя пресс-конференция генерального секретаря кабинета министров] 24 марта 2014 г. URL: <http://nettv.gov-online.go.jp/prg/prg9528.html>.
59. Найкаку канботёкан кисякайкэн [Вечерняя пресс-конференция генерального секретаря кабинета министров] 7 июля 2014 г. — <http://nettv.gov-online.go.jp/prg/prg10078.html>.
60. Remarks by Prime Minister Abe during the Uppcr House Budget Session, March 14, 2014. URL: <http://www.us.emb-japan.go.jp/english/html/pm-abc-remarks.pdf>.
61. Remarks by Prime Minister Abe during the Uppcr House Budget Session, March 14, 2014. URL: <http://www.us.emb-japan.go.jp/english/html/pm-abe-remarks.pdf>.
62. American observers of Japan-U.S. relations divided over Abe's Yasukuni visit // The Guardian, April 07, 2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/dec/26/japan-shinzo-abe-tension-neighbours-shrine>.

Политика Японии в отношении Тайваня: проблемы и тенденции

© 2014

И. Гордеева

В статье рассматриваются сложные проблемы, связанные с политикой Японии в отношении Тайваня, — в тесной привязке к взаимоотношениям между Японией и Китаем. Проблема ставится в контексте усиливающегося противоборства в АТР между США и Японией, с одной стороны, и Китаем, с другой, когда воссоединение Тайваня с КНР существенно увеличило бы мощь Китая, и поэтому неприемлемо для Вашингтона и Токио. Положение усугубляется в связи с резко обострившимся территориальным спором между Японией и КНР из-за островов Сенкаку (Дяюйдао), имеющим прямую связь с проблемой Тайваня.

Ключевые слова: Япония, Китай, США, Тайвань, острова Сенкаку (Дяюйдао), противоборство, непримиримость подходов.

1. Об особенностях политики Японии в отношении Тайваня

«Тайваньский вопрос» является одной из крупнейших международных проблем, от урегулирования которой в значительной степени зависит стабильность и безопасность в регионе Восточной Азии. Положение в Тайваньском проливе уже не раз вызывало вспышки опасной напряженности (кризисы 1954, 1958, 1995–1996 гг.), чреватые прямым вооруженным

конфликтом между США и Китаем. Значение Тайваня еще больше возросло в условиях нарастающего в последние годы противоборства в Азиатско-Тихоокеанском регионе между США и Японией, с одной стороны, и Китаем — с другой. Совершенно очевидно, что Вашингтон и Токио заинтересованы в сохранении Тайваня с его внушительным экономическим и военным потенциалом в орбите своего влияния как можно дольше, поскольку его воссоединение с материковым Китаем значительно усилило бы мощь КНР, серьезно нарушив сложившуюся в регионе стратегическую конфигурацию.

Важную роль играет Тайвань как часть контролируемой Соединенными Штатами и Японией так называемой «первой линии» островной цепи (от Хоккайдо до Филиппин), обеспечивающей безопасность морских коммуникаций, по которым идет снабжение Японии и других американских союзников в Восточной Азии энергетическими и иными ресурсами, и ограничивающей свободный доступ китайских ВМС в Тихий океан. В частности, по морским путям, проходящим вблизи Тайваня, осуществляется примерно 90% японского импорта нефти. Американские и японские озабоченности еще больше возросли в связи с выдвинутой на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) задачей превращения КНР в «морскую державу». В Вашингтоне и Токио полагают,

что в случае воссоединения острова с КНР Тайвань станет мощной базой китайских ВМС в зоне Тихого океана.

Хотя ведущую роль в воспрепятствовании перехода Тайваня к КНР играют Соединенные Штаты, нельзя недооценивать влияния на тайваньскую ситуацию Японии — ближайшего союзника США, мощной экономической и военной силы, имеющей собственные крупные интересы в связи с островом. Свою роль играет колониальное прошлое Тайваня, пятьдесят лет (1895–1945 гг.) находившегося по Симоносекскому договору 1895 г. под японским контролем.

Дополнительную напряженность вносит обострившийся в последние годы территориальный спор между Японией и Китаем из-за принадлежности островов Сенкаку (Дяоюйдао), напрямую связанный с проблемой Тайваня. Причем на ближайший период не просматривается возможность урегулирования этого спора в силу бескомпромиссных позиций сторон. На острова Сенкаку распространены американские обязательства по защите Японии в соответствии с японо-американским Договором о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г.

В отличие от США, взявших Тайбэй под свою прямую защиту, Япония проявляет в тайваньских делах заметную осторожность. В то же время, признав правительство КНР в Совместном японо-китайском коммюнике от 29 сентября 1972 г. как «единственно законное правительство Китая», японская сторона уклонилась от четкого собственного признания того факта, что Тайвань отошел к Китаю, как это предусматривалось Каирской (1943 г.) и Потсдамской (1945 г.) декларациями, по сути, сохранив за собой возможность выбора в зависимости от дальнейшего развития событий¹. И в тексте сепаратного Сан-Францисского мирного договора 1951 г. лишь говорится, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий» на Формозу (Тайвань) и Пескадорские острова без указания о возвращении указанных островов Китаю.

Вместе с тем, Токио предостерегает тайваньские власти от каких-либо действий, провоцирующих Пекин, в частности, против провозглашения независимости острова. В декабре 2003 г. правительство Д. Коидзуми сделало представление Тайбэю по неофициальным каналам в связи с планировавшимися администрацией Чэнь Шуйбяня референдумами, меняющими статус Тайваня (накануне очередных выборов Чэнь Шуйбянь предложил провести референдум, целью которого было прозондировать, поддержит ли тайваньское население заявку правительства о вступлении в ООН под новым названием «Тайвань» вместо названия «Китайская Республика»)².

Тайваньским властям были переданы следующие «соображения» японского правительства: позиция Японии в тайваньском вопросе базируется на выработанных с КНР совместных коммюнике; Япония твердо исходит из того, что решение тайваньской проблемы должно осуществляться путем диалога сторон пролива и выступает за его скорейшее возобновление; выступления президента Чэнь Шуйбяня в пользу проведения общественного референдума и выработки новой конституции вызвали ненужную напряженность в отношениях между КНР и Тайванем, и правительство Японии, исходя из интересов обеспечения мира и безопасности в районе Тайваньского пролива и всего региона, испытывает по этому поводу озабоченность; была выражена надежда, что президент Чэнь Шуйбянь в целях обеспечения мира и безопасности региона и предотвращения дальнейшего ухудшения обстановки будет придерживаться высказанных им при вступлении в должность так называемых «пяти нет» (в своей инаугурационной речи 20 мая 2000 г. Чэнь Шуйбянь изложил следующие пять пунктов по вопросу о взаимоотношениях с КНР: не объявлять независимость, не изменять название государства, не добиваться включения в конституцию положений о межгосударственном характере отношений сторон пролива, не проводить референдум, изменяющий статус-кво в вопросе независимости и объединения, а также не упразднить

Совет и Программу национального объединения, принятые при прежней администрации)³.

Важнейшим элементом позиции Японии в тайваньском вопросе является призыв к мирному решению тайваньской проблемы путем диалога, неприменения Китаем силы в отношении Тайваня. Зафиксированная в Совместном коммюнике американо-японского Консультативного комитета по безопасности от 19 февраля 2005 г.⁴ эта позиция вызвала сильнейшее недовольство Пекина. Данный шаг был расценен как, по сути, присоединение Японии к американским обязательствам защищать Тайвань в случае применения силы в отношении него.

В ответ Пекином 14 марта 2005 г. был принят так называемый «Закон о противодействии расколу государства»⁵. Хотя упор в законе делается на «мирные методы объединения страны», в статье 8 указывается, что «в случае, если раскольнические силы на Тайване, выступающие под флагом «независимости Тайваня», будут действовать — под любым именем или любыми средствами — в направлении отделения Тайваня от Китая, либо произойдут крупные инциденты, повлекшие отделение Тайваня от Китая, либо же возможности для мирного объединения будут полностью исчерпаны, государство применит немирные методы и другие необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая».

2. О состоянии японо-тайваньских политических связей

Установив в 1972 г. дипломатические отношения с Пекином, Япония сохранила тесные связи с Тайбэем практически во всех областях, включая политические, действуя, однако, как уже отмечалось, с осторожностью. Во многих сферах объем этих связей значительно превышает связи Тайваня с другими странами, включая США. Подобно другим государствам, поддерживающим неофициальные отношения с Тайбэем, Япония и Тайвань учредили соответствующие квази-официальные миссии — японскую Ассоциацию взаимобменов (Interchange Association) и Тайбэйское экономическое и культурное представительство (Taipei Economic and Cultural Office). Тайваньское представительство открыло свои отделения — на базе бывших консульств «Китайской Республики» — в Осаке, Фукуоке, Иокогаме, Саппоро.

Учитывая пристальное внимание Пекина к политике Японии на тайваньском направлении, Токио старается, по возможности, избегать официализации этих связей. По заявлению тогдашнего министра иностранных дел Японии Ё. Кавагути от 27 ноября 2002 г., был установлен допустимый уровень японских чиновников, которые могли посещать Тайвань для решения практических дел, — не выше заведующего сектором соответствующего ведомства. В случае избрания Тайваня местом проведения крупного международного мероприятия (например, по линии АТЭС или ВТО, членом которых является Тайбэй), уровень мог быть выше в зависимости от обстоятельств.⁶

На практике, однако, Япония не всегда придерживалась указанных обязательств. Имели место обмены на достаточно высоком уровне, правда, в основном в частном порядке и в неофициальном качестве. Например, Тайвань дважды посещал член парламента, бывший японский премьер Ё. Мори (в 2003 г. и в 2006 г.). Визиты в Японию официальных лиц достаточно высокого уровня осуществлялись и с тайваньской стороны. В марте 1995 г. Японию посетил мэр Тайбэя Чэнь Шуйбянь, а в июле 2006 г. мэр Тайбэя Ма Инцзю, (оба затем стали президентами). Особое раздражение в Пекине вызвала поездка в Японию в июне 2007 г. бывшего президента Тайваня Ли Дэнхуэя, известного сторонника независимости Тайваня. Как было указано в заявке, целью поездки Ли Дэнхуэя было лечение и отдых. Он, однако, встретился со многими японскими политическими деятелями, делал заявления в пользу самостоятельного существования Тайваня.

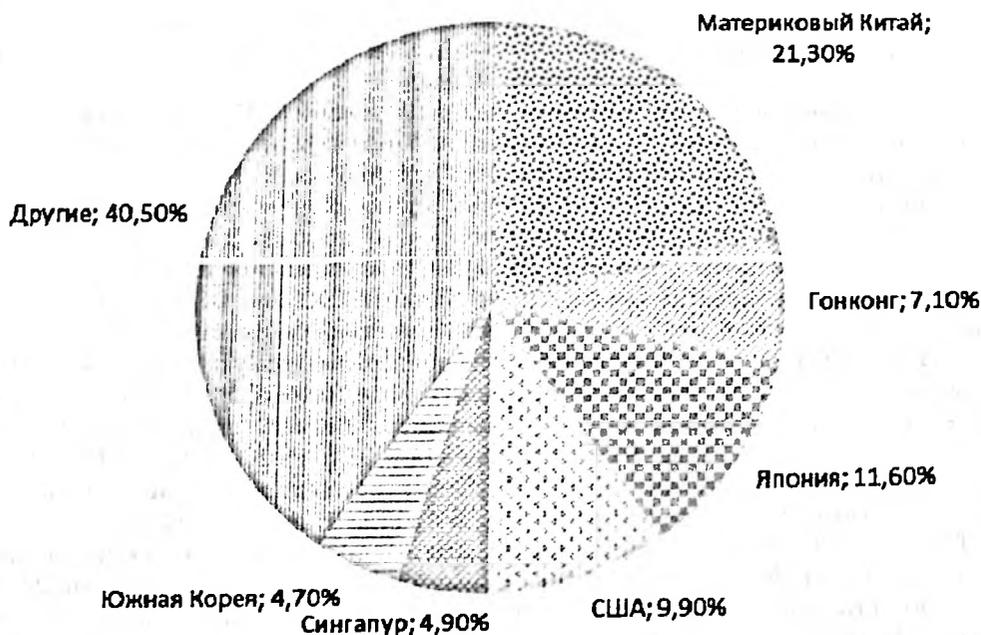
Указанные обмены визитами вызывали протесты Пекина как нарушение неофициального характера японо-тайваньских связей⁷. Представитель МИД КНР Цзян Юй заявила следующее по поводу упомянутого визита премьер-министра Ё. Мори на Тайвань (в 2006 г.): «Тайваньский вопрос связан с ключевыми интересами Китая и политической основой китайско-японских отношений. Мы выражаем резкое недовольство и сожаление в связи с тем, что японская сторона разрешила бывшему премьер-министру Ё. Мори посетить Тайвань. Требуем от правительства Японии соблюдать обещания по тайваньскому вопросу, принимать эффективные меры и надлежащим образом урегулировать японо-тайваньские отношения, особенно — отказаться от любых политических контактов с силами, ратующими за «независимость Тайваня»⁸.

Весьма активно развиваются *межпарламентские связи* сторон, причем в японских парламентских кругах сохраняются сильные протайваньские настроения. Создана японо-тайваньская парламентская группа в целях развития контактов между законодателями Японии и Тайваня. До половины членов японского парламента принадлежат к тому или иному обществу японо-тайваньской дружбы. Как правило, все они выступают за активизацию отношений с Тайбэем, устраивают поездки на Тайвань, где встречаются с представителями официальных и парламентских кругов.

Токио оказывал большую поддержку Тайваню в его попытках добиться расширения тайваньского участия в различных *международных организациях*, исходя, по мнению китайских экспертов, из того, что это усиливает позиции Тайваня, расширяет возможности его сотрудничества с другими странами. В частности, Япония всячески содействовала вступлению Тайваня в АТЭС, Азиатский банк развития, присоединению к ВТО, Всемирной организации здравоохранения.

Таблица 1

Доля зарубежных стран во внешней торговле Тайваня (2012 г.)

Источник: МИД Японии. URL www.mofa.go.jp/mofaj/area/taiwan/pdfs/kankei.pdf

Важнейшее значение Япония отводит поддержанию тесных *торгово-экономических связей* с Тайванем. Не последнюю роль здесь играют и политические соображения. Как, очевидно, полагают в Токио, экономическая привязка Тайбэя к Японии, США и в целом к западному лагерю будет способствовать отдалению Тайваня от КНР. Созданный Японией за годы колониального господства на Тайване довольно существенный экономический задел, ее роль в передаче впоследствии Тайваню передовых технологий, а также крупная американская экономическая помощь острову в 1950–1960-е гг. явились одной из главных причин так называемого тайваньского «экономического чуда» в 1960–1980-е гг., когда Тайбэй вошел в четверку «азиатских экономических драконов», а его валютные резервы заняли третье место после Японии и Гонконга.

До конца 60-х гг. прошлого столетия Япония была главным торговым партнером Тайваня, но начиная с 1961 г. ее место заняли США. К настоящему времени на первое место в торговле с Тайванем вышла КНР, опередив Японию.

Таблица 2

Динамика товарооборота Японии с Тайванем в 2008–2013 гг., млрд долл. США

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Общий объем торговли	64,07	50,72	69,93	70,43	66,56	62,38
Экспорт	46,51	36,22	51,92	52,20	47,57	43,16
Импорт	17,56	14,50	18,01	18,23	18,99	19,22
Сальдо	28,95	21,72	33,91	33,97	28,58	23,94

Источник: *Department of Statistics, Ministry of Finance (Taiwan)*.

URL: http://www.moea.gov.tw/Mns/dos_e/content/ContentLink.aspx?menu_id=6748

Из таблицы 2 следует, что Япония имеет в торговле с Тайванем довольно существенное положительное сальдо, которое Тайбэй покрывает за счет положительного сальдо в торговле с КНР (вместе с Гонконгом) — главным источником профицита в торговом балансе Тайваня (118,6 млрд долл. в 2012 г.)⁹.

В интервью газете «Асахи симбун» 4 мая 2011 г. президент Тайваня Ма Инцзю поставил вопрос о скорейшем проведении японо-тайваньских переговоров в целях выработки и подписания нового двустороннего соглашения с Японией по торговле и инвестициям¹⁰. В 2011 г. стороны подписали соглашение о защите инвестиций (сентябрь), соглашение об «открытом небе» (ноябрь) и о сотрудничестве в патентной сфере (апрель). Ряд крупнейших японских банков и компаний имеет свои дочерние предприятия на Тайване (на октябрь 2011 г. — 1103 японских компаний)¹¹, которые в ряде случаев используются для проникновения на рынок континентального Китая с учетом предоставляемых Пекином льгот Тайбэю в развитии экономических связей.

Япония является одним из крупнейших *инвесторов* на Тайване. Согласно приведенным президентом Тайваня Ма Инцзю данным, в 2011 г. японские инвестиции на Тайване составили 400 млн долл., а тайваньские инвестиции в Японию достигли 250 млн долл. С помощью японских инвестиций на Тайване был осуществлен ряд крупных проектов, одним из которых стала скоростная железная дорога Тайбэй—Гаосюн. Всего за 60 лет (на конец 2011 г.) объем японских инвестиций на Тайване составил 16,79 млрд долл. (3-е место после США — 22,18 млрд долл., и Нидерландов — 18,64 млрд долл.)¹².

Начиная с 2001 г., между Токио и Тайбэем ведутся переговоры на предмет заключения соглашения о свободной торговле. Этому, однако, противится Пекин, полагая, что подобные соглашения могут заключаться лишь между суверенными

государствами. Тайбэй также добивается содействия Японии в присоединении Тайваня к формирующимся зонам свободной торговли в АТР.

Таблица 3

Структура торговли Японии с Тайванем, тыс. долл. США

	Экспорт		Импорт	
	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.
Продукты питания, алкоголь и табак	720 447	757 905	912 392	978 214
Минеральное сырье	365 290	311 506	176 516	357 437
Бытовая химия	9 411 626	8 387 594	1 551 964	1 449 392
Пластик и резина	3 717 295	3 582 975	1 695 124	1 744 776
Волокно (текстиль)	271 536	249 266	475 882	442 203
Металлы	6 363 713	5 881 501	2 167 559	2 039 925
Машины и оборудование	21 040 902	18 639 349	7 994 568	8 676 298
Электроника	8 570 846	8 350 417	5 201 549	5 702 803
Общая механика	9 047 056	7 401 196	1 159 425	1 194 613
Электромеханика	2 285 661	1 777 746	481 428	440 998
Оборудование связи	155 602	139 155	555 215	722 983
Транспорт	2 594 640	2 653 800	666 644	629 326
Высокоточное оборудование	2 366 344	2 261 801	733 989	764 607
Итого:	52 199 738	47 573 642	18 228 118	18 988 777

Источник: ДЖЕТРО, данные по составу японо-тайваньской торговли за 2011–2012 гг. С. 7. URL: <http://www.jetro.go.jp/world/gtir/2013/pdf/2013-rw.pdf>

Тайвань принял активное участие в оказании помощи Японии по преодолению последствий цунами и катастрофы на АЭС. Премьер-министр Японии Н. Кан направил в связи с этим благодарственное письмо тайваньской стороне (через японское неофициальное представительство на Тайване)¹³.

Развитие в последние годы торгово-экономических связей между Тайванем и материковым Китаем показывает, что Япония и США все больше уступают КНР в этой сфере. Серьезный толчок дальнейшему расширению финансово-экономического сотрудничества между Тайванем и материком дало подписание так называемого Рамочного соглашения по экономическому сотрудничеству (ECFA), имеющего льготный по отношению к Тайбэю характер. Растет зависимость тайваньского бизнеса от китайского рынка, тогда как для Пекина Тайбэй является источником передовых технологий, производственного опыта.

Особо следует выделить феномен значительного культурного влияния Японии на Тайване. Японская массовая культура (мода, комиксы, поп- и рок-музыка, печатная и кинопродукция, телепередачи, кухня и др.) обладает особой притягательностью для определенных слоев молодежи и необычайно востребована не только на Тайване, но и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе, в значительной степени оттесняя влияние американской массовой культуры. Активные действия по распространению японской культуры в Азии имеют для Токио стратегическую направленность и нацелены на то, чтобы при помощи культуры «перешагнуть» через историческое прошлое, которое до сих пор генерирует сильные всплески антияпонских настроений¹⁴.

Широкий характер носят взаимные туристические обмены. Япония является одним из наиболее посещаемых тайваньскими туристами мест — свыше миллиона человек ежегодно. В свою очередь, Тайвань в 2011 г. посетило 1,29 млн японских туристов. Между сторонами установлен облегченный визовой режим.

Увеличился интерес к Тайваню японских СМИ. Ведущие японские газеты открыли в конце 1990-х гг. свои корпункты на Тайване. Их позитивные репортажи способствовали углублению доброжелательного отношения японской общественности к Тайваню как «успешному, процветающему и демократичному обществу». Симпатии к Тайваню еще больше усилились в условиях резко возросшей напряженности в отношениях между Токио и Пекином в связи с активизировавшимися спорами из-за островов Сенкаку.

Японские наблюдатели отмечают «значительное усиление в последнее время взаимных симпатий между Японией и Тайванем». Согласно проведенному на Тайване в начале 2011 г. японским неофициальным представительством опросу общественного мнения, 52% опрошенных тайваньцев назвали Японию в качестве наиболее привлекательной для них страны. В свою очередь соответствующий опрос в Японии в мае 2011 г. провело тайваньское представительство в Японии. По его результатам 67% опрошенных сказали, что они испытывают благоприятные чувства в отношении Тайваня — рост на 11% по сравнению с опросом, проведенным два года тому назад¹⁵.

3. Тайваньский аспект территориального спора между Японией и Китаем по поводу островов Сенкаку (Дяоюйдао)

Серьезную напряженность в отношениях между Японией и Китаем вызывает усилившийся в последнее время территориальный конфликт из-за спорных островов Сенкаку (Дяоюйдао). Ситуация усугубляется тем, что на стороне Японии выступают Соединенные Штаты. Расположенные в Восточно-Китайском море эти острова имеют немалую стратегическую ценность. Помимо этого, если сбудутся предварительные прогнозы, континентальный шельф в мелководных районах между островами Сенкаку и Тайванем содержит крупные запасы нефтегазовых и иных ресурсов. Район также богат рыбными и морскими ресурсами.

Нынешние базисные позиции сторон по данному вопросу излагаются в опубликованной Китаем 25 сентября 2012 г. Белой книге «Дяоюйдао — неотъемлемая территория Китая»¹⁶ и в повторяемой из года в год памятке МИД Японии «Основной подход к вопросу о суверенитете над островами Сенкаку»¹⁷.

Согласно оценкам китайской стороны (КНР и Тайваня) — с приведением многочисленных исторических источников, карт, включая японские, острова были открыты Китаем еще в Минскую эпоху (1368–1644 гг.). Тогда же они были включены в зону береговой охраны Китая. В Цинскую эпоху (1644–1911 гг.) острова Дяоюйдао стали в административном плане частью китайской провинции Тайвань.

Интерес Японии к островам стал проявляться с 1884 г. — после аннексии в 1879 г. королевства Рюкю, ранее являвшегося вассалом Китая и переименованного после аннексии в «префектуру Окинава». В ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг., когда поражение Китая было уже предreshено, кабинет министров Японии принял 14 января 1895 г. секретную резолюцию о включении упомянутых островов в состав префектуры Окинава и установлении на них японских знаков. По условиям подписанного 17 апреля 1895 г. Симоносекского договора Китай уступил Японии Тайвань «вместе с прилегающими или принадлежащими ему островами». Конкретно были названы лишь Пескадорские острова (о-ва Пэнхуледао). Однако китайская сторона исходит из того, и постоянно подчеркивает это, что Тайвань был передан вместе с островами Дяоюйдао, входившими на тот момент в состав провинции Тайвань. Это обстоятельство имеет принципиально важное значение для Китая, определяющее его дальнейшую позицию в том плане, что острова Дяоюйдао должны были быть возвращены Китаю вместе с Тайванем после поражения Японии во Второй мировой войне в соответствии с каирскими, потсдамскими и другими решениями держав-победителей.

Что касается японской трактовки этого вопроса, то острова Сенкаку стали неотъемлемой частью островов Нансэй (Рюкю) с момента принятия японским правительством январского (1895 г.) решения о присоединении Сенкаку. «Эти острова, говорится в памятке японского МИД, не были ни частью Тайваня, ни частью Пескадорских островов, которые были переданы Японии Цинской династией Китая в соответствии со Статьей II Симоносекского договора, вступившего в силу в мае 1895 г. Соответственно, острова Сенкаку не были включены в перечень территорий, от которых Япония отказалась по Статье II Сан-Францисского мирного договора (1951 г.)»¹⁸. Исходя из этого, нынешняя позиция Токио заключается в том, что вопроса о суверенитете над островами Сенкаку не существует и обсуждать этот вопрос нет необходимости. В частности, премьер-министр С. Абэ неоднократно заявлял, «Япония никогда не пойдет на компромисс в вопросе суверенитета над указанными островами»¹⁹.

Со своей стороны, Пекин жестко настаивает на своих правах на указанные острова, отнеся данный вопрос к категории «коренных интересов» страны (подобно Тибету, Тайваню, Синьцзяну), а это означает, что уступать в данном вопросе он не намерен. «По двум принципиальным вопросам, заявил в марте 2014 г. министр иностранных дел КНР Ван И, — истории и территорий — нет места для компромиссов»²⁰.

О своих «суверенных правах» на острова Дяоюйдао (Дяоюйтай в тайваньском наименовании) постоянно заявляет Тайбэй, используя сходную с Пекином аргументацию. Принципиальным моментом являются ссылки Тайбэя на то, что исторически острова Сенкаку входили в ту же административную единицу, что и Тайвань²¹. В то же время Тайбэй уклоняется от предложений Пекина совместно выступить в указанном вопросе. В настоящее время согласно административному делению Тайваня острова Дяоюйдао включены в состав города Тучан тайваньской провинции Илань.

Наблюдается эскалация с обеих сторон воинственной риторики и шагов. В сентябре 2012 г. КНР приняла решение о регулярном патрулировании окружающих Дяоюйдао вод и в конце октября в указанный район вошла группа китайских патрульных кораблей. К островам неоднократно подходили и китайские военные корабли, не пересекая, однако, установленную Японией вокруг Сенкаку 12-мильную зону территориальных вод. Угрожающие заявления делались и на правительственном уровне. В ходе слушаний в японском парламенте 23 апреля 2013 г. премьер-министр С. Абэ заявил, что в случае китайской попытки высадить на островах десант китайцы «будут выворены с применением силы». «Мы будем действовать жестко», подчеркнул он²². В свою очередь представитель Министерства обороны КНР, назвал подобные заявления «безответственными», подчеркнув, что действия Японии встретят «твердое сопротивление со стороны китайского народа»²³. С китайской стороны также говорилось, что в случае необходимости она не остановится перед применением военной силы.

К настоящему времени противостояние в связи с Сенкаку (Дяоюйдао) превратилось в весьма серьезную проблему для обеих сторон. Помимо огромного ущерба политическим отношениям двух стран, конфликт начинает приносить все более ощутимый урон их экономическим интересам. Резко упали продажи в Китае японских автомобилей, электроники, других товаров. Ряд японских предприятий был вынужден на время приостановить свое производство в КНР. На 70% упал поток китайских туристов в Японию, а японских — в Китай. В 2013 г. объем японо-китайской торговли снизился на 5,1% по сравнению с предыдущим годом, составив 312,55 млрд долл. Имели место массовые антияпонские выступления в Китае, переросшие в ряде случаев в погромы офисов японских компаний, японских ресторанов, поджоги автомашин и государственных флагов Японии.

Двойственную позицию в вопросе о Сенкаку заняли США. Заявляя, что они придерживаются нейтрального подхода в отношении «окончательного суверенитета» Сенкаку, Соединенные Штаты в то же время неизменно включают эти острова в зону действия американо-японского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности²⁴, под тем предлогом, что острова находились под контролем Японии (*residual sovereignty*) на момент их передачи под управление США согласно Статье III Сан-Францисского мирного договора.

Хорошо понимая опасность создавшейся ситуации, Вашингтон пытается сыграть роль посредника в решении указанного вопроса, призывая Токио и Пекин к сдержанности и к «урегулированию разногласий мирным путем»²⁵.

4. Роль и место Тайваня в японо-американской стратегии по «сдерживанию» Китая

Складывающаяся в последние годы обстановка в АТР характеризуется резкой активизацией противоборства в рамках треугольника США—КНР—Япония. Не скрывая озабоченности по поводу значительно усилившихся позиций КНР в Восточной Азии, планомерного наращивания Китаем своей военной мощи, США объявили о переносе в регион центра тяжести своей глобальной политики. Осуществляется заметное наращивание американской военной группировки в Восточной Азии, создание нового мощного военного плацдарма в юго-западной части Тихого океана.

Серьезную модификацию претерпевает американо-японский союз, все больше направляя острие своих действий на «сдерживание» Китая. Принципиально важное значение имеет принятое Вашингтоном решение активно задействовать японский потенциал, как в глобальном плане, так и в качестве противовеса КНР в Восточной Азии, открывая, по сути, двери для снятия ограничений в сфере военно-стратегической политики Японии. Осуществляются шаги, направленные на перевооружение Японии, повышение ее военных расходов, оснащение японских ВС новейшими американскими вооружениями, приняты новая «Стратегия национальной безопасности» Японии, «Основные направления оборонной политики», учрежден японский Совет национальной безопасности. Важнейшие шаги в плане дальнейшего укрепления японо-американского военного союза были предприняты в ходе состоявшегося 3 октября 2013 г. заседания Консультативного совета США и Японии в сфере безопасности. При этом следует особо отметить обязательство по обеспечению безопасности Японии «при помощи всего комплекса военных возможностей США, как ядерных, так и обычных»²⁶.

В контексте этого курса Вашингтон и Токио осуществляют дальнейшие шаги по закреплению своих связей с Тайбэем, включению Тайваня в зону совместных действий США и Японии «по обеспечению безопасности в окружающих Японию районах». Ссылаясь на ухудшающиеся отношения с Пекином, ряд японских политологов высказался за установление более тесных отношений с Тайванем. Группа депутатов от ЛДП Японии выступила с идеей выработки японской версии Закона об отношениях с Тайванем (соответствующий американский закон, одобренный Конгрессом США и вступивший в силу 10 апреля 1979 г., включает пункт о необходимости «поддерживать способность Соединенных Штатов противодействовать любому применению силы или других форм принуждения, которые поставили бы под угрозу безопасность, либо социальную или экономическую систему народа Тайваня»)²⁷.

В оправдание своих действий Вашингтон и Токио указывают на усиливающиеся военные возможности Китая, укрепление китайских ВМС с приобретением ими способностей выхода в открытый океан. В последние четыре года процентный рост военных расходов Китая определялся двузначными цифрами (в 2013 г. затраты на оборону возросли на 10,7%, что составило 720,2 млрд юаней (около 114,3 млрд долл.), на

2014 г. планируется рост на 12,2% — примерно 132 млрд долл.²⁸ На XVIII съезде КПК было заявлено о планах превращения КНР в «морскую державу». Согласно утверждениям западных источников, в действительности военные расходы КНР намного больше указываемых. Так, по данным СИПРИ, в 2011 г. затраты Китая на оборону составили 143 млрд долл. (у США было 711 млрд долл., у Японии — 59,3 млрд долл.)²⁹.

Отмечается также взятый Китаем курс на усиление программы строительства подводных лодок и других кораблей, способных помешать дислокации американских авианосцев в зоне Тайваньского пролива³⁰. Как подчеркнул директор Национальной разведки США Д. Блэр, «значительная часть повышающейся мощи НОАК направлена на то, чтобы усилить способность Китая осуществлять операции по предотвращению доступа в западную часть Тихого океана»³¹.

Касаясь *возможных путей урегулирования* таких сложных вопросов, как проблема Тайваня и островов Сенкаку, необходимо, очевидно, исходить из того, что эти проблемы неотделимы от складывающегося в Восточной Азии общего соотношения сил и интересов. Ни США, ни Япония не готовы к уступкам в отношении важнейших для них стратегических территорий. Твердо и последовательно отстаивает свои права на «исконно принадлежащие ему территории» Пекин.

По единодушному мнению экспертов, занимающихся указанными проблемами, решение вопроса военным путем на данный момент не представляется возможным с учетом взятых Соединенными Штатами обязательств не допустить захвата Тайваня силой (к взаимодействию в этом вопросе Вашингтон постепенно подтягивает и Японию). Это же касается островов Сенкаку, находящихся под совместной защитой японо-американского альянса.

Нужно учитывать и то обстоятельство, что при всех положительных сдвигах в отношениях Пекина и Тайбэя за последние годы подавляющее большинство тайваньского населения выступает за сохранение статус-кво в зоне Тайваньского пролива, иными словами, нынешнего де-факто независимого существования Тайваня. В пользу этого, согласно опубликованным на Тайване 25 сентября 2011 г. данным опроса общественного мнения, высказалось 87,2% опрошенных³².

В этих условиях, как представляется, возможности тайваньского урегулирования лежат на путях постепенной нормализации общей обстановки в Восточной Азии, построения такой архитектуры безопасности в АТР, при которой обеспечивались бы интересы всех стран региона, укреплялось доверие и сотрудничество между ними. Важно, чтобы Япония и Китай посмотрели на ситуацию в регионе с высоты своих стратегических интересов, сохранения и дальнейшего развития наработанных ими связей в политической, экономической и других областях, имеющих намного большее значение для отношений сторон по сравнению с тем ущербом, который наносят трения в связи с Тайванем, принявший угрожающие размеры конфликт из-за островов Сенкаку.

1. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html>.
2. URL: <http://e.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=1309465745000000324>.
3. URL: <http://e.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=1309465745000000324>. См. также монографию профессора Ба Дяньцзюня Лэнчжаньхоу жибэнь дуй тайвань чжэнцэ янь цзю [Исследование политики Японии в отношении Тайваня после окончания «холодной войны»]. Пекин: Изд-во Цзючжоу, 2010. С. 101.
4. Japan Ministry of Defense, 2006, pp. 221–23. URL: http://www.mod.go.jp/epubl/w_paper/pdf/2006/4-2-1.pdf.
5. Закон о противодействии расколу государства // People's Daily Online. 14.03.2005.
6. Ляньхэбао. Тайвань. 2002. 28 нояб.

7. URL: <http://www.libwiseneeds.wisers.net/wiseneeds/index.do>.
8. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/fyrbthdhdw/t281358.shtml>.
9. Данные госдепартамента США. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35855.htm>.
10. Интервью президента Тайваня Ма Инцзю японской газете «Асахи Симбун» (5 мая 2011 г.)
11. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/taiwan/pdfs/kankei.pdf>.
12. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/taiwan/pdfs/kankei.pdf>.
13. CNA Taipei. 2011. 11 April.
14. *Катасонова Е.Л.* Японское культурное присутствие в странах АТР // Япония наших дней. 2009. № 2.
15. URL: <http://www.japanecho.net/society/0082/>
16. URL: <http://english.caijing.com.cn/2012-09-25/112152091.html>.
17. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/senkaku/index.html>.
18. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/senkaku/index.html>.
19. Заявление С. Абэ на пресс-конференции в Нью-Йорке 27.09.2013 г.
URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201309/27.
20. Ёмиури симбун. 2014. 16 марта.
21. Comparative Connections. A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations. September-December 2012. Vol. 14, No. 3, January 2013, P. 84.
22. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-22260140>.
23. Независимая газета. 2012. 1 авг.
24. URL: www.taiwansecurity.org/TSR-Japan.htm.
25. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2913/01/203050.htm>.
26. Joint statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee. October 3, 2013. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215070.htm>.
27. The Diplomat. 2014. 20 Febr.
28. Агентство Синьхуа, 06.03.2014. См. также: URL: http://russian.news.cn/importnews/2013-03/05/c_132210769.htm.
29. URL: www.sipri.org/yearbook/2012/files/SIPRIYB12summary.pdf.
30. Yomiuri Weekly. 2005. 1 May; *Nakajima Mineo*. Illusion of an Immense China // Seiron. 2004. 1 March.
31. *Blair D.C.* Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community for the Senate Select Committee on Intelligence", February 2, 2010. URL: http://www.dni.gov/testimonies/20100202_testimony.pdf, p. 29.
32. URL: http://news.rti.org.tw/index_newsContent.aspx?nid=319565.

Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и контрмеры Китая*

© 2014

Лю Бо

Международные соглашения представляют собой важный механизм подъема национальных экономик, стимулирования связей и сотрудничества. Соответственно, и Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) сулит расширение торгового обмена, активизацию двустороннего и многостороннего взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но вследствие дублирования членства в разных международных соглашениях страны АТР попадают в сложную ситуацию конкуренции и взаимного сдерживания. ТТП поставило перед новым выбором их и без того непростые взаимоотношения. Перед лицом давления и вызовов со стороны ТТП Китаю необходимо определить собственную экономическую и политическую стратегию, расширяя пространство для торгового обмена и повышая свою лидирующую роль в регионе.

Ключевые слова: Соглашение Транстихоокеанского партнерства (ТТП), стратегия развития, новый порядок в АТР, контрмеры Китая.

В процессе глобальной интеграции все страны вступают ради подъема своих экономик в международные соглашения, способствующие либерализации торговли. Эти соглашения помогают преодолевать торговые и инвестиционные барьеры между странами и регионами, заметно повышают масштабы и потенциальные возможности экономического роста. Важное влияние на обстановку в АТР может оказать Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (Trans-Pacific Partnership Agreement).

Рождение ТТП и стратегическая нацеленность США на присоединение к нему

Прообразом ТТП явилось соглашение о свободной торговле, заключенное в 1990-х гг. между Чили и Новой Зеландией. В 2000 г. оно было подтверждено в Соглашении об экономическом партнерстве Новой Зеландии с Сингапуром (с участием Чили). В мае 2005 г. Бруней, Чили, Новая Зеландия и Сингапур заключили Соглашение о свободной торговле в качестве стран-учредителей.

В 2008 г., когда эти четыре страны достигли договоренностей в финансовой и инвестиционной сферах, намерение присоединиться к нему высказали США. Три года спустя премьер-министр Японии, вопреки протестам внутри страны, также проявил интерес к ТТП. Если первоначально в формате Р4 это Соглашение интереса на мировой арене не вызвало, то после включения США в переговорный процесс оно стало обрести

Лю Бо, профессор, заместитель директора коммерческого колледжа Цзилиньского университета, доктор экономических наук. E-mail: nadtochenko@ifes.ras.ru.

* Исследование подготовлено по линии Государственного фонда общественных наук (11BJY141) и Молодежного фонда гуманитарно-общественных наук Министерства образования (11YJC790263).

статус «малого ВТО» в рамках АТР. Главной задачей Соглашения будет ликвидация или снижение торговых барьеров. В отличие от традиционных соглашений по многосторонней торговле, такое партнерство затрагивает также много иных сфер: госпредприятия, таможенную, электронную коммерцию, защиту окружающей среды, финансовое обслуживание, правительственные закупки, интеллектуальную собственность, инвестиции, трудовые ресурсы, правовую систему, санитарный контроль, барьеры в торговле технологиями, связь¹.

В случае вступления в силу в намечаемые сроки ТТП охватит территорию с населением более 600 млн человек и станет фундаментом в системе соглашений внутри огромного региона. ТТП отличается от существующих ныне в Азиатско-Тихоокеанском регионе соглашений: во-первых, потому, что руководящую роль в нем будут играть США; во-вторых, оно станет векшей в реализации конечных целей Соглашения об Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС).

Основные мотивы присоединения Соединенных Штатов к ТТП

Основной причиной возросшего в мире интереса к ТТП и влияния этого Соглашения на новый порядок в АТР становится, как уже отмечалось, участие США. В 2009 г. ТТП там охарактеризовали как «Эталон соглашения о свободной торговле в 21-м веке»². Ведь невысокий уровень консолидации стран-учредителей благоприятствовал экспансионизму США, чье участие в ТТП имело бы двойное — как экономическое, так и политическое значение.

Хотя в рамках АТР налицо замедление экономического роста, однако АТР по-прежнему является наиболее динамично развивающимся регионом мира, остается главным двигателем мировой экономики. На АТР приходится 60% мирового ВВП и 50% мировой торговли³. Участие в ТТП позволило бы американской экономике приобщиться к получению маржи, ожидаемой в регионе. В политике оно могло бы послужить для США трамплином для повторного проникновения в регион. Япония, поддерживаемая США и обладающая опытом оффшорных операций, рассматривает ТТП как дело, важное для судеб будущих поколений.

Еще существенней то, что после присоединения Японии к ТТП две мощные экономики объединились бы и обрели преимущества принципиального характера. Прорыв в экономике и политическое покровительство сулят Японии двойную выгоду⁴. США надеются на расширение соглашения, хотят обрести статус учредителя, чтобы влиять на прием новых членов. Возлагают определенные надежды и на Китай, чье возвышение тормозит их возврат к доминированию в Азии. Чтобы ослабить политическое, экономическое и дипломатическое влияние Китая, США намерены использовать ТТП в качестве одного из своих рычагов.

ТТП глазами китайских экспертов

В Китае после появления ТТП разгорелись споры и дискуссии. Так, китайский эксперт Шэн Бинь высказал мнение, что ТТП — это всего лишь одна из зон свободной торговли субрегионального сотрудничества в АТР и что ее влияние на развитие мировой экономики и экономики АТР будет ограниченным, а влияние в других сферах не заслуживает особого внимания. Он признает, однако, что изначальный интерес Соединенных Штатов и их последующее подключение к активным переговорам существенно изменили судьбу ТТП⁵.

Пэн Чжунвэй и Чжан Бовэй, используя модель CGE, осуществили оценку влияния ТТР на членов ФТААР (Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли) и АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества) — в частности, на Китай, США, Японию и Южную Корею. Результаты показали, что неприсоединение Китая и Южной Кореи к

ТТП чревато ущербом для экономики этих стран, а присоединение к ФТААР сулит существенную выгоду; уже присоединившиеся к соглашению страны получают дивиденды, однако польза от ФТААР значительно больше⁶.

Шэн Минхуэй считает, что ТТП не только может улучшить экономическую ситуацию в АТР, но и решит проблему «эффекта спагетти» (выражающегося в дискриминации стран, вынужденных подчиняться правилам некой одной страны)⁷. Перспективы развития во многом зависят от позиции Японии и других стран Азии. Что же касается заявления США относительно Соглашения о зоне свободной торговли в АТР, это всего лишь сигнал, не имеющий практического значения⁸. ТТП как новая торговая организация наверняка принесет либерализацию в конкурентную борьбу среди членов АТЭС. При этом еще больше стран предпримет усилия для присоединения к ТТП, чтобы избежать потерь, оставшись за бортом⁹. Если члены АСЕАН начнут последовательно присоединяться к ТТП, это может оказать мощное центробежное влияние на процессы интеграции экономики этих стран.

Мнение Гуань Цюаня: создание интегрированной организации в Восточной Азии, возможно, проблема лишь в позициях этих стран и их взаимоотношениях¹⁰.

Еще больше исследований посвящено анализу присоединения к ТТП Соединенных Штатов и Японии.

Ду Лань считает, что основной причиной активизации переговоров правительства Обамы с учредителями ТТП является резкое изменение экономической политики, стремление получить максимальную выгоду от внешнеэкономической деятельности¹¹.

По мнению Цзян Яочуня, основным стратегическим замыслом присоединения Соединенных Штатов к ТТП является обновление контроля над процессами, идущими в АТР¹².

Точка зрения Лю Чанли: трудности присоединения Японии к ТТП заключаются в несогласии на это со стороны оппозиционных партий, разногласиях правительства с Демократической партией, а также и в связи с проведением реформ в сельском хозяйстве¹³.

По оценке Вэй Цзунью, правительство Обамы поставило в своей азиатской стратегии три основные цели: во-первых, уравновесить набирающее силу экономическое влияние Китая в восточной Азии; во вторых — смоделировать экономическую интеграцию так, чтобы она могла обеспечивать ведущую роль США в интеграционных процессах в Восточной Азии; в-третьих — расширить военное присутствие США в Восточной Азии, усилить возможности отпора «другим игрокам» в регионе¹⁴.

Ван Сяою означил три стратегических пласта «хитрой силы» США: первый — обеспечение своей государственной безопасности; средний — защита государственных интересов; последний — добиваться продвижения американских ценностей¹⁵.

Вань Лу моделирует три ситуации присоединения США к ТТП: если присоединятся к ТТП в его нынешнем составе, то положительный макроэкономический эффект будет ограниченным. Если вынудят Японию присоединиться к ТТП, но между ними не будут устранены таможенные барьеры, то последствия для американской макроэкономики могут оказаться негативными. Можно предположить, что США не только добьются присоединения Японии, но и вынудят ее открыть соответствующие отрасли¹⁶.

Ван Ляньхэ считает, что в любом случае ТТП займет первостепенное положение в Восточной Азии, породит множество форм и механизмов сотрудничества при всестороннем влиянии на Китай¹⁷. Вступление США необходимо учитывать при оценке своих государственных интересов¹⁸. Урегулирование нового порядка в Азии необходимо.

Проблемы и надежды, порождаемые ТТП

ТТП привлекает внимание глубоким содержанием и широким участием, однако на пути его развития есть много неопределенного.

Прежде всего, налицо ограниченность расширения. Поскольку эта организация называется Соглашением Транстихоокеанского партнерства, к ней не смогут присоединяться страны, не относящиеся к региону Тихого океана (как например, набирающая экономическую мощь Индия). Следует подчеркнуть, что участие стран-членов АТЭС было бы благоприятно для экономического развития ТТП. Стимулирование их к присоединению одновременно является заслоном для стран, не участвующих в АТЭС. Если ТТП станет соглашением о свободной торговле в пределах АТЭС, понадобится уделять больше внимания экономическим интересам, чем геополитике. Критерии присоединения к ТТП пока еще неопределенны. Если США при вступлении будут претендовать на ведущее положение, то чаянья и участие других стран будут сдерживаться. США в процессе переговоров исходят из собственных интересов и не считаются с общими интересами, что будет препятствовать выполнению Соглашением по ТТП его роли. Учредителями ТТП являются относительно малые страны с незначительным объемом экономики. И хотя в переговорах о присоединении участвуют США и Япония, доля стран с развитой экономикой невелика — поэтому представительность ТТП будет недостаточной.

Страны-участницы ТТП имеют широкий выбор соглашений о торговле. Множественность торговых соглашений — характерный признак ситуации в современной Азии. За прошедшие десять с лишним лет страны Азии подписали довольно много региональных соглашений. На торговлю между Сингапуром и Брунеем влияют, к примеру, как ТТП, так и региональные нормы свободной торговли АСЕАН. Это означает, что ТТП является платформой для региональных соглашений и допускает сосуществование много- и двусторонних соглашений. Действующие двусторонние соглашения о свободной торговле влияют на корректировку и изменения в ТТП. Будучи благоприятны для стран, уже подписавших Соглашение, они могут создавать трудности для стран, подающих заявления. Поскольку в Вашингтоне считают, что ТТП должно иметь уровень и качества соглашения о свободной торговле между США и Южной Кореей, а четверка стран-основателей с начала до конца придерживаются первоначального варианта Соглашения, это затрудняет процесс. Присоединение США ослабит первоначальные позиции АСЕАН, поэтому отношение разных стран к целям и роли соглашения о всестороннем партнерстве в Восточной Азии не одинаково.

Для успешного завершения переговоров по ТТП требуется время. Хотя для создания нового порядка в Азии ТТП определило окончательные сроки, к настоящему времени заложены только основы, многие чувствительные проблемы еще не решены. Даже в США не утихают споры относительно Соглашения ТТП.

Лю Чжунвэй и Шэнь Цзявэнь считают, что серьезным препятствием на переговорах являются завышенные критерии и существенная разница между идеалом и реальностью. У ТТП недостаточно сил, чтобы улучшить экономическое положение в США и Японии¹⁹. Один из замыслов ТТП: полностью устранить таможенные пошлины для стран-участниц, все их предприятия должны перейти к свободной конкуренции. Однако на переговорах не утихают споры относительно ликвидации пошлин на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Ликвидация пошлин хотя и способствует расширению масштабов торговли, однако в определенной степени снижает контроль над экономикой страны и возможности протекционизма, т.е. оказывает сдерживающее влияние на развитие слабых производств. Различные сдерживающие факторы делают процесс переговоров долгим и трудным.

Перспективы будущего развития ТТП

Мир вступает в эпоху политической многополярности и экономической глобализации, взаимозависимость между странами все больше проявляется не только в экономике, но и в других сферах. Все это объективно требует снижать напряженность в отноше-

ниях между странами, поддерживать стабильность. Стабильные и здоровые многосторонние отношения соответствуют интересам всех стран.

По мнению китайских экспертов Сяо Бина и Чэнь Яо, должно быть создано трансрегиональное открытое соглашение с достаточно высокими стандартами и широким охватом, а также многосторонняя торговая структура, однако высота стандартов ТТП осуществлению этого не способствуют²⁰. Сравнительно низкие таможенные пошлины в ЮВА плюс нехватка устремленности стран региона к подписанию Соглашения есть главные факторы, препятствующие процессу²¹.

Возможны два пути. Первый — способствовать экономическому слиянию стран АТР; второй — создание двух больших торговых объединений с центрами в США и Китае, поскольку США встали на позицию вытеснения Китая. В процессе продвижения ТТП страны могут улучшить двусторонние или многосторонние отношения, активизируя взаимные связи, эффективно сокращая разрыв в позициях. Однако без Китая влияние ТТП было бы ограниченным. В США высказывают мнение, что если ТТП устремится к полной свободе, это в конечном итоге повлечет «эффект домино», подписанное соглашение должно включать всех членов АТЭС²².

Все эти версии слишком оптимистично трактуют расширение ТТП, в них отсутствует упоминание о Китае, что является серьезнейшей политической проблемой.

По мнению Сун Инхуэя, продвижение переговоров по ТТП зависит не только от США, оно должно соответствовать требованиям общего развития обстановки в регионе. Анализируя перспективы, эксперт констатирует: переговоры девяти стран, претендующих на место в ТТП, зашли в тупик, и если они не смогут договориться по ключевым проблемам, расширение состава будет невозможно. Из проекта главы «регулирование системы», появившегося на переговорах 2011 г., в ТТП делается попытка нивелировать различия юридических систем стран-участниц, придать соглашению роль «регулятора». Это означает, что если законодательство или система управления какой-либо страны будут недостаточными, можно будет использовать соответствующую статью ТТП для упорядочения ее экономики. ТТП еще обладает определенным пространством для расширения, однако встречает все нарастающее сопротивление²³. Если ТТП будет создано на базе общих интересов и понятий всех сторон, вместо того, чтобы односторонне служить интересам США, то Транстихоокеанская интеграция сможет получить дальнейшее развитие.

Согласование нового порядка в АТР под нажимом ТТП

Стабильность и мир в АТР являются внешней гарантией развития стран региона. В XXI в. усиление национальной мощи и экономический рост оказывают комплексное влияние на обстановку в АТР, «многосторонние игры» способствуют образованию различных организаций, и ТТП представляет собой всего лишь один из ударных факторов переходного периода в стратегических взаимоотношениях стран региона.

В международных отношениях высшим критерием являются национальные интересы. Той или иной стране необходимо, опираясь на собственные силы, встраиваться в международную экономическую структуру и бороться за ресурсы. Между странами невозможно проводить специализацию и общественное разделение труда, все они взаимно конкурируют на основе собственной независимости. Результаты конкуренции зависят от права голоса страны в международном сообществе и ее международного авторитета. Американский ученый Кеннет Вальц считает, что благодаря наличию государственной власти различные экономические субъекты обеспечивают свои интересы путем сотрудничества и разделения труда, в результате структуры одинакового ранга добиваются эффективного сотрудничества²⁴. В этих пределах международные соглашения становятся основным каналом для достижения отдельными странами своих интересов, обеспечения экономической мощи и территориальной безопасности. В целях обеспечения своих эко-

номических интересов и безопасности страны могут вступать в международные соглашения. По мере ускорения процессов интеграции в АТР усиливается потребность в совместном использовании ресурсов. Появление ТТП предполагает нормы поведения стран во внешнегосударственных сферах.

На переговорах по ТТП еще не достигнуто окончательное согласие. Если будет создана структура, способствующая равновесию, это будет достигнуто благодаря правилам и системе, обеспечивающим стабильность. ТПП и ее члены взаимосвязаны, для функционирования соглашения необходимо постоянное участие всех сторон, что повлечет создание новых норм отношений в регионе. Достигнет ли ТПП намеченных целей, зависит не только от совершенства правил, но и от уровня их исполнения. Участие сторон будет определяться предполагаемой выгодой, выгода от участия в соглашении должна превышать затраты. Только в этом случае можно будет подписать соглашение и соблюдать его. После подписания соглашения оно сразу начнет влиять на экономику и политику участников. Рамки соглашения влияют не только на выбор стратегии, но и на формирование и совершенствование политических и экономических систем. Образование ТПП с самого начала должно обладать устойчивостью, будучи механизмом самоукрепления. Все участники должны получить общую пользу от сотрудничества, взаимную гармонию и взаимодополняемость.

Региональное равновесие в АТР

Тихоокеанский регион охватывает множество стран Азии, Океании, Южной и Северной Америки, в том числе три ведущих экономических державы (США, Китай и Японию), которые различаются политическими системами и степенью экономической развитости. Множество малых стран ищут собственные пути развития среди великих держав и рассматривают присоединение к соглашению как неизбежность. Без участия великих держав у объединения не было бы авторитета в международном сообществе, оно превратилось бы в расширенную сеть торгового обмена. ТТП привлекает внимание, прежде всего участием Соединенных Штатов, однако в ходе переговоров малые страны не хотят стать объектом их торговой экспансии и их политическим приверженцем, поэтому среди участников переговоров налицо стремление к взаимному сдерживанию и равновесию.

Порядок международных обменов является важной гарантией стабильности и развития АТР. Там ныне функционируют АСЕАН и соглашение о свободной торговле между Китаем и АСЕАН «10+3», соглашение о свободной торговле между АСЕАН, Австралией и Новой Зеландией, Союз южноамериканских наций, Североамериканская зона свободной торговли (NAFTA). Особо следует выделить механизм политического и экономического сотрудничества, охватывающий более 20 стран региона, — АТЭС. Все эти международные соглашения связывают участников и упорядочивают их действия. При этом они в рамках взаимно уважаемых соглашений содействуют общим интересам. Основные страны региона имеют собственную стратегию формирования обстановки в регионе. Ныне действующие соглашения не могут стимулировать ведущие страны присоединиться к новому соглашению. Основные страны желают снискать поддержку своим предложениям и занять ведущее положение в процессе выработки региональных соглашений. ТТП привлекает США именно тем, что основатели его — сравнительно слабые страны и США могут занять руководящее положение. В АТР имеет место наложение различных соглашений друг на друга. Страны, связанные этими соглашениями, находятся в сложных отношениях взаимозависимости, конкуренции и сдерживания, ситуация неуклонно усложняется. Сможет ли ТТП превзойти все прочие региональные соглашения, зависит от множества факторов. Число участников ТТП пока еще меньше, чем в других соглашениях, оно не включает такую важную страну региона, как Китай, эффект от участия которого трудно предсказать.

Ограничивающее воздействие китайских экономических интересов на новый порядок в АТР

Основной предпосылкой влияния ТТП на обстановку в АТР является различие интересов стран-участниц. Каждая из них при подписании тех или иных соглашений исходит из собственных экономических интересов и развития торговли, степень участия в международных соглашениях зависит от отдачи. Присоединение какой-либо страны к ТТП не в состоянии повлиять на экономическое сотрудничество и обмена других участников соглашения или стран региона. Объем экспорта стран, тяготеющих к ТТП, в Китай и США в 2012 г. показывает, что за исключением Мексики и Канады, являющихся участниками NAFTA, экспорт в Китай существенно превышает их экспорт в США. Это вынуждает США проводить в отношении Китая политику сдерживания. Страны АТР по-прежнему пребывают в состоянии сотрудничества и конкуренции.

Таблица 1

Экспорт в КНР и США стран-участниц ТТП (и кандидатов) в 2012 г.
(млрд долларов)

Страна	Китай	США
Сингапур	44,0	22,6
Новая Зеландия	6,1	3,9
Австралия	78,3	9,8
Чили	17,8	9,0
Перу	7,7	6,1
Малайзия	28,8	19,8
Вьетнам	16,23	17,88
Япония	144,3	142,0
Мексика	5,7	288,2
Канада	19,3	339,3
США	110,6	
Китай		352,6

Согласно данным *International Trade Center*

Хотя Китай не участвует в переговорах по ТТП, однако международная структура сотрудничества, созданная Китаем, является важной составной частью в регионе. Как вторая экономическая держава в мире, Китай оказывает влияние на формирование нового порядка в АТР и постепенно сокращает ведущую роль США, создаются механизмы взаимного сдерживания и уравнивания. Страны АСЕАН создали отношения всестороннего экономического партнерства RCEP (Regional Comprehensive Economic Partnership), пригласив к участию Китай, Японию, Южную Корею, Австралию, Новую Зеландию, Индию в основном для устранения таможенных и вьетамонных барьеров, надеясь подписать соглашение о свободной торговле, объединяющее 16 стран. Население этих стран составило 3,5 млрд человек, или половину всего населения Земли, суммарный ВВП составляет 2,3 трлн долл., или треть мирового объема производства. По численности населения и объему производства они значительно превосходят ТТП. RCEP становится крупнейшей торговой зоной мира. Хотя между RCEP и ТТП налицо определенное дублирование, большинство стран ТТП являются участниками RCEP, основной заслугой которого является признание различий уровня развития стран. В ТТП в основном участвуют страны ЮВА. Хотя Китай не участвует в ТТП, наличие RCEP повышает его влияние в регионе. Кроме того, железная дорога из Китая в Сингапур через Лаос, Таиланд, Малайзию значительно улучшает транспортные условия в ЮВА, сокращает время и расходы, способствует развитию экономических связей между Китаем и ЮВА.

Китайская тактика по регулированию нового порядка в АТР

С началом политики реформ и открытости объем экспортной торговли Китая неуклонно нарастал. В 2012 г. сумма внешнеторгового оборота достигла 390 млрд долл. Внешнеэкономические связи не только благоприятствуют экономическому росту и накоплению валюты, но и повышают международное влияние. Заметным сдвигом на мировой арене в XXI в. стало изменение китайско-американских отношений ввиду быстрого возвышения Китая. Растущая экономическая мощь Китая представляет собой вызов гегемонизму США и сложившейся конфигурации сил на мировой арене. Хотя в китайско-американских отношениях не прекращаются противоречия и разногласия, в последние годы сотрудничество преобладает над противостоянием. Мощной экономической державе не обязательно становиться гегемоном в международной политике, а при благоприятных условиях и сбалансированных отношениях она может участвовать в распределении ресурсов, поддерживая тем самым свое лидерство. Следовательно, в условиях возвышения ТТП Китаю необходимо активизировать международное сотрудничество, повышать уровень институализации своей азиатской стратегии, добиваться динамичного эффекта в АТР.

Первое: преодолевать региональную ограниченность, усиливая взаимосвязи за пределами АТР. Многостороннее сотрудничество благоприятствует международным обменам Китая, способствует повышению его влияния в мировом сообществе. При усилении сдерживающего влияния США внутри АТР надо расширять механизмы двустороннего и многостороннего сотрудничества вне этого региона, особенно там, где американское влияние незначительно или отсутствует. Это будет благоприятно для противостояния Соединенным Штатам в АТР. Прежде всего, имеется в виду БРИКС. Механизм сотрудничества в нем представляет собой экспериментальное взаимодействие возрождающихся государств. На его 5-м саммите (март 2013 г.) были окончательно определены рамки банка развития БРИКС, а также были предложены новые направления и пути развития в условиях глобализации. Население стран БРИКС составляет почти 45% населения Земли, их потребительский рынок обладает колоссальными потенциальными возможностями, путем стимулирования потребления в них можно будет снижать негативное влияние международного рынка. Страны БРИКС отличает быстрое и устойчивое экономическое развитие, они уже изменили прежнюю экономическую и политическую конфигурацию мира, не только установив новую модель взаимодействия, но обновив модель конфигурации на мировой арене.

Хотя в январе-сентябре 2013 г. объем торговли с отдельными странами БРИКС был невелик, однако суммарно он превысил 230 млрд долл. Путем углубления сотрудничества Китай может расширить торговое пространство, повышая свое влияние в мире и становясь реальной опорой для ТТП. Кроме того, председатель Си Цзиньпин выдвинул, выступая в Университете Назарбаева, идею «Экономической зоны нового шелкового пути», что представляет собой конкретное предложение межконтинентального сотрудничества и интеграции. Новый шелковый путь — это не только удобный и быстрый транспорт, но и создание международного торгового пространства, включающего более 30 стран и позволяющего расширить и углубить связи Китая со странами Азии и Европы. Китай также предложил стратегию «экономического коридора Китай — Мьянма — Бангладеш — Индия». Экономически Китай и Южная Азия в значительной степени дополняют друг друга, углубление сотрудничества позволит открыть огромные потенциальные возможности. Китай и Индия — это страны с крупнейшим в мире населением, потенциальные возможности их рынка неограниченные. Сотрудничество этих двух стран в рамках БРИКС не только укрепит их экономическую базу, но и повлияет на политическую сферу. Стратегические разработки по различным направлениям не только расширяют пространство для экономического развития Китая, но и усиливают его лидерскую роль в мировом сообществе.

Второе: продвигать реализацию соглашения о свободной торговле между Китаем, Японией и Южной Кореей. Ведущиеся в настоящее время переговоры по этому соглашению есть, по сути, серьезное противостояние в отношении ТТП. В случае достижения соглашения о Транстихоокеанском партнерстве эта зона свободной торговли станет третьей в мире после Североамериканской зоны и ЕС. Китай уже подписал соглашение о свободной торговле с Южной Кореей, а Япония и Южная Корея осуществляют регулярные контакты. Подписание «тройственного» соглашения может стать мощной движущей силой для экономических и торговых связей этих трех стран. В 2012 г. в мировом ВВП доля США составила 21,9%, доля Китая 11,5%, доля Японии 8,3%, доля Южной Кореи 1,6%. В случае подписания «тройственного» соглашения их суммарный ВВП превысит 15 трлн долл., т.е. почти достигнет уровня ВВП США. После достижения этого соглашения доля Североамериканской зоны (NAFTA) составит 25,8% от общемирового, доля ЕС — 25,2%, доля Китая, Японии и Южной Кореи — 20,5%. Это позволит в определенной степени устранить влияние ТТП на Китай.

Республика Корея занимает важное место во внешнеполитической стратегии Китая. В апреле 2007 г. она достигла соглашения о свободной торговле с США, существуют аналогичные соглашения с Канадой и Мексикой; в сентябре 2006 г. вступило в силу соглашение о свободной торговле Кореи с ЕС, в марте 2006 г. — с Сингапуром, в 2004 г. — с Чили, в мае 2007 г. — со странами АСЕАН. Наконец, в 2013 г. Корея присоединилась к переговорам по ТТП. Китай, используя в качестве мостика эту соседнюю страну, сможет устанавливать торговые связи в АТР, создавая лучеобразные структуры.

Третье: шансы и общая выгода от присоединения к ТТП. С учетом уже подписанных международных соглашений и уже достигнутого Китаем положения он может в удобное время присоединиться к переговорам по ТТП, однако по ходу их следует исходить из двусторонних интересов. Если США попытаются сдерживать процесс проводимых в Китае реформ, используя такие чувствительные вопросы, как либерализация финансов, права производственной собственности, проблематику госпредприятий, то форсировать присоединение к ТТП не следует, углубляя уже сформировавшиеся международное экономическое сотрудничество и торговлю по всем направлениям, не замыкаясь на соглашениях с отдельными странами.

Хотя подключение США и Японии к переговорам по ТТП привлекло внимание к этому проекту в мире, однако до тех пор, пока переговоры по этому соглашению не завершились, его практическая роль и эффективность подлежат проверке. Интересы сторон, участвующих в переговорах, дублируются и переплетаются, зона их противоречий расширяется, проблематичность взаимного доверия усложняется, что ведет к затягиванию переговоров.

Четвертое: культивировать экспортные предприятия с китайской спецификой, снижая степень заменяемости экспортных товаров. Когда определяются принципы ТТП, при торговле со странами-участницами этого Соглашения Китай столкнется, к примеру, с жесткими требованиями по защите окружающей среды, что повлечет снижение количества экспортируемых товаров, а предприятиям-экспортерам придется увеличивать инвестиции в техническое оснащение, повышая тем самым себестоимость товаров. Поскольку среди стран-членов ТТП имеются важные торговые партнеры КНР, это может отразиться на части китайских экспортных предприятий. Снижение таможенных тарифов в рамках ТТП стимулирует экономический обмен между странами-участницами Соглашения и, соответственно, к замене части товаров, которые прежде импортировались из Китая, т.е. к сокращению китайского экспорта. Поэтому экспортные предприятия Китая должны будут поставлять на международный рынок специфические товары, до минимума снижая возможность их замены товарами других стран. Значит, нужно осуществить инновации в области традиционной трудоемкой продукции, укрепить нынешний рынок и освоить новые рынки, увеличить производство продукции с высокой технической со-

ставляющей. Подписание соглашения может предоставить эффективную платформу экспортным предприятиям. Выгоду от подписания Китаем Соглашения смогут обрести лишь экономически сильные предприятия, которые в состоянии быстро упорядочить пути развития.

Пятое: действовать в соответствии с переменами в мире, повышая свою совокупную конкурентоспособность в мире. Международная обстановка зависит от равновесия суверенитетов и взаимного сдерживания. Однако баланс может меняться в зависимости от изменения силы государств, и равновесие может восстанавливаться путем регулирования. В духе теоретических изысканий касательно глобального баланса сил возвышающаяся сила могла бы, к примеру, бросить вызов действующим торговым отношениям в том или ином регионе, даже спровоцировать перераспределение сил. Китай, будучи по численности населения и по масштабам экономики крупнейшей развивающейся страной, призван быть в центре геополитики и геоэкономики. Внешнеполитическая стратегия и развитие Китая призваны стать основой и предпосылкой формирования новых возрождающихся сил в мировом сообществе. Согласно теории перераспределения сил, если возрождающаяся страна достигает 80% мощи страны-гегемона, то наступает равновесие сил, достаточное, чтобы бросить вызов сильной державе.

Основные показатели влияния той или иной страны — это ее населенность, экономическая развитость и политические возможности. Согласно выкладкам американского эксперта по истории экономики А. Мэдисона, к 2030 г. доля экономики США в мире снизится до 17,7%, доля Китая повысится до 18,4%, доля Западной Европы составит 13%, Индии — 10%, Японии — 4%²⁵. А ВВП Китая еще в 2012 г. превысил половину от американского. Основной фактор возвышения Китая в мире — опора на собственные силы.

На 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва вновь рассматривался вопрос об углублении реформ и открытости; в качестве главных задач было указано на решающую роль рынка в распределении ресурсов и на совершенствование роли государства. Экономика — база развития, правительство — благоприятная гарантия для развития. Китай находится в ключевой стадии развития. Расширяя и углубляя международное сотрудничество, повышая способность к инновациям, к развитию своей экономики, укрепляя способности правительства осуществлять макрорегулирование, он продолжает свой долговременный, устойчивый рост.

1. CRS/Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress // Congressional Research Service. 2012. 5 Sep. №43.
2. Remarks by President Barack Obama at Suntory Hall [EB/OL]. Suntory Hall, Tokyo, Japan, November 14, 2009, URL: <http://www.whitehouse.gov>.
3. *Fergusson I., Vaughn B.* The Trans-Pacific Partnership Agreement. Congressional Research Service.
4. *Ли Ханьни, Чэнь Юйцай.* Жибэнь цидун ТРП таньпаньдэ инсян фэньси цзи вогодэ индуй цоши [Анализ влияния переговоров по ТТП, инициированных Японией и меры Китая]. Нунцунь цзиньжун яньцзю, 2013. №8 С. 30–33.
5. *Шэи Бинь.* Мэйго шицзяосядэ ятай цюйюй итихуа синь чжаньлюэ юй чжунгодэ дуйцэ сюаньцзэ — тоуши «Пань тайпиньян чжаньлюэ цзинци хобань гуаньси сен»дэ фачжань [Новый подход США к интеграции АТР и выбор мер Китая] // Нанькай дасюэ [философия и общественные науки]. 2010. №4. С. 70–80.
6. *Пэн Чэживэй, Чжан Бовэй.* ТРП хэ ятай цзюю маонцюйдэ цзинци сяонн цзи чжунгодэ дуйцэ [Экономический эффект ТТП, зоны свободной торговли в АТР и меры Китая] // Гоцзи маоньэньти. 2013. №4. С. 83–95.

7. *Шэнь Минхуэй*. Дунъя хэцзо: Баочжан цзинци чжуаньсиндэ вайбу чжиду цзягоу [Сотрудничество в Восточной Азии: Внешняя структура, обеспечивающая переходный период в экономике] // Гоцзи цзинци хэцзо. 2013. №5. С. 4–8.
8. *Ли Сяньян*. Куатайпиньян хобань гуаньси седин: Чжунго цзюэци гочэнчжун Дэ чжунда тяочжань [Серьезный вызов процессу возрождения Китая] // Гоцзи цзинци пинлунь. 2012. №2. С. 17–27.
9. *Лю Чэньян*. «Куатайпиньян чжаньлюэ хобань гуаньси седин» фачжан цзи инсяндэ чжэнчжи цзинци фэньси [Политико экономический анализ развития и влияния «Соглашения и Транс-Тихоокеанском партнерстве»] // Ятай цзинци. 2010. №3. С. 10–14.
10. *Гуань Цюань*. Дунъя цзинци итихуа хэ ТРР — чжунжи чжицзяньдэ бон [Интеграция экономики в Восточной Азии и ТТП, игровое поле Китая и Японии] // Дунбэйя луньтань. 2012. №2. С. 3–10.
11. *Ду Лань*. Мэйго литуй куатайпиньян хобань гуаньси чжаньлюэ фэньси [Стратегический анализ форсирования США Соглашения о Транс-Тихоокеанском партнерстве] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2011. №1. С. 45–51.
12. *Цзян Яочунь*. Ятай цюйкой хэцзодэ синь бяньхуа юй чжунжихань хэцзо [Новые перемены в сотрудничестве в АТР и сотрудничество Китая, Японии и Ю. Кореи] // Дунбэйя луньтань. 2013(2): 59–64.
13. *Лю Чанли*. ТРРдэ нэйжун, тэдянь юй жибэнь цвньцзядэ наньти // Дунбэйя луньтань. 2011. №3. С. 12–19.
14. *Вэй Цзунью*. Мэйго чжаньлюэ чжунсинь дуньи цзици дуй дунъя чжисюйдэ инсян // Гоцзи гуаньча. 2012 (6): 60–67.
15. *Ван Ся*. Мэйго ТРР чжаньлюэдэ чжуйо тедянь — цзинюй мэйго «цзяо шили» чжаньлюэдэ цзеси [Основные особенности американской стратегии в ТТП базируются на стратегии «умной силы»] Шицзе цзинци юй чжэнчжи луньтань. 2010. №6. С. 13–24.
16. *Вань Лу*. Мэйго ТРР чжаньлюэдэ цзинци сяон яньцзю — цзинюй GTAP монидэ фэньси [J] [Исследование экономического эффекта американской стратегии ТТП на базе модели GTAP] // Дандай ячтай. 2011. № 4. С. 60–73.
17. *Ван Ляньхэ*. ТРР дуй чжунго инсян цзи чжунгодэ дуйин [Влияние ТТП на Китай и реакция Китая] // Гоцзи гуаньча. 2013. №4. С. 66–72.
18. *Тянь Хай*. Выбор Китая на фоне ТТП, анализ на базе модели GTAP // Ятай цзинци. 2012. (4):16–21.
19. Лю Чжунвэй, Шэнь Цзявэнь, Куа тайпиньян хобань гуаньси сепи (ТРР), яньцзю цянъянь юй цзягоу // Дандай ятай. 2012. (1): 36–59.
20. *Сяо Бин, Чэнь Яо*. «Куатайпиньян хобань сепи (ТТР)» тяочжань WTO сяньсян тоуши [J] [Вызов WTO со стороны Соглашения о Транс-Тихоокеанском партнерстве] // Наньцзин дасюэ сзюбао. 2012. №5. С. 29–37.
21. *Дэн Хаймин*. Цун чжэнчжи шицзюо цянсьи мэйгодэ ТРР бацюань чжаньлюэ // Тайпиньян сзюбао. 2013. №5. С. 40–49.
22. *Baldwin. R.E.A.* 3 Bloc Dance: East Asian Regionalism and the North Atlantic Trade Giants // Singapore Economic Review. 2011. 55(1): 1–21.
23. *Сунн Инхуэй*. Шиси ТРР таньпань цзиньчжан цзи цюйши [Первичный анализ процесса и тенденций переговоров по ТТП] // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2013. (3): 42–48.
24. *Waltz K.N.* Atlantic Orders and Balances of Power, in Robert O. Keohane ed, Neorealism and its Critics [M]. New York: Columbia University Press, 1986. С. 98–130.
25. *Maddison A.* Contours of the World Economy, 1–2030AD: Essays in Macro-Economic History [M]. New-York; Oxford University Press, 2007.

Российский Дальний Восток

Предварительный опыт выявления имиджа региона на примере Дальнего Востока России

© 2014

В. Шведов, А. Голубь

Статья рассматривает состояние внутреннего имиджа российского Дальнего Востока и первичную методiku его выявления. Изложены и обоснованы материалы проведенного с этой целью анкетирования. Дан анализ результатов отдельных содержательных блоков анкеты. Подведен итог специфики видения респондентами территории своего проживания.

Ключевые слова: внутренний имидж, регион, Дальний Восток, анкета, смысловые блоки, результат, респонденты.

Одной из особенностей современного общества, живущего в состоянии информационного «взрыва» является тот факт, что представление большинства людей о мире в целом и отдельных его регионах, о происходящих в них процессах и событиях в значительной мере формируются средствами массовой коммуникации. Их роль стремительно возрастает при необходимости создания позитивного имиджа территории, под которым понимается совокупность эмоциональных и рациональных представлений о данном объекте, являющихся результатом целенаправленных действий заинтересованных сторон и вытекающих из сопоставления собственного опыта и имеющейся информации¹.

Следует признать, что в настоящее время имидж территории фактически приобрел значение своеобразного, но достаточно значимого ресурса. Данное обстоятельство определяет актуальность овладения инструментарием формирования имиджа определенной территории (региона) и при необходимости его позитивной коррекции.

В принципе, означенная задача решалась и ранее. Но используемые для этого средства носили, скорее, спонтанный характер. В нашей стране они сводились в основном к пропагандистским клише: достаточно вспомнить проводившиеся в XX в. кампании по формированию положительного образа Арктики, целины, зоны БАМа, либо же тот или иной образ стихийно складывался на уровне общественного сознания, примером чего служат массовое позитивное отношение к Краснодарью и негатив, связанный с Кольским краем. Таких примеров, касающихся различных территорий, в том числе зару-

Голубь Андрей Борисович, кандидат педагогических наук, доцент Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхсма. E-mail: andreygolub1981@mail.ru

Шведов Вячеслав Геннадьевич, доктор географических наук, доцент Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхсма. E-mail: i-sve@yandex.ru

бежных, можно привести множество. Но, несмотря на все разнообразие, их в большинстве объединяет конъюнктурность и бессистемность.

Очевидно, что в настоящее время данное положение дел представляет собой явный анахронизм. На смену ему должен прийти системный подход к формированию имиджа региона, основанный на реально выявленных характеристиках его состояния и, при необходимости, усилении позитивных свойств. Эта задача актуальна для крупных, обладающих внутренними территориальными контрастами стран, к числу которых принадлежит и Россия².

По этому поводу заметим, что одним из самых «неблагоприятных» в имиджевом отношении российских регионов является Дальний Восток. Располагая богатым и разнообразным ресурсным потенциалом, уникальной природной средой³, он остается самой слабо заселенной и слабо освоенной территорией нашей страны⁴.

Очевидно, что данная ситуация требует исправления⁵, в том числе — и путем формирования положительного имиджа рассматриваемого региона⁶. Но при этом возникают закономерные вопросы — как, собственно, должен выглядеть такой системный подход? Каким должно быть его поэтапное построение? В чем будут выражаться результаты отдельных этапов и их общий итог?

Учитывая слабую разработку указанной проблематики как в целом⁷, так и применительно к Дальнему Востоку — в частности⁸, авторы полагают, что стартовой позицией здесь должно стать определение состояния внутреннего имиджа изучаемого региона. Иными словами — для начала следует составить представление о том, каким видят Дальний Восток проживающие в его пределах люди. Это мнение основано на соображениях о том, что жители региона:

- имеют наиболее реальное представление о присущих ему положительных и отрицательных сторонах в их самых разнообразных проявлениях;
- являются, в этой связи, основными носителями имиджевой информации о территории своего проживания для представителей иных регионов;
- одновременно представляют собой «источник» ее множественной интерпретации, в которой, при наличии самых разнообразных «оттенков», с достаточной четкостью прослеживается некоторая общая тенденция.

Работа по определению внутреннего имиджа Дальнего Востока в настоящее время находится на начальной стадии. Но она уже дала определенные результаты, которые могут являться предметом анализа и обсуждения. Они были получены благодаря анкетированию, осуществленному авторами осенью 2013 г. среди студентов ВУЗов Дальнего Востока. Материалы для его проведения ранее были предоставлены руководителем Центра геополитических исследований Института географии РАН, доктором географических наук, профессором В.А. Колосовым.

Первоначальное сосредоточение анкетирования на такой социально-возрастной группе, как студенчество объясняется следующими соображениями:

- молодежь представляется наиболее показательным слоем населения, остро реагирующим на социальные и экономические процессы, происходящие на любой территории;
- студенчество является также наиболее образованной, социально активной частью молодежи, именно ей предстоит определять будущее региона.

В дальнейшем проводимое исследование будет диверсифицировано и расширено с включением иных возрастных и социальных групп дальневосточников. Но уже полученные к настоящему времени результаты представляют определенный интерес.

Всего было опрошено 315 респондентов в городах: Благовещенске, Биробиджане, Владивостоке, Комсомольске-на-Амуре и Хабаровске. Возрастной диапазон анкетруемых для максимальной сравнимости полученных результатов был сужен двумя года-

ми (17–19 лет). Более чем 50 вопросов предложенной им анкеты компоновались в пять смысловых блоков.

Первый блок был нацелен на выяснение, какое количество респондентов считает себя коренными дальневосточниками, желают продолжить жизнь на Дальнем Востоке и, если предполагается смена места жительства, куда стремятся выехать. Анализ полученных ответов выявил следующую картину:

- подавляющее большинство (284 против 31) респондентов указали, что родились на Дальнем Востоке. Следовательно, их ответы на последующие вопросы об отношении к территории Дальнего Востока и ее оценке можно считать достаточно объяснимыми;

- отвечая на вопрос о желании остаться после окончания учебы жить и работать на Дальнем Востоке (или сменить место жительства), 61,2% опрошенных (193 человека) заявили о своем желании выехать за его пределы, что следует расценивать как явно негативную тенденцию;

- для тех, кто заявил, что вероятно воспользовался бы возможностью переехать, был задан уточняющий вопрос: «Куда Вы хотели бы переехать?»

Наиболее привлекательными для молодых дальневосточников оказались Центральная Россия, Западная Сибирь и дальнее зарубежье (США, Китай, Япония, страны Европы).

Таким образом, несмотря на преобладание ориентирующихся на выезд из региона, местная молодежь по преимуществу связывает свое будущее с Россией, и обосновывает свое возможное расставание с Дальним Востоком исключительно недостаточным уровнем его социально-экономического развития.

Второй тематический блок вопросов был направлен на выяснение знания молодых людей истории региона. По нашему мнению, его важность заключается в том, что слабое представление об истории территории своего проживания снижает у людей ее ценность, ощущение привязанности к ней, преемственности с предшествующими поколениями, отрицательно влияет на патриотические чувства.

В рамках этого блока студентам предлагалось отметить наиболее значимые, на их взгляд, из произошедших на Дальнем Востоке исторических событий. В результате, методом контент-анализа из 52 вариантов упомянутых респондентами событий было отобрано 11 наиболее часто упомянутых.

Из них в лидирующую тройку вошли: Русско-японская война 1904–1905 гг. (69 упоминаний), строительство Байкало-Амурской магистрали (15 упоминаний), а также еще три события, каждое из которых было упомянуто по 9 раз — Кумарское сражение, подписание Нерчинского, Айгуньского и Пекинского договоров, прибытие комсомольцев-первостроителей на Дальний Восток в 30-х годах XX в.

Таким образом, познания молодых людей в области истории Дальнего Востока в основном связаны с военно-политическими событиями. Иными словами, историческая сторона имиджа региона, прежде всего, ассоциируется с борьбой за обладание им и отражение внешней агрессии. В принципе, это внушает определенный оптимизм. Полученные ответы демонстрируют интерес молодежи к «критическим моментам» в истории Дальнего Востока, ее равнодушное отношение к тем жертвам и испытаниям, которые выпали на долю Российского государства на этой земле.

Третий блок вопросов был направлен на оценку экономической ситуации на Дальнем Востоке. Он был определен нами как ключевой, поскольку экономика, вне сомнений, является тем ведущим фактором, благодаря которому создается социальное благополучие территории.

Среди основных вопросов этого блока в анкете значились:

- какова, по Вашему мнению, экономическая ситуация на Дальнем Востоке?

- как Вы думаете, изменится ли ситуация в Вашем крае (области) в ближайшие два-три года?

– как Вы оцениваете уровень дохода Вашей семьи?

– как Вы думаете, Вы и Ваша семья будут жить лучше или хуже в ближайшие 2–5 лет?

– каковы, на ваш взгляд, основные проблемы Дальнего Востока?

Оценивая современную экономическую ситуацию в регионе, 42% респондентов отметили, что «ситуация тяжелая, но выжить можно», а 20% оценило ее как «скорее благоприятную». Лишь 8% опрошенных считают экономическую ситуацию на Дальнем Востоке «очень тяжелой». Такой в целом умеренно-позитивный настрой указывает на то, что молодежь в оценке экономической ситуации априори оказывается более оптимистичной, чем люди старшего возраста, заведомо негативно сравнивающие ее с ситуацией «светлого прошлого».

В этой связи интересными представляются результаты, полученные при постановке вопроса о проблемах, тормозящих социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Притом, что со стороны респондентов предполагалась многовариантность ответов, наиболее часто они коснулись трех моментов:

– отсутствие положительной динамики в экономическом развитии региона за длительный период его существования (51,5% опрошенных);

– безработица — на данную проблему указывает 46% респондентов;

– большая удаленность региона от центра страны — этот негативный момент назвали 40,5% опрошенных.

Таким образом, по мнению молодых дальневосточников, регион их проживания представляет собой экономически стагнирующую территорию, где им трудно будет затем трудоустроиться и найти применение себе по специальности. Зачастую именно это положение и является основным мотивом стремления уехать за пределы Дальнего Востока.

Четвертый блок составляли вопросы об экономических и культурных связях региона.

Анализ полученной информации показал, что для молодых жителей наиболее важными представляются экономические отношения с Европейской Россией (31% опрошенных), Китаем (30%) и Японией (25%). Таким образом, в сфере внешней экономической ориентации, молодежь Дальнего Востока стоит на прагматичной позиции. С одной стороны, Европейская Россия представляется ей, безусловно, важным партнером торгового и инвестиционного взаимодействия с Дальним Востоком. Однако ее удаленность уравнивает ее значимость в сравнении с близко расположенными крупнейшими странами АТР.

Иная картина сложилась в отношении культурных связей Дальнего Востока. Здесь молодые люди однозначно отдали приоритет Европейской России (52% опрошенных). При этом указанные в качестве важных экономических партнеров Китай и Япония в совокупности набрали лишь 29%.

В этой связи отдельного рассмотрения заслуживают те позиции, которые в рамках анкетирования занял крупнейший зарубежный сосед региона — Китай, вошедший, по проведенному опросу, в тройку лидеров в сферах экономических и культурных связей региона и опережающий по этим позициям другие иностранные государства. По этой причине респондентам было предложено выразить свое отношение к этой стране.

Анализ полученных результатов показал, что у молодых людей признание важности связей с Китаем сочетается с преобладанием отрицательного отношения к нему в целом как к зарубежному соседу. Причем степень негатива напрямую связана с географическим положением: чем ближе к китайской границе находится город, где живут респонденты, тем ярче выражено отрицательное отношение. Так, в непосредственно расположенных на внешнем рубеже Благовещенске и Хабаровске его высказали, соответственно, 60 и 59% опрошенных. В отдаленных от границы Биробиджане и Владивостоке этот показатель соста-

вил 51 и 50%. В наиболее отстоящем от Китая Комсомольске-на-Амуре доля негативного отношения к нему составила лишь 34%.

Эта ситуация объясняется тем, что, несмотря на современные партнерские отношения с Китаем, молодые дальневосточники выросли в регионе, где еще относительно «свежа» память о вооруженных конфликтах с Китаем. В совокупности с явным ростом его могущества и демографического превосходства над российским Дальним Востоком близкое соседство с ним является источником тревоги.

Для конкретизации позитивных и негативных мотивов в отношении Китая, в анкете были предусмотрены уточняющие вопросы: «Почему Вы хорошо относитесь к Китаю?» и «Почему Вы плохо относитесь к Китаю?».

Главной мотивацией положительного отношения выступают современное активное экономическое сотрудничество, интересная культура этой страны, трудолюбие ее жителей.

Отрицательное отношение, по ответам респондентов, определяется бесцеремонностью поведения граждан КНР в личных контактах, осуществление Китаем экономической экспансии против России, усиление зависимости от него Дальнего Востока, подавляющее превосходство в численности населения этого государства.

Анализ ответов на данный блок анкеты позволяет сделать вывод о том, что молодые дальневосточники ощущают недостаток гарантий безопасности от потенциальной внешней угрозы. При их ответах отсутствует опасение военного вторжения. О возможности вооруженного конфликта с Китаем не упомянул ни один из опрошенных. Но угроза экономической экспансии, перспективы инфильтрации и оседания китайского населения на российской территории являются предметом явного беспокойства.

Пятым блоком анкеты стала серия вопросов, посвященных видению места Дальнего Востока в России и его имиджу. В его рамках предлагались следующие вопросы:

– скажите, пожалуйста, что первое Вам приходит в голову, какие мысли, образы, ассоциации возникают, когда Вы слышите слова «Дальний Восток»?

– иногда говорят: «Москва — сердце России». С чем бы вы сравнили значение для России Дальнего Востока?

– какой типично дальневосточный сувенир или подарок Вы бы повезли в европейские регионы России?

– какой исторический или культурный объект Дальнего Востока Вы бы выбрали для российских банкнот, кроме уже изображенного моста через Амур около Хабаровска?

– какой природный объект или памятник природы Вы бы выбрали как символ Дальнего Востока?

Показательными стали ответы молодых людей на вопрос данного блока: «... С чем бы вы сравнили значение для России Дальнего Востока?», которые уложились в семь смысловых вариаций.

Разумеется, что среди них присутствовали традиционные определения, такие как: сырьевая база, «край земли», выход в Тихий океан (Азиатско-Тихоокеанский регион). Но показательно, что большинство ответов связано с оценкой российского Дальнего Востока как «заднего места» человеческого тела (44,3% опрошенных). Вторым распространенным вариантом ответа на этот вопрос является сравнение Дальнего Востока с конечностями (руки или ноги), как посчитали 15,9% респондентов. В то же время душой России Дальний Восток посчитали только 7,6% опрошенных.

В преобладании столь нелестной оценки следует все же видеть проявление контрастного сопоставления. Европейская Россия, Москва традиционно воспринимаются как «сердце» страны. Отсюда максимально удаленный от них регион, с учетом присущего молодежи максимализма, вполне может обозначаться как «заднее место». Однако такая трактовка полученного результата все же представлялась бы односторонней.

Очевидно, что молодое поколение дальневосточников подобным образом выказало неудовлетворение общим состоянием региона, степенью уделяемого ему внимания со стороны властных структур. Оно обладает непосредственными представлениями о природных богатствах региона, выгодах его географического положения, но при этом также имеет возможность сравнивать жизненный уровень, развитие производства и социальной инфраструктуры с иными частями Российской Федерации. Это сравнение, к сожалению, оказывается не в пользу Дальнего Востока, что, собственно, и показывает скептический настрой молодежи.

В этот же блок вошли вопросы, направленные на выявление ассоциативного восприятия образа дальневосточного региона и выбора соответствующего ему бренда.

Так, участникам опроса было предложено ответить «Что первое Вам приходит в голову, какие мысли, образы, ассоциации возникают, когда Вы слышите слова «Дальний Восток?». В этой связи респонденты в качестве ведущих образов региона по преимуществу назвали компоненты и представителей природной среды (Амур, океан, тайга, кедр, тигр, дальневосточный леопард) — 86,5% упоминаний. На социально-экономические и культурно-исторические объекты пришлось лишь 13,5% (БАМ, Волочаевская сопка, порт Владивостока, золотые прииски, нефтеразработки Сахалина).

Схожий результат был получен при ответе на вопрос: «Какой типично дальневосточный сувенир или подарок Вы бы повезли в европейские регионы России?». В качестве таковых первую пятерку (почти 80% ответов) по убывающей линии составили: красная икра (33,5%), сувенир в виде амурского тигра или гималайского медведя (17,1%), кедровые шишки и орехи (12,7%), морепродукты (8,2%), региональная символика (8%).

Очевидно, что молодое поколение дальневосточников достаточно рельефно представляет специфику территории своего проживания. Но сосредоточена она преимущественно на своеобразии природы региона. Что же касается местных социально-экономических и культурно-исторических объектов и достопримечательностей, то, по мнению молодежи Дальнего Востока, их брендовая значимость явно уступает таковым из Европейской России (Кремль, Золотое кольцо, Петергоф, Мамаев курган, Бородинский мемориал, Ясная Поляна и т.д.).

Выявленная позиция оказывается созвучной с той негативной оценкой, которой молодые дальневосточники обозначили место своего региона в масштабе России. То есть видение его своеобразия сочетается в их сознании с представлением о его современной «запущенности», недостаточности внимания к нему со стороны федерального центра. Сочетание же этих позиций, в свою очередь, является источником ущербности восприятия территории своего проживания, формирования убеждения, что, по высказыванию одного из респондентов, «все лучшее в России расположено западнее Амура».

Соответственно выглядит и итоговая картина. С одной стороны, большинство опрошенных молодых людей обнаруживает такие качества, как жизнестойкость, готовность преодолевать трудности. Им присуще осознание (хотя и несколько одностороннее) своеобразия своего региона. Они выказывают высокую степень интереса к страницам его героического прошлого и, что весьма существенно, рассматривают его как неотъемлемую часть России.

Вместе с тем, нынешнее экономическое состояние Дальнего Востока оценивается молодым поколением как неудовлетворительное. Отсюда проистекает ущербность его восприятия — с заметным самопреенебрежением, убежденностью в том, что другие части страны пользуются большим вниманием высших эшелонов власти. Соответственно — жизненный уровень там выше, культурное наследие богаче, а возможности для реализации своих сил и способностей — шире. С этой стороной восприятия связана и обеспокоенность внешней безопасностью региона.

Характерно, что на взгляды молодежи не влияют упоминания о правительственных программах по развитию Дальнего Востока. Причина этого очевидна: предусмот-

ренные данными документами меры пока не принесли ощутимых результатов. И хотя разумеется, что таковые не могут проявиться сиюминутно, ссылка на это звучит для респондентов в имеющихся условиях неубедительно.

Очевидно, что сложившееся положение не может не быть предметом самого пристального изучения. Как представляется, одним из целого ряда средств его выправления должна стать целенаправленная работа по формированию в молодежной среде позитивного имиджа Дальнего Востока. Сущность ее стратегии состоит в создании основ системы последовательных действий, которая, в свою очередь, должна строиться на уже имеющихся ключевых символах региона — ярких, убедительных и всесторонних, включающих в себя как ретроспективный, так и современный позитивные аспекты.

В разработке этой стратегии и поиске путей ее внедрения в практическую деятельность авторы данных строк видят дальнейшую задачу проводимого ими исследования.

1. Голубь А.Б. Географическая культура — образ территории — имидж региона // Вестн. Приамур. гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. Научно-образовательный журнал. 2012. № 2(11). С. 17–24.
2. Шведов В.Г., Голубь А.Б. Историко-географический анализ первичного формирования образа Российского Дальнего Востока // Глобальные и региональные пробл. исторической географии: материалы IV Международ. конф. по исторической географии. СПб., 25–28 апр. 2011. С. 671–675.
3. Стельмах Е.В. Управление природопользованием как фактор экономического развития Еврейской автономной области // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 49–52.
4. Соловченко С.А. Социально-демографическая безопасность региона как методика исследования рынка труда // Научная перспектива. 2011. № 6. С. 24–26.
5. Шведов В.Г. Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы, практика. Владивосток: Дальнаука, 2006. 259 с.; Абышева Ю.Ю. Проблема формирования имиджа города (социально-управленческий аспект): дис.... канд. соц. наук. М.: РГБ, 2005. 173 с.
6. Голубь А.Б. Некоторые подходы к формированию структурной модели имиджа региона Гуманитарииум: международные отношения, политика, экономика // Дальневосточ. науч. альманах: сб. науч. ст. / науч. ред. А.Б. Волынчука, С.К. Песцова. Владивосток: Изд-во НОЦ ДВР, 2012. С. 61.
7. Замятина Н.Ю. Структура представлений о пространстве в разных странах мира: постановка проблемы // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 2002. № 4. С. 11–16.
8. Бакланов П.Я. Тихоокеанская Россия или Дальний Восток? У карты Тихого океана // Информ.-аналит. бюллетень / Отд. изучения международ. отношений и пробл. безопасности ИНАЭ ДВО РАН. № 29 (227)

Экономика

Особенности транспортной инфраструктуры дельты Янцзы

© 2014

Д. Кручинина

Совершенствование транспортной системы есть необходимое условие углубления интеграции и развития в одном из ключевых экономических районов КНР — Золотом треугольнике дельты Янцзы. В статье проанализирована инфраструктура автомобильного, железнодорожного, водного и воздушного транспорта, рассмотрена их значимость для данного региона.

Ключевые слова: Китай, дельта Янцзы, региональная интеграция, региональная транспортная система.

Дельта Янцзы — один из трех приморских регионов Китая, характеризующихся особо высокими темпами экономического роста (в их числе также значатся дельта реки Жемчужной и зона Бохайского залива). Наибольший из них вклад в ВВП приходится на Золотой треугольник Янцзы — зону вокруг Шанхая, Ханчжоу и Нанкина.

«Золотым» этот регион стал, в частности, благодаря выгодам географического положения, будучи расположен в районе впадения Янцзы в Восточно-Китайское море, что благоприятствует развитию международных торгово-экономических отношений, как и связям с центральными, северными и южными провинциями КНР.

В состав региона с 2008 г. входят Шанхай, провинции Цзянсу и Чжэцзян. Под «дельтой Янцзы» также подразумевают обычно 16 городов, относившихся к этому региону до 2008 г. Они по-прежнему играют ключевую роль в его экономике, демонстрируя высокие темпы роста и формируя значительную часть ВВП дельты Янцзы (см. табл. 1).

Таблица 1.

ВВП дельты Янцзы 2013 г.

Состав региона	ВВП, млрд. юаней	Прирост к 2012 г.,	Доля от ВВП КНР
16 городов	97760,0	9,7%	17,2%
Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян	11833,2	8,5%	20,8%

Источник: URL: <http://news.sina.com.cn/o/2014-02-13/163029456588.shtml>;
<http://www.elivecity.cn/html/jingjifz/2290.html>

Важным условием дальнейшего экономического прогресса дельты Янцзы является региональная интеграция, основные составляющие которой:

- развитая транспортная инфраструктура,
- создание общего рынка,
- взаимосвязанное развитие отраслей промышленности в регионе,
- сотрудничество в области информатизации,
- совместный контроль качества окружающей среды.

Для Золотого треугольника Янцзы, площадь которого составляет 2,2% площади КНР, а плотность населения пятикратно превышает средний показатель по стране¹, первая из указанных позиций, т.е. наличие эффективной транспортной системы, есть чрезвычайно важный фактор развития. Каковы его основные характеристики?

Порты и водное сообщение

Водные системы реки Янцзы, Великого китайского канала и озера Тайху образуют сеть внутренних водных путей. В регионе насчитывается несколько тысяч крупных и мелких судоходных рек, общая протяженность водных путей составляет 36,15 тыс. км. (29% протяженности всех водных путей КНР). На них приходится более 37% грузооборота водных путей Китая (см. табл. 2).

Таблица 2.

Пассажиро- и грузооборот сухопутных и водных путей сообщения дельты Янцзы (январь — ноябрь 2013 г.)

	Автодорожный транспорт		Водные пути	
	Пассаж. оборот (млн чел.)	Грузооборот (млн т)	Пассаж. оборот (млн чел.)	Грузооборот (млн т)
Шанхай	34,52	401,89	3,36	425,72
Цзянсу	2428,99	1546,45	4,28	582,30
Чжэцзян	1953,92	1064,90	33,37	684,59
Дельта Янцзы	4417,43	3013,24	41,01	1692,61
Доля в грузо-пассаж. обороте(%)	12,9	9,3	17,0	37,5

Составлено по данным: URL: <http://www.moc.gov.cn/zhuzhan/tongjigongbao/>

Площадь акватории в дельте Янцзы превышает 300 тыс. км²; береговая линия Шанхая, провинций Цзянсу и Чжэцзян, включая относящиеся к ним острова, составляет около 8200 км², что благоприятствует каботажным и международным грузовым перевозкам.

В регионе функционирует 11 морских и речных портов. В их числе — глубоководные порты Бэйлунь в Нинбо и Яншань в Шанхае, способные принимать контейнеровозы пятого и шестого поколений. Шанхайский порт является крупнейшим в мире по показателю контейнерооборота (33,6 млн ДФЭ по итогам 2013 г.), применяемом в статистике западных стран. Конкуренцию в дельте Янцзы ему составляет порт Нинбо-Чжоушань, который в соответствии с китайской статистикой первенствует по показателям грузооборота (см. табл. 3).

Кроме того, в нижнем течении Янцзы имеются порты для контейнеровозов третьего и четвертого поколений*.

* Контейнеровозы третьего поколения вмещают до 3000 ДФЭ (двадцатифутовый эквивалент), вместимость контейнеровозов четвертого, пятого и шестого поколений составляет 4000-5000, 5000-7000 и 7500-10000 ДФЭ соответственно.

Конкуренция существует не только между портами-гигантами дельты Янцзы. Большинство портов ограничивается такими традиционными функциями, как погрузочно-разгрузочные работы и транзит, они нуждаются в расширении масштабов деятельности, увеличении количества перегрузочных узлов, в углублении специализации. Случаются ситуации, при которых владелец груза не может выбрать порт, исходя из оптимального маршрута транспортировки, в результате чего возрастают суммарные издержки на логистику.

Таблица 3.

Показатели грузооборота портов дельты Янцзы (январь — ноябрь 2013 г.)

Порт	Грузооборот (млн т)	Внешнеторговый грузооборот (млн т)
Шанхай	709,94	346,06
Ляньюньган	173,99	97,32
Нинбо-Чжоушань	749,27	354,33
Нанкин	184,40	20,27
Сучжоу	418,43	100,71
Наньтун	184,16	39,96
Чжэньцзян	129,97	24,59
Ханчжоу	84,88	—
Хучжоу	144,36	0,46
Цзясин	100,86	—
Цзяньинь	115,82	13,61
Дельта Янцзы	2996,08	997,31
Доля дельты Янцзы в грузообороте портов КНР	30,7(%)	32,7(%)

По данным: URL: http://www.moc.gov.cn/zfxxgk/bnssj/zhghs/201312/t20131213_1528502.html

В документе Госсовета КНР «О стимулировании ускоренного развития современной сферы услуг и передовых производственных отраслей и создания международного финансового центра в Шанхае» было указано, что для повышения эффективности портовой логистики требуется «интеграция портовых ресурсов дельты Янцзы»⁴. Иными словами, поставлена задача преобразовать соперничество между портами в отношения сотрудничества и честной конкуренции.

Воздушное сообщение

В регионе дельты Янцзы формируется многоцентровая радиальная сеть воздушных перевозок. Всего на территории Шанхая, Цзянсу и Чжэцзяна расположено 18 аэропортов; на 10000 км² приходится 0,8 аэропорта⁵. Здесь функционируют международные аэропорты Пу-дун и Хунцяо в Шанхае, Лукоу в Нанкине, Сяошань в Ханчжоу и др., а также аэропорты внутренних авиалиний: Бэньню в Чанчжоу, Синдун в Наньтуне, Луцяо в Тайчжоу и др.

На аэропорты в дельте Янцзы приходится треть грузооборота и 19% пассажирооборота от всех аэропортов КНР. При этом ключевую роль играют аэропорты Шанхая (на них приходится 78,9% и 57,8% грузо- и пассажирооборота аэропортов дельты Янцзы соответственно).

Воздушные гавани городов Ханчжоу, Уси, Ляньюньгана, Нинбо, Вэньчжоу непрерывно расширяются, приумножают число направлений. Тем не менее, лишь немногие аэропорты дельты Янцзы способны успешно функционировать, для многих из них характерны проблемы неэффективного управления, недостаточного прироста транспортной мощности, нерационального размещения, нехватки ресурсов. Значительная часть их терпит убытки из-за низких объемов оказанных услуг, далеких от проектной мощности.

Таблица 4.

Пассажиро- и грузооборот аэропортов дельты Янцзы (2013 г.)

Аэропорт	Пассажирооборот, тыс. чел.	Грузооборот** тыс. т
Пудун, Шанхай	47189,85	2928,53
Хунцяо, Шанхай	35599,64	435,12
Сяошань, Ханчжоу	22114,10	368,10
Лукоу, Нанкин	15011,79	255,79
Юнцян, Вэньчжоу	6595,93	59,79
Лишэ, Нинбо	5459,33	64,25
Шофан, Уси	3590,19	87,64
Бэньню, Чанчжоу	1526,61	15,25
Иу	1161,46	3,45
Гуаньинь, Стойчжоу	1112,81	6,30
Синдун, Наньтун	675,66	21,59
Янчжоу, Тайчжоу	612,90	3,08
Луцяо, Тайчжоу	610,84	6,91
Байтабу, Ляньюньган	563,58	1,46
Путошань, Чжоушань	479,14	0,29
Ляньшуй, Хуайань	404,78	2,53
Наньян, Яньчэн	354,25	3,04
Цюйчжоу	222,07	0,77
Дельта Янцзы	143284,94	4263,87
Доля дельты Янцзы в пассажиро- и грузообороте КНР	19,0%	33,89%

* Место в рейтинге 193 аэропортов Китая по показателям пассажиро- и грузооборота

** Включает грузы и почтовые перевозки

Составлено по: URL: http://www.caac.gov.cn/i1/K3/201403/t20140324_62919.html

Автомобильные дороги

В последние годы здесь был реализован ряд крупных инфраструктурных проектов для автомобильного транспорта, важнейшие из которых: мост Сутун и мост через залив Ханчжоувань.

Первый из них, длиной чуть более 8 км, соединил (через Янцзы) города Наньтун и Сучжоу. Благодаря этому путь между Шанхаем и Наньтуном сократился до 1 часа.

Мост длиной около 36 км через залив Ханчжоувань является самым длинным трансокеанским мостом в мире. Он соединяет 2 крупнейших портовых города региона — Шанхай и Нинбо. В результате расстояние между этими городами сократилось до 120 км. Строительство моста существенно разгрузило скоростные магистрали Шанхай — Ханчжоу и Ханчжоу — Нинбо, а также перераспределило функции городов в регионе: благодаря сократившемуся расстоянию до Шанхая Нинбо вошел в число суб-центральных городов дельты Янцзы (к которым также относятся Нанкин, Ханчжоу и Сучжоу).

Протяженность автодорог с твердым покрытием в дельте Янцзы превышает 262 тыс. км, из них 7,8 тыс. км приходится на скоростные шоссе (см. табл. 4). Плотность автодорог 16-ти городов Золотого треугольника Янцзы более чем вдвое превышает средний показатель по КНР⁶.

Таблица 5.

Протяженность транспортных путей в регионе дельты Янцзы (на 2009 г.), км

	Шосейные дороги	Скоростные шоссе	Железные дороги	Внутренние водные пути
Шанхай	11671	768	317,7	2226
Цзянсу	143803	3755	1655,6	24224
Чжэцзян	106952	3298	1678,2	9703
Дельта Янцзы	262426	7821	3651,5	36153
Доля региона в общей протяженности путей по КНР (%)	6,8	12	4,3	29,2

Источник: Фаньчан саньцзяо дицуй цзинцзи фачжань баогао, 2010–2011 [Доклад об экономическом развитии «расширенного» региона дельты Янцзы, 2010–2011] / Гл. ред. Ван Чжэнь. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 2011. С. 62.

Железные дороги

В начале XXI века Восточный Китай покрыла плотная сеть железных дорог, в том числе высокоскоростных. Железнодорожный транспорт в дельте Янцзы продолжает развиваться высокими темпами. Задачи и цели его развития определены в «Плане сети железных дорог на средне- и долгосрочную перспективу», утвержденном в 2004 г. Госсоветом КНР. Согласно данному документу, к 2020 г. сеть железных дорог должна связать все основные города и поселки региона дельты Янцзы⁷.

Плотную сеть железнодорожного сообщения формируют междугородные линии скоростных трасс: Шанхай — Ханчжоу, Шанхай — Нанкин (часть Пекин-Шанхайской высокоскоростной железной дороги), Ханчжоу — Нинбо, Нинбо — Вэньчжоу, Ханчжоу — Нанкин, Шанхай — Наньтун; а также железнодорожные линии Ляньюньган — Яньчэн, Чжэньцзян — Тайцан (Чжэньнань), Хуайань — Янчжоу — Чжэньцзян. Ряд новых линий железных дорог, преимущественно высокоскоростных, в настоящее время — в процессе разработки или строительства.

Развитие скоростного железнодорожного транспорта способствует углублению региональной интеграции, т.к. большинство городов дельты Янцзы находятся в 1–2 часах езды от Шанхая и провинциальных центров региона. Шанхай, Ханчжоу и Нанкин образуют «железнодорожный золотой треугольник Янцзы».

Таблица 6.

Пассажиро- и грузооборот железных дорог дельты Янцзы (2010 г.)

	Пассажирооборот (млн чел.)	Грузооборот (млн т)
Шанхай	51,61	9,41
Цзянсу	91,67	65,63
Чжэцзян	70,24	37,62
Дельта Янцзы	213,52	112,66
Доля в грузо- и пассажирообороте КНР (%)	14,0	3,4

Источник: Фаньчан саньцзяо дицуй цзинцзи фачжань баогао, 2010–2011 [Доклад об экономическом развитии «расширенного» региона дельты Янцзы, 2010–2011] / Гл. ред. Ван Чжэнь. На дельту Янцзы приходится 14% пассажирооборота железных дорог Китая. Однако по показателям грузооборота (см. табл. 6.) железнодорожное сообщение значительно уступает автодорожному и водному. Шанхай: Жэньминьчубаньшэ, 2011 С. 63–64.

Роль государства

По объемам грузо- и пассажирооборота в дельте Янцзы лидирует автодорожный транспорт, при этом его показатели составляют лишь 9 и 13% грузо- и пассажирооборота КНР в целом. Важную роль в грузовой логистике играют порты и водные виды транспорта дельты Янцзы, они обслуживают около трети грузооборота портов и водного сообщения КНР. Развитие железнодорожного транспорта повышает мобильность населения, по пассажирообороту железнодорожный транспорт уступает лишь автодорожному.

Транспортные ведомства различных уровней, от государственного до местного, поощряют создание и развитие в дельте Янцзы скоростных шоссе, железных дорог и портов. В «Руководстве по дальнейшему открытию и реформам и социально-экономическому развитию региона дельты Янцзы» Госсовета КНР отмечена необходимость совершенствования комплексной транспортной системы региона, перечислены основные задачи развития инфраструктуры автомобильного, железнодорожного, водного и воздушного видов транспорта. Транспортные ведомства Шанхая, провинций Цзянсу и Чжэцзян принимают совместные планы и программы по развитию транспортной инфраструктуры, интеграции дорожного строительства и перевозок в регионе. Принятая в 2009 г. «Программа сотрудничества по дорожной интеграции в регионе дельты Янцзы» включает создание здесь единой системы пассажирских перевозок, единой логистической сети, единой системы послепродажного сервиса и технического обслуживания автомобилей⁸.

«Порт развивает город»

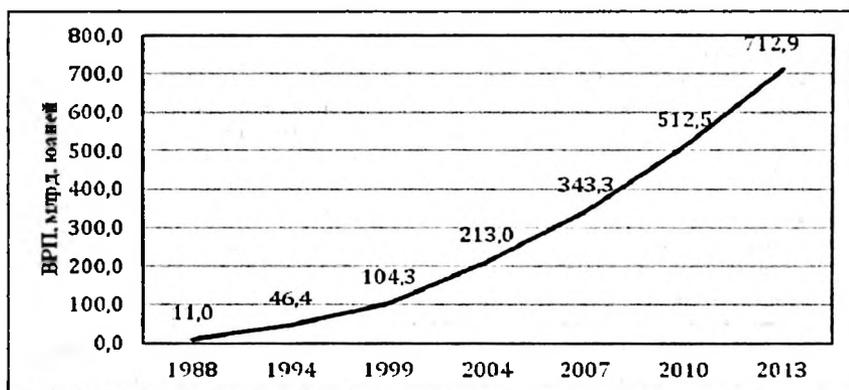

График 1. ВРП Нинбо 1988–2013 гг.

Составлено по: 2012 нянь шуайсянь цзибэнь шисянь сянь дайхуа дэ чансаньцзяо (Чансань цзяо лань тишу) [Дельта Янцзы во главе базового осуществления модернизации в 2012 г. (Синяя книга дельты Янцзы)] / Ред. Лю Чжибяо. Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшиз, 2012. С. 277. URL: <http://www.livecity.cn/html/jingjifz/2457.html>

Показательный пример влияния государственного инфраструктурного планирования на региональную экономику: стратегия «порт как средство развития города», которую принял в 1992 г. горком КПК в Нинбо. В рамках этой стратегии было завершено строительство второй очереди порта Бэйлунь, запущено строительство третьей очереди рудного транзитного причала 200-тонного класса, начато сооружение четвертой очереди порта Бэйлунь, призванной увеличить пропускную способность порта⁹.

В 1999 г. Госсовет КНР утвердил «Генеральный план города Нинбо», определив его как важный портовый город Юго-Восточного Китая, а также экономический центр южной части региона дельты Янцзы¹⁰. Опорой и двигателем роста экономики Нинбо стали припортовые отрасли промышленности, нефтепереработка, электроэнергетика, судостроение, производство химического сырья и химикатов. Реализация стратегии «порт как

средство развития города» способствовала ускорению темпов экономического роста Нинбо: городу потребовалось лишь 11 лет для преодоления отметки ВРП 100 млрд юаней; увеличение ВРП со 100 до 200 млрд юаней заняло 5 лет, а с 300 до 500 млрд юаней, как и с 500 до 700 млрд юаней — всего по 3 года (см. график 1).

Выводы

Реализация крупных проектов в сфере транспортной инфраструктуры не только расширила сеть путей сообщения, но и, можно сказать, сократила расстояние между городами дельты Янцзы. Одна из задач развития транспортной инфраструктуры — расширение границ зоны 1–2 часовой доступности от центральных городов региона. Благодаря реализации крупных инфраструктурных проектов все больше городов входит в эту зону, что способствует углублению региональной интеграции и фактическому размытию границ между административными субъектами региона.

В настоящее время транспортная инфраструктура дельты Янцзы отвечает потребностям экономики региона, система путей сообщения достаточно развита, чтобы способствовать слиянию экономик Шанхая, провинций Цзянсу и Чжэцзян, а также стимулировать рост ВРП. Транспортная система дельты Янцзы образует конкурентное преимущество региона, для объектов его транспортной инфраструктуры региона характерно оптимальное размещение, что обеспечивает эффективное и удобное движение людского, товарного, финансового и информационного потоков.

1. Плотность населения Шанхая, Цзянсу и Чжэцзяна в 5 раз превышает уровень КНР. URL: <http://news.sina.com.cn/o/2008-04-18/125613758238s.shtml>.
2. Источник: Цзюэчичжундэ ланьсэ цзинци: Шанхай хайян цзинци фуу чансань цзяо фачжань [Голубая экономка в стадии подъема: морская экономика Шанхая служит развитию региона дельты Янцзы] / Гл. ред. Юй Хуншэн. Шанхай, Гэчжи чубаньшэ, Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2012 г. С. 19.
3. Порт Шанхая остается лидером. URL: <http://www.tks.ru/logistics/>. С. 19.
3. Порт Шанхая остается лидером. URL: <http://www.tks.ru/logistics> 2014/01/09/0007.
4. «О стимулировании ускоренного развития современной сферы услуг и передовых производственных отраслей, а также создания международного финансового центра в Шанхае». URL: http://www.gov.cn/zwgg/2009-04/29/content_1299428.htm.
5. Источник: Чанцзян саньцзяочжоу фачжань баогао: цзинци цзэнчжан хэчэнь шихуа цзиньчэн 2005 [Доклад о развитии региона дельты Янцзы: экономический рост и ход урбанизации 2005]. Дандай Шанхай яньцзюсо. Шанхай, Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2005, с. 8.
6. Источник: 2011 чжунго цюйюй цзинци фачжань баогао — цунчан саньцзяо дао фаньчан саньцзяо: цюйюй чанье тидуч жуаньидэ лилунь юй шичжэн яньцзю [Доклад об экономическом развитии регионов Китая в 2011 г. — от Золотого треугольника Янцзы к «Расширенному» треугольнику Янцзы: исследование теории и практики постепенного переноса производств региона]. Шанхай, Шанхай цайцин дасюе цюй юй цзинци яньцзю чжунсинь. Шанхай цайцин дасюе чубаньшэ, 2011, с. 55.
7. Описание «Плана сети железных дорог на средне- и долгосрочную перспективу» 2004 г. URL: http://www.gov.cn/ztl/2005-09/16/content_64413.htm. План, откорректированный ГКРР в 2008 г. URL: http://jtyss.ndrc.gov.cn/fzgh/200906/t20090605_284526.html.
8. Программа сотрудничества по дорожной интеграции в регионе дельты Янцзы. URL: <http://jpkc1.zjvtit.edu.cn/yagl/Informationshow.asp?ID=99>.
9. Источник: 2012 нянь шуайсянь цзибэнь шисянь сяндайхуадэ чансаньцзяо (Чансаньцзяо лань пишу) [Дельта Янцзы во главе базового осуществления модернизации в 2012 году (Синяя книга дельты Янцзы)] / Гл. ред. Лю Чжибо. Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2012. С. 277.
10. Подъем города Нинбо благодаря порту. URL: http://gtob.ningbo.gov.cn/art/2008/10/6/art_10361_583218.html.

Восточноазиатская интеграция как объективный процесс межцивилизационного соперничества

© 2014

В. Балакин

Проводя курс на ослабление влияния США в восточноазиатском регионе, КНР прежде всего делает ставку на использование «мягкой силы». Под давлением объективных обстоятельств китайское руководство отказалось от прежнего принципа «не высовываться» и перешло к осознанной политике, нацеленной на региональное лидерство.

Ключевые слова: Китай, США, восточноазиатская интеграция, «мягкая сила».

Процесс восточноазиатской интеграции во многом был стимулирован экономическим и внешнеполитическим подъемом Китая, породившим вероятность его грядущего мирового лидерства. В повестку дня встал вопрос о структурировании восточноазиатского региона, а именно: будет ли региональная интеграция осуществляться «вокруг» Китая (т.е. исключительно в Восточной Азии) или же процесс пойдет по линии формирования полицентричной системы на просторах Азиатско-Тихоокеанского региона¹. Влияние названных вариантов региональной интеграции, по мнению многих международных экспертов, будет представлять собой главную парадигму исторического развития мира в XXI в.

Различные аспекты восточноазиатской интеграции так или иначе затрагиваются в многочисленных работах российских и зарубежных ученых, однако до настоящего времени нет ни одной специальной научной работы, в которой освещались бы все ее аспекты в комплексе.

Активный процесс восточноазиатской интеграции в межкризисный период 1998–2008 гг. ощутил на себе влияние широких дискуссий на тему о «глобальном лидерстве». Ключевой вопрос: возможность смены прежнего мирового лидера в лице США на растущего нового лидера в лице КНР. «Закат» американского лидерства прогнозируется уже давно, что объективно стимулируется вызреванием новых «центров силы», предлагающих в качестве региональной и глобальной политики концепцию многополярности². Причиной вызревания этой тенденции стало эгоистическое стремление Соединенных Штатов жестко контролировать все и вся как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Первым этому в межкризисный период воспротивился Китай, направив острие своих усилий в самую болезненную точку американского доминирования в Восточной Азии — стал стимулировать процесс постепенного ухода от доллара как единственной мировой резервной валюты к единой азиатской валюте.

Еще одним направлением «вытеснения» США из восточноазиатского региона стали предпринимаемые КНР усилия по структуризации относительно слабых регио-

нальных организаций безопасности, отсекая их под различными предложениями от американского участия.

Многие авторитетные международные эксперты задаются вопросом относительно реальности утраты Вашингтоном статуса мирового лидера (в частности, на региональном уровне в Восточной Азии), где формируется модель нового международного порядка, закладывается система взаимоотношений, основанных на взаимовыгодных договоренностях между региональными суверенными государствами³.

С экономической точки зрения, взаимные договоренности в регионе должны прежде всего касаться базовых параметров общего регионального рынка, включающего в себя поэтапный переход от зоны свободной торговли к единому таможенному пространству и далее — к полноценному интеграционному образованию.

В межкризисный период роль восточноазиатского лидера взял на себя Китай, привлекая суверенные государства восточноазиатского региона открытием своего внутреннего рынка для их товаров и тем самым экономически побуждая партнеров к созданию единой интегрированной системы взаимоотношений без прямых политических предпочтений. Становится все очевидней, что в обозримой перспективе Вашингтону весьма сложно будет противопоставить китайской интеграционной модели в Восточной Азии какую-либо внятную, а главное — позитивную альтернативу своих долларовых приоритетов в международной торговле. Проводя курс на ослабление влияния США в восточноазиатском регионе, КНР делает ставку на использование так называемой «мягкой силы».

На «американском направлении» китайское руководство умело использует тактику «двойного воздействия», привлекая на свой внутренний рынок прямые американские инвестиции в виде крупных высокотехнологичных производств при одновременных усилиях по освоению американского внутреннего рынка через приобретение интересующих Китай высокотехнологичных активов⁴. В межкризисный период постепенно сложилась ситуация практически полного доминирования на рынках восточноазиатского региона китайского экспорта товаров, произведенных китайскими предприятиями по американским лицензиям. В конечном результате высокотехнологичный экспорт Китая в страны Восточной Азии стал настолько конкурентоспособен, что выстраивать против него какие-либо барьеры, в том числе нетаможенные, объективно не представляется возможным. Экономическое присутствие КНР в восточноазиатском регионе становится доминирующим.

Ряд международных экспертов высказывают серьезные сомнения относительно американских прогнозов о сохранении в обозримой перспективе лидирующей роли США в рамках перехода крупных общественных формаций от индустриального к информационно-финансовому укладу. С наступлением XXI в. США стремятся переносить акцент в своем развитии с реального промышленного производства и экспорта товарной массы на захват мировых рынков посредством монополии на печатание главной мировой резервной валюты — доллара. Сохранение данной монополии Вашингтон бескомпромиссно подкрепляет использованием своей военной мощи, не останавливаясь перед грубым нарушением общепризнанных норм международного права.

В межкризисный период многим государствам Восточной Азии удалось добиться существенных технологических достижений, однако сохраняющийся отрыв США в критических технологиях, особенно в сфере новейших вооружений, пока что не дает тому же Китаю пространства для более гибкого стратегического маневра⁵. Но ничто не вечно, и даже в сложившихся условиях Вашингтон чувствует себя в определенной степени скованным из-за своей финансовой зависимости перед Китаем, способным в любой момент потребовать оплаты накопленных им гигантских резервов в ценных бумагах США.

Китай в ближайшие годы намерен решить весьма амбициозную задачу, суть которой сводится к смене американской парадигмы глобализации, которая ориентирована на исключительное право США определять параметры развития мировой экономики. В межкризисный период КНР провела серьезную подготовительную работу, взяв в качестве полигона для своего интеграционного эксперимента Восточную Азию. Пока еще трудно судить о том, что конкретно предвидится под глобализацией по-китайски, но уже сегодня понятна суть позиции Пекина, представляющей собой китайское стремление дать региону и миру подходы к международному интеграционному взаимодействию, принципиально отличные от американских. Восточная Азия наилучшим образом подходит для китайских экспериментов с региональной интеграцией, поскольку здесь налицо серьезный исторический потенциал мощного цивилизационного влияния Поднебесной⁶. Конфуцианская цивилизация в отличие от всех других цивилизаций, существующих на Земле, смогла сохранить непрерывную тысячелетнюю преемственность и в этом смысле является реальной философской альтернативой западному пути развития.

Многие международные эксперты справедливо отрицают тезис, что успехи развития отдельных восточноазиатских государств обусловлены всего лишь приспособлением их реалий к «западному опыту». Передовые страны Восточной Азии развиваются отнюдь не линейно, они в ряде случаев эффективней, чем Запад преодолевают кризисные явления последнего времени. Тот же Китай умело приспособливает новые реалии международных взаимосвязей к проверенным веками культурным традициям восточноазиатского региона, амортизируя попытки Запада навязывать миру его понимание процессов развития⁷. Логика современного цивилизационного противостояния все более связана с отторжением американской модели военного и финансового доминирования, перерастая в многовариантный вызов самой сущности глобального лидерства США. Китайское руководство стремится использовать тягу восточноазиатских государств вернуться к своим национальным истокам, что вполне удастся использовать на эмоциональном уровне, несмотря на периодически возникающие конфликты (зачастую умышленно инспирируемые местной «пятой колонной» Вашингтона).

Исследователи в последнее время отмечают еще один феномен, способный изменить расклад сил в Восточной Азии. Такие восточноазиатские субъекты со стагнирующей экономикой, как Япония и Тайвань, все более тяготеют тем, что их воспринимают в мире как членов западной коалиции с весьма ограниченным государственным суверенитетом. Руководство КНР искусно играет на ущемленном самолюбии японской и тайваньской элит, побуждая их к более активному отстаиванию национальных интересов⁸. Если в случае с Тайванем основной акцент делается на культивировании общекитайских цивилизационных ценностей, то на японском направлении китайская дипломатия выстраивает многослойную внешнюю политику, предпочитая использовать экономические рычаги и пользуясь сложившейся за долгие годы ситуацией, когда крупный японский бизнес основательно «увяз» в хозяйственной жизни КНР. Сомнительная, на первый взгляд, идея создания антиамериканской коалиции постепенно начинает овладевать умами китайского истеблишмента, а интеграционная модель КНР для Восточной Азии, судя по всему, обретает очертания, ранее немислимые: помимо АСЕАН, Тайваня, обеих Корей, она потенциально могла бы включить Японию, да и Россию.

Как ни странно, названная политико-дипломатическая коалиция вполне способна в перспективе сложиться на фоне явных попыток США сколотить в АТР так называемый «англосаксонский альянс» в составе Канады, Австралии и Новой Зеландии. Правда, у этого альянса изначально отсутствует системный интегратор в виде общего экономического интереса, поскольку американцы прежде всего обеспокоены не уровнем развития реального производства, а сохранением своего финансового доминирования в качестве единственного долларowego эмиссионного центра. Очевидно, что Пекин осознает это стратегически слабое место в американской внешней политике на Дальнем Востоке и с

чисто китайским дипломатическим изяществом косвенно поощряет недалековидные региональные проекты Вашингтона в военной сфере⁹.

Наращивание американской военной мощи в Восточной Азии позволяет Китаю обоснованно проводить ускоренную модернизацию собственных вооруженных сил, отдавая при этом приоритет их морской составляющей. Обострение территориальных конфликтов в прилегающих акваториях дает КНР возможность провести «разведку боем» и спрогнозировать вероятные масштабы возможной антикитайской коалиции в Восточной Азии при возникновении региональных конфликтов различной мощности, включая параметры американской стратегии ядерного сдерживания и ее реальной поддержки со стороны местных союзников Вашингтона.

Поскольку глобализация оказалась процессом значительно более сложным, чем это представлялось в XX в., Китай был вынужден в межкризисный период менять как бы «на марше» собственные устоявшиеся глобальную и региональную концепции стратегического поведения на перспективу. Руководство КНР отказалось от исповедуемого продолжительное время принципа Дэн Сяопина «не высовываться», перейдя к осознанной подготовке страны к принятию функций регионального лидера.

С точки зрения китайских экспертов, чтобы КНР стала неоспоримым лидером в Восточной Азии необходимы три условия:

- должен быть создан постоянно модернизирующийся экономический механизм;
- национальную валюту (юань) необходимо довести до уровня самой привлекательной региональной валюты;
- Народно-освободительную армию Китая следует сделать способной нанести фатальный ущерб любому противнику.

Одновременно китайское государство и общество должны превратиться в некую ойкумену, реально противостоящую своей неповторимой культурой любым западным духовным ценностям. Только добившись регионального лидерства Китай может претендовать на роль лидера мирового, готового повести за собой другие государства, ищущие возможность повысить свой созидательный потенциал и при этом сохранить большую часть своего суверенитета¹⁰.

В обозримой перспективе КНР вполне способна обеспечить более 50% мирового экономического роста, а это означало бы, что вся Восточная Азия станет супер-регионом, интеграционная модель которого сделает заявку на пересмотр всего глобального экономического, а вслед за этим и международного политического порядка. Теоретически конфуцианская ойкумена вполне способна в обозримой перспективе бросить серьезный вызов западному сообществу.

Китай на протяжении нескольких десятков лет был государством, реально страдавшим от экономического и политического давления Запада и всегда оказывавшим жесткое сопротивление попыткам «великих держав» ограничить его суверенитет. США по разным причинам стремятся решить проблему «роста КНР» путем понуждения Пекина к «мирному вхождению» в сложившуюся систему международных отношений и всячески препятствуют китайским попыткам реализовать независимую стратегию, особенно на региональном уровне. Вашингтонских стратегов, в частности, реально беспокоит сформулированный Китаем курс на осуществление интеграционной модели в Восточной Азии, поскольку она построена на конфуцианской этической системе и по сравнению с американской парадигмой свободна от унижающих самолюбие восточноазиатских государств продвижения любыми средствами идеи «неоспоримого превосходства» США в мире¹¹. Характерно, что даже такой военно-политический союзник Вашингтона как Япония, в последнее время пытается (хотя и робко), воспринимать КНР в качестве альтернативы американскому доминированию.

Итак, дилемма выбора между Китаем и США вырастает практически для всех восточноазиатских государств в весьма непростую проблему, решение которой растянет-

ся на многие годы. Нельзя не признать, что у Пекина в перспективе будет немало шансов обустроить Восточную Азию по своему усмотрению.

-
1. *Soesastro Hadi*. Regional Integration in East Asia Achievements and Future Prospects // *Asien Economic Policy Review*. Tokyo, 2012. P. 220.
 2. *Wo Xinbo*. East Asia: Building a Community in the 21-st Century // *Center for Strategic and International Studies*. Washington, 2011. P. 26.
 3. *Zhang Yongnian*. China and International Relations // *Routledge*. London. 2010. P. 46.
 4. *Bergsten. F.C*. China and Economic Integration in East Asia Implications for the United States // *Peterson Institute for International Economics*. Washington, 2008. P. 180.
 5. *World Bank*. The East Asian Miracle // *Oxford University Press*. New York, 2012. P. 70.
 6. *Peng, Dajin*. Ethnic Chinese Business Networks // *African and Asian Studies Center*. Shandong Universitu. Qingdao, 2010. P. 229.
 7. *Qing Yaqing*. Prospects for East Asia Community // *Trilateral Commission Report*. Tokyo, 2012. P. 177.
 8. *Li Xing*. East Asian Regional Integration: From Japan-led "Flying-geese to China-centred "Bamboo-Capitalism" // *Alborg University*. Denmark, 2013. P. 15.
 9. *Jeong Kyong 'ah*. The Asia Pacific and the Discourage of the "East Asia Community" // *Tohoku daigaku Asia kenkyu center*. Japan, 2013. P. 46–49.
 10. *Такадаб Хоба*. Тоа то Сэкай [Восточная Азия и мир] // *Нисидэ сэтэн*. Токно, 2012. С. 10.
 11. *Leviste J.P*. The Pacific Lake // *The Philippine Council for Foreign Relations*. Manila, 2013. P. 80.

Гу Ицунь и экономический либерализм в Китае 1930-х гг.

© 2014

О. Борох

На основании публикаций Гу Ицуня рассмотрены основные идеи китайского экономического либерализма середины 1930-х гг. Проанализированы теоретическая аргументация в пользу свободной экономики, критика советской плановой модели и контролируемой экономики.

Ключевые слова: республиканский Китай, экономическая наука, свободная экономика, международная торговля, индустриализация

В республиканский период в Китае сформировались различные течения либерализма, впитавшие в себя многообразие западной мысли. Китайские либералы уделяли большое внимание развитию демократии, раскрепощению человека, освобождению его от оков традиции. К проблемам экономической свободы и рыночных отношений интереса они не проявляли.

Эта особенность характерна для китайской либеральной мысли. По словам современного исследователя Лю Цзюньнина, она отвергала рыночную экономику и «системным образом игнорировала экономический либерализм». «В родословной китайского либерализма нового и новейшего времени экономический либерализм никогда не занимал места, соответствующего его значимости. Относительно проблем экономики либералы хранили молчание или даже выступали с направленными против экономического либерализма хрестоматийными суждениями о “равном богатстве”, “плане”, “третьем пути”. Даже такой выдающийся либерал как Ху Ши, говоря об экономической модели, также хвалил плановую модель Советской России. В экономических вопросах почти все либералы 40-х гг. придерживались социал-демократического направления, они высоко поднимали знамена “равного богатства” и “смешанной экономики”, воспевая вещи, которые Хайек осуждал как путь к рабству»¹.

Почему интеллектуалы республиканского Китая не интересовались проблемами свободной рыночной экономики, не стремились к углубленному изучению проблем прав собственности и экономической свободы? Это объяснялось прежде всего воздействием конфуцианской традиции, в соответствии с которой «благородный муж не рассуждает о выгоде», а также распространенными суждениями, что экономические проблемы поверхностны, не имеют большого научного значения, и потому о них не стоит говорить. Видя, что рыночная экономика несовершенна и ей присущи многочисленные недостатки, либералы полагали, что проблемы политики и культуры более насущны и заслуживают приоритетного внимания².

Можно указать на две основные причины отторжения экономического либерализма в Китае 1930-х гг. Прежде всего, это моральное неприятие капитализма, усиле-

ния эксплуатации трудящихся, утверждения всеобщего стремления к извлечению прибыли. Не менее весомым было националистическое отрицание политики иностранного империализма, превратившего международную торговлю и инвестиции в инструмент эксплуатации Китая. Ведущее положение заняли марксисты, призывавшие страну к революции, а также сторонники контролируемой экономики, которые не отрицали частную собственность, но стремившиеся превратить государство в главную силу экономического развития.

Экономический либерализм был в Китае в первой половине 1930-х гг. редко, и потому идеи его немногочисленных последователей заслуживают самого пристального изучения. Одним из сторонников этого течения был Гу Ицюнь (Гу Цзигао, 1900–1992). В 1921 г. после обучения на подготовительном отделении Пекинского университета он отправился в США и получил в Индианском университете, в Университете штата Огайо и в Нью-Йоркском университете степени бакалавра, магистра и магистра делового администрирования. В 1924 г. вернулся в Китай, в 1936 г. занимал должность советника Исполнительного юаня, работал в банковской сфере, в начале 1940-х гг. — в Министерстве финансов. Ученый разрабатывал планы денежной реформы 1935 г., готовил китайско-американское соглашение 1936 г. о покупке Соединенными Штатами серебра у Китая. Принимал участие в Бреттон-Вудской международной конференции, в 1946 г. был назначен исполнительным директором Международного валютного фонда, представляющим Китай, и переехал в США. После выхода на пенсию в 1966 г. постоянно проживал на Тайване³.

До настоящего времени в Китае и за его пределами не появилось специальных работ, посвященных анализу экономических воззрений Гу Ицюня. Среди современных китайских авторов, обращавшихся к изучению его теорий, следует отметить Сунь Дацюаня, который отнес Гу Ицюня к представителям экономического либерализма и отметил влияние Ф. фон Хайека на его взгляды⁴. Позиция Гу Ицюня рассматривается в работах Сун Личжи и У Миньчао о реакции китайских ученых на Великую депрессию, Ли Жунли о китайских исследованиях проблем внешней торговли в республиканский период, Чжун Сянцзя о либеральных экономических идеях в истории Китая⁵.

В статье анализируются публикации Гу Ицюня 1935 г., посвященные поиску путей вывода Китая из экономического кризиса. Они были написаны после возвращения из зарубежной поездки, в ходе которой ученый в течение года изучал денежные системы США и стран Европы. Гу Ицюнь предложил ряд рекомендаций в области экономической политики, прежде всего относительно денежной реформы и внешней торговли. На основании либерального подхода он сопоставил различные модели экономического развития и оценил, насколько они соответствуют потребностям Китая.

Три типа экономики

Гу Ицюнь рассмотрел три модели экономики, способных определить путь развития Китая. Первый тип экономики — советское плановое хозяйство, где средства производства находятся в общественной собственности. Предпосылка этой системы — «абсолютно диктаторское правительство», подчиняющее себе людей. Второй тип — контролируемая экономика, основанная на частной собственности. Она нацелена на проведение индустриализации с использованием методов государственного вмешательства в экономику для противодействия влиянию извне. Третий тип — это частная экономика, где контроль государства направлен на поощрение свободной конкуренции, предотвращение монополизма и обеспечение рационального распределения богатства.

Ученый также сформулировал три критерия оценки экономических систем, которые были применены к анализу трех типов экономики. Это, во-первых, способность системы обеспечить рациональное и сбалансированное увеличение капитала, во-вторых,

способность саморегулирования в условиях изменения экономической конъюнктуры без большого ущерба для общества. и, в-третьих, способность обеспечить справедливое рациональное распределение дохода для поддержания в обществе достойного уровня покупательной способности⁶.

Советская модель

Китайский ученый признал, что советская экономика смогла обеспечить накопление капитала для ускоренного развития производства средств производства, пожертвовав ради этого народным потреблением. Однако, по его мнению, формулировку «сегодняшнее богатство важнее будущего богатства» можно считать экономическим законом. В других странах люди занимаются накоплением добровольно, их сбережения идут на создание капитала, будущее богатство и сегодняшнее богатство взаимно сбалансированы. В СССР, по оценке Гу Ицюня, правительство сокращает потребление насильственно, а полученные накопления нередко уходят в производства, не приносящие гарантированного успеха.

Вывод ученого: советская экономика не соответствует ни одному из трех критериев — она не способствует сбалансированному накоплению капитала, не откликается на изменения конъюнктуры и не обеспечивает гражданам справедливое вознаграждение. Установленные властями низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию несправедливы по отношению к крестьянам. В условиях хронического дефицита жители СССР стремятся к получению «особых прав», дающих возможность приобрести широкий ассортимент товаров по низким ценам. Поскольку при отсутствии свободной конкуренции о настоящих издержках предприятия узнать невозможно, в советской системе полностью исключена возможность экономического расчета. В СССР нет критериев для оценки того, какой товар следует производить раньше, а какой — позже, какого товара нужно много, а какого — мало. В итоге все определяет субъективное мнение людей, составляющих план. Это делает трудовые затраты высокими, а достижения — небольшими⁷. Примечательная особенность рассуждений Гу Ицюня заключается в широком использовании фактического материала, иллюстрирующего недостатки советской экономики — товарный дефицит, низкий уровень потребления, плохое качество продукции. Эти сведения ученый почерпнул из западных изданий, прежде всего из книги покинувшего СССР экономиста Б.Д. Бруцкуса «Экономическое планирование в Советской России»⁸.

Вместе с тем, Гу Ицюнь хотел найти свидетельства движения советской экономики к рынку, подтверждающие либеральный тезис об универсальности рыночного механизма. Он указал, что к середине 1930-х гг. СССР отказался от замыслов мировой революции, вступил в Лигу наций, в области экономики от централизации прав стал переходить к их рассредоточению, заявил об изменении системы международной торговли, закрытии валютных магазинов «Торгсина», привязке рубля к франку. «Все эти действия демонстрируют поражение контролируемой экономики и восстановление рыночной экономики, — это должны принять во внимание выступающие с предложениями контролируемой экономики в нашей стране»⁹.

Китайский ученый полагал, что из-за отказа от рыночного регулирования на первое место в советской системе выходит способность правительства держать ситуацию под контролем с помощью инструментов политического подавления. Он заявил, что Китай опирается в политике на сформулированные Сунь Ятсеном «три народных принципа» и принципиально отличается от СССР, поэтому для заимствования советской плановой экономической системы, полностью подчиненной государству, разумных оснований нет¹⁰. Гу Ицюнь также отверг теоретическую возможность перехода всех стран мира к плановой экономике, так как этот сценарий повлечет хаос, вызванный полной утратой рыночных ориентиров в международном разделении труда¹¹.

Гу Ицюнь заметил, что советский «пятилетний план является, по сути, планом обороны, он снижает темпы производства предметов потребления, и ускоряет темпы производства средств производства, чтобы создавать самолеты, пушки и другую военную продукцию»¹². Плановую экономику СССР можно считать «экономикой военного времени, призванной добиться решения задач обороны, а не благосостояния для людей». Однако, по словам китайского ученого, «сейчас в СССР не военное время»¹³.

Это замечание выявило слабое звено в аргументации ученого, видевшего связь между ростом международной напряженности и всплеском популярности идей государственного управления экономикой: «С тех пор как карьеристы из разных стран горячо готовятся к войне, экономисты вновь стали повторять абсурдные теории, и учение о контролируемой экономике на время вошло в моду»¹⁴. Однако Гу Ицюнь не рассматривал возможность заблаговременной подготовки Китая к конфликту с помощью государственного планирования и предлагал переходить к мобилизационной экономике лишь после того, как разразится война. По его мнению, только в период войны власти имеют право ввести всеобщий контроль и пожертвовать благосостоянием народа, «чтобы все виды экономической деятельности людей были использованы в интересах войны»¹⁵. Подобная позиция игнорировала угрозу столкновения с сильным агрессором наподобие Японии или Германии, заранее осуществившим полную милитаризацию собственной экономики.

«Я вовсе не отрицаю успехов России в обороне и осуществлении крупных проектов, но я глубоко верю, что этой системе не следует завидовать», — заявил Гу Ицюнь¹⁶. Он сравнил советские достижения с сооружением египетских пирамид, постройкой Великой стены при императоре Цинь Шихуане и прокладкой Великого канала при императоре Ян-ди в эпоху Суй. Экономисты признают величие этих проектов, однако не считают их экономически оправданными, поскольку полученное народом вознаграждение не соответствовало принесенным жертвам. Правильность этого мнения подтверждает и то, что династии Цинь и Суй сменились в результате революций. «Экономическая система и политика, которые сегодня нужны Китаю, должны быть такими, чтобы мы с наименьшими жертвами могли быстро достигнуть уровня современных государств, и в то же время взрастить привычки демократической политики. Осуществление плановой экономики, боюсь, для этого не подходит!»¹⁷.

Контролируемая экономика

В середине 1930-х гг. китайские экономисты уделяли большое внимание изучению зарубежного опыта экономического контроля при сохранении частной собственности. По мнению Гу Ицюня, государство использует ради поддержки индустриализации защитные пошлины, контроль и другие методы, чтобы противостоять воздействиям извне. Такая система приводит к возникновению монополизма и появлению класса крупных капиталистов¹⁸.

Сторонники государственного протекционизма появились среди китайских экономистов еще в 1920-е гг. К примеру, в пользу широкого изучения идей Фридриха Листа высказывался один из ведущих экономистов республиканского периода Ма Иньчу¹⁹. Гу Ицюнь отметил, что в Китае есть группа ученых, которая считает Листа экономистом-государственником, выступавшим за хозяйственную самостоятельность. Однако они ошибаются, ссылаясь на имя Листа для обоснования призывов к закрытости экономики и введению защитных пошлин для сельского хозяйства²⁰.

Гу Ицюнь признавал, что Лист предлагал государству в начальный период промышленного развития покровительствовать промышленности и вводить защитные пошлины²¹. Однако немецкий экономист также утверждал, что таможенное покровительство не должно распространяться на сельское хозяйство. Этот тезис был весьма актуальным в контексте обсуждавшихся в Китае 1930-х гг. планов усиления протекционистской

политики. Более того, Лист указывал, что свободная торговля с передовыми экономика-ми способна стимулировать развитие отстающих стран.

Гу Ицюнь заключил, что рекомендации Листа не содержат значительных расхождений с ортодоксальной экономической школой, делающей упор на международное разделение труда. После того, как «молодая» отрасль обретет конкурентоспособность на мировых рынках, немецкий экономист предлагал лишать ее государственного покровительства, что не противоречит идеям экономического либерализма²².

По мнению Гу Ицюня, история экономического развития Германии, США и Японии показывает, что предложения Листа были выполнены там наполовину. После того, как промышленность этих стран стала конкурентоспособной, ее защиту ослаблять не захотели. В результате нагрузка на большую часть населения увеличилась, возникли многочисленные дисбалансы в экономике — именно тогда зародился экономический эатизм, набравший силу в 1930-е гг. Защитные пошлины привели к монополизму во многих отраслях американской промышленности, повышение пошлин сделало для других стран невыгодным обмен с США, в чем, с точки зрения Гу Ицюня состояла одна из причин мирового экономического кризиса.

Несмотря на успехи в накоплении капитала, заметил Гу Ицюнь, монополизм под покровительством государства несовместим со сбалансированным развитием экономики. Сначала монополистические капиталисты под предлогом сохранения «стабильной рыночной обстановки» предотвращают изменения конъюнктуры. Потом они уже не могут их сдерживать, и колебания становятся резкими, возникают явления безработицы и банкротств. Что касается справедливого и рационального распределения, то в условиях монополизма потери потребителей превышают выгоды монопольных производителей. Это порождает заметное неравенство в доходах членов общества, и в результате создается почва для появления радикальных идей, что можно видеть на примере ситуации в Японии и Германии²³.

Гу Ицюнь заявил, что готов поддержать контролируруемую экономику в Китае, если контроль будет сводиться к деятельности правительства по предотвращению появления монополий и к надзору над отношениями между капиталистами и рабочими в интересах благосостояния масс. Он выразил уверенность, что китайское правительство сможет приложить максимальные усилия в процессе будущего экономического строительства. У властей больше подготовленных кадров, чем на частных предприятиях, многие важные отрасли — железные дороги, телеграф, финансы, судоходство — находятся в руках правительства. «Меры экономической политики правительства, — считает ученый, — оказывают большое влияние на национальную экономику, поэтому “недеяние” (увэй) правительства в экономике [Китаю] не подходит»²⁴.

Либеральная модель

Необходимость государственного вмешательства в экономику Гу Ицюнь усматривал в том, чтобы не допустить появления особых прав у отдельных индивидов и групп, предотвратить нарушение ими свободы других. Истоки такой политики он обнаружил у Адама Смита, который в споре с меркантилистами исходил из общественной справедливости и всеми силами пропагандировал *laissez faire*, добиваясь, чтобы класс с особыми правами был уничтожен и большинство людей могли развиваться свободно²⁵.

На фоне царившего в китайской экономической науке 1930-х гг. увлечения идеями государственного руководства хозяйственным развитием Гу Ицюнь заявил, что либералы не выступают против государства и не исключают его из своих экономических концепций. Он подчеркивал, что и сам Смит не отвергал необходимости выборочных «сверхэкономических жертв», допуская возможность действий в интересах государства без учета экономических интересов людей в тех случаях, когда «выгодно наложить неко-

торые тяготы на иностранную промышленность в целях поощрения промышленности отечественной»²⁶.

По мнению Гу Ицюня, государство является исходной точкой для обсуждения ортодоксальной школой любой экономической теории — будь то производство и распределение национального дохода, условия обмена в международной торговле, налоговая нагрузка на граждан, проблемы народонаселения, денежной политики. Вместе с тем, эта школа предлагает гармонизацию интересов индивида и государства, а также экономических интересов различных государств в мировом хозяйстве; она не поддерживает классовую борьбу внутри стран и экономические войны в мире. Если правительство сможет с помощью законов предотвратить появление монополий, обеспечить спокойствие в обществе и исключить чрезмерные риски для предприятий, то интересы различных классов будут скоординированы и конфликты не возникнут. Экономический контроль, за который выступает ортодоксальная школа, состоит из многочисленных шагов общественных преобразований, которые осуществляются в нужное время и частями, а не как целый план. По словам Гу Ицюня, это объясняется тем, что либералы не верят в этатизм²⁷.

Гу Ицюнь отмечал, что на основании рациональных заключений сторонники ортодоксальной школы приходят к вере в возможность гармонизации выгод и убытков в отношениях национальных экономик с мировой экономикой. Несмотря на различия в уровнях развития производительных сил и уровнях жизни в разных странах, размеров и плотности их населения, принципы международного разделения труда могут по-прежнему использоваться. Каждая страна должна развивать производства, в которых ее позиции наиболее сильны, и осуществлять взаимный обмен продукцией с другими странами. Ученый нарисовал идеальный образ мирового хозяйства, в котором свободная торговля способствует развитию отстающих экономик: «Все страны для наибольшего обмена товарами, а передовые страны — для помощи отсталым в развитии промышленности, должны иметь единую денежную единицу в виде международного золотого стандарта, максимально разрешать свободное обращение товаров — снижать пошлины и заключать торговые договоры наибольшего благоприятствования, передовые страны должны инвестировать в отсталые, чтобы развивать их производительные силы и чтобы весь мир наслаждался совместным процветанием»²⁸.

Эта теоретическая конструкция мало соответствовала реальности предвоенного мира 1930-х гг., с трудом вышедшего из кризиса. Гу Ицюнь был вынужден признать расхождение между «хладнокровными суждениями» теории и фактическими «эмоциональными действиями людей». Он признал, что в последние годы во многих странах получили широкое распространение идеи замкнутой национальной экономики, сторонники которой ставят под сомнение выгоды международной торговли и инвестиций и предлагают руководствоваться принципами самообеспечения. Однако попытка осуществления этих идей повлекла резкое понижение уровня жизни населения. «В результате вера либеральных ученых в мировое сотрудничество еще более окрепла»²⁹.

Напомнив о неразрывной связи экономического либерализма и политической демократии, Гу Ицюнь счел наблюдавшиеся в 1930-е гг. во всем мире снижение эффективности демократий и переход к диктатуре временным явлением. Он выразил уверенность в том, что в будущем демократия восстановится, а экономический либерализм заменит все прочие системы государственного контроля над экономикой. Функции государства будут заключаться лишь в поддержании справедливой конкуренции и разделения труда в интересах обеспечения наибольшей общественной и экономической эффективности производства и распределения товаров и трудовых услуг.

Переход к либеральной модели организации общества, по мнению китайского ученого, позволит людям свободно развиваться, не сталкиваясь с монополизмом и другими ограничениями производства. Хотя полностью избежать изменений конъюнктуры не удастся, гибкость экономической организации облегчит осуществление регулирования.

Появится возможность предотвращения экономических войн, которые наносят ущерб другим государствам и не приносят пользы своей стране. Доходы у капиталистов, которые несут риски, по-прежнему будут выше, чем у рабочих. Однако на фоне снижения рисков в экономике и достижения стабильности в обществе правительство перестанет оказывать тайную поддержку капиталистам, и это дает основания верить, что доля процента и прибыли в национальном доходе с каждым годом будет уменьшаться, а доля зарплат — увеличиваться³⁰.

На основании сравнения трех типов экономики Гу Ицунь заявил, что либеральная система «имеет сравнительно мало недостатков, ее легко осуществить»³¹. Именно она поможет Китаю претворить в жизнь заветы Сунь Ятсена, поскольку поставленные основателем республики цели обеспечения равных прав на землю и ограничения капитала могут быть достигнуты, если будет предотвращено появление монополий и крупных капиталистов.

Проблемы развития Китая

Гу Ицунь уделял большое внимание использованию экономической науки для изучения проблем Китая — в этом контексте он рассматривал спор между либерализмом и марксизмом. Ученый опасался, что увлечение поверхностно изложенными марксистскими идеями отвлечет молодежь от освоения настоящей высокой теории. Он выражал надежду, что его «устаревшие рассуждения» помогут хотя бы нескольким молодым китайским экономистам понять, что экономическая наука не сводится к обсуждению «прибавочной стоимости» и «классовой борьбы», побудит их обратиться к изучению экономической теории «различных современных направлений»³².

Ученый напомнил коллегам-экономистам об их ответственности за будущее Китая. По его мнению, авторы многочисленных китайских публикаций на тему экономического кризиса не обладают необходимыми познаниями, они подстраиваются под настроения общества и обращаются к людским эмоциям³³. Нечто похожее происходило в начале 1930-х гг. и в других странах. «В условиях экономической депрессии повсеместно появляются различные предложения социальных преобразований. Выступающие с этими предложениями люди, хотя и обладают определенными экономическими знаниями, но у большинства познаний недостаточно»³⁴. Вместе с тем, Гу Ицунь указал, что идеи социальных преобразований в Китае и на Западе имеют разный облик. За границей — за исключением России — в экономических спорах влияние марксизма и социалистической мысли невелико. «Напротив, когда в Китае начинают говорить об экономических проблемах, только ученые-марксисты поднимают голову. Многие статьи наполнены словами “противоречие”, “демпинг”, “отношения эксплуатации”, будто если так не делать это не будет обсуждением экономической науки»³⁵.

Гу Ицунь критиковал китайских сторонников марксизма за чрезмерное увлечение лозунгами «свержения господства империализма в Китае» и нежелание разрабатывать проекты экономического развития, направленные на решение реальных проблем страны. Сам он называл «империализм» «бессодержательным термином», не позволяющим объяснить суть последних изменений в экономике Китая и кризис внутри империалистических государств Запады³⁶. Как отметила современная исследовательница У Миньчао, «либеральные экономисты не хотели использовать слово “империализм”, оно даже вызывало у них неприязнь, они старательно избегали эту сильно политизированную лексику, чтобы сохранить “чистоту” науки»³⁷.

Другую особенность китайской ситуации Гу Ицунь видел в том, что за рубежом обсуждение контролируемой экономики уже отошло от эмоциональных или этических суждений. Тем временем в Китае многие публикации изобилуют эмоциональными суждениями при недостатке разумных экономических заключений. Различаются и сферы уг-

лублинных профессиональных исследований. За рубежом многие экономисты полагают, что изменения ценности денег влияют на экономику в целом, там появились специалисты, выдвигающие теории недопотребления, чрезмерного инвестирования, чрезмерных сбережений. Однако в Китае авторы, пытающиеся рассуждать о «денежной революции», не обладают необходимыми профессиональными познаниями, а марксисты отрицают важность проблемы денег³⁸.

Главными причинами кризиса в Китае Гу Ицунь считал нестабильность денег и торговый протекционизм. Ученый призвал правительство Китая избегать прежних ошибок властей США и Японии, допустивших появление крупных монополий. Следует ослабить защитные пошлины уже созданных отраслей промышленности, чтобы не возникла ситуация, когда жизнь людей не улучшается, а крупные капиталисты обогащаются³⁹. Введение правительством пошлин для защиты некоторых отраслей может привести к тому, что они будут наслаждаться процветанием лишь недолгое время. Когда данная отрасль получит чрезмерную прибыль, в нее устремятся другие, в результате прибыль снизится. Если в это время правительство снимет защитные пошлины с данной отрасли, прибыли превратятся в убытки. Сторонники протекционизма говорят, что после перехода «молодой» отрасли в «зрелое» состояние защиту можно будет снять. Однако Гу Ицунь назвал эти рассуждения «пустыми книжными словами» — в других странах капиталисты, разбогатевшие на высоких защитных пошлинах, не позволяют их отменить, не желая видеть, как будет уменьшаться их капитал⁴⁰.

Поддержание социальной стабильности ученый считал одной из предпосылок развития республиканского Китая, охваченного внутренними распрями. Гу Ицунь призвал правительство в начальный период индустриализации обращать особое внимание на благосостояние людей. Он отметил, что во многих государствах на новых предприятиях не заботятся об условиях труда и материальном положении рабочих. Осознание важности этих проблем приходит поздно, к тому времени появляется много люмпенизированных рабочих, резкое повышение жалованья которых может привести предприятие к банкротству. При создании новых предприятий китайское правительство должно извлечь урок из негативного опыта других стран⁴¹.

Гу Ицунь был сторонником контроля над рождаемостью. Он выступал против копирования опыта СССР, где ограничения рождаемости нет, и считал одной из главных причин бедности Китая быстрый рост численности населения. По его мнению, пропаганда сокращения рождаемости уменьшит тяготы семей рабочих и крестьян, и через некоторое время уровень жизни и покупательная способность китайцев повысятся. В противном случае «живущие как лошади и коровы» людские массы никогда не выберутся из бедности⁴².

Ученый призвал развивать сельское хозяйство, являющееся источником ресурсов для индустриализации. Аграрный Китай должен использовать современную иностранную технику, позволяющую уменьшить издержки в сельском хозяйстве. В то же время Гу Ицунь категорически выступал против введения высоких защитных пошлин или нормированного распределения сельскохозяйственной продукции. Если эти меры будут применены, то капитал останется в сельскохозяйственном производстве, возникнут ограничения для развития экспортных отраслей, остановится индустриализация Китая⁴³.

Гу Ицунь отмечал, что в отношении продукции сельского хозяйства действует принцип сравнительных издержек. За предшествующие два десятилетия китайские приморские города постепенно стали местом сосредоточения промышленности и населения. Чем больше население, тем больше ему требуется продовольствия. Поскольку внутри страны нет избытка производства зерна, закупка дешевого продовольствия за рубежом выгодна городским рабочим, она также способствует проведению индустриализации. Ученый с оптимизмом оценил информацию о росте импорта сырья для промышленности — например, хлопка. Рост ввоза хлопка стал свидетельством того, что

уменьшился импорт готовой продукции, в китайской хлопкопрядильной промышленности наметился прогресс. В то же время увеличение площадей под выращивание хлопка и объемов его производства показывает, что импорт хлопка не оказал влияния на производство внутри страны⁴⁴.

По мнению Гу Ицюня, привлечение иностранного капитала представляет собой «самый простой способ развития Китая», его надлежащее использование создаст дополнительную преграду на пути стремления иностранцев захватить богатства страны. Ученый полагал, что нет оснований добиваться ликвидации иностранных предприятий в Китае. Он призвал критиков обращать внимание не только на прибыль зарубежных акционеров, но и на их расходы на зарплаты и сырье. Если иностранцы, построившие в Китае предприятия, используют китайское сырье и платят зарплату местным рабочим, это способствует росту национального дохода страны, а прибыль акционеров в данном случае вовсе не чрезмерна. «Сейчас в Японии создается много иностранных заводов, неужели японцы не понимают экономической науки?» — заметил ученый⁴⁵.

При обсуждении перспектив индустриализации Китая Гу Ицюнь признал важную роль правительства в этом процессе, поскольку многие отрасли тяжелой промышленности не могут быть созданы без поддержки государства. Однако в остальных отраслях правительство должно предоставить предпринимателям возможность свободно открывать новое дело, не позволяя крупным капиталистам занимать монопольное положение. Также следует поощрять косвенные долгосрочные инвестиции иностранцев в китайский рынок ценных бумаг и создание производств на территории Китая. В случаях, когда некая продукция необходима, но из-за технической отсталости и нехватки капитала китайцы не могут сами создать предприятия — к примеру, крупные заводы по производству автомобилей, самолетов, резиновых шин, судов, следует договариваться с иностранцами и предоставлять им благоприятные условия. При этом необходимо добиваться, чтобы иностранцы подготовили китайских технических работников и через несколько лет передали эти заводы Китаю⁴⁶.

Китай и мировая экономика

Гу Ицюнь называл себя сторонником школы «международного экономического равновесия» (international economic equilibrium), учение которой опирается на три простых либеральных принципа: разделение труда, частное производство, свободный обмен. Реализация этих принципов в мировых масштабах способствует всеобщему развитию экономики, когда все участники процесса получают выгоду. Если отстающие страны, к которым относится Китай, действительно хотят развивать экономику, они должны участвовать в мировой экономике⁴⁷.

Ученый исходил из того, что в силу различий в географическом положении и производственных навыках разные страны обладают преимуществами в производстве какого-либо товара по сравнению с производством других товаров. Международный обмен товарами, произведенными на основании имеющихся преимуществ, выгоден всему миру. Эту идею Гу Ицюнь проиллюстрировал с помощью метафоры о профессоре и рикше.

«Предположим, что профессор университета имеет способность изучать науки, а также способность тащить повозку, которые выше, чем у его рикши. Будет ли он, с одной стороны, упорно заниматься и в то же время тащить повозку, или наймет рикшу, который будет тащить повозку, а сам сосредоточится на занятиях? Мы знаем, что если профессор наймет рикшу, а сам будет упорно заниматься исследованиями, это будет выгодно профессору, тому, кто тащит повозку, а также обществу. Это соответствует экономическим принципам. Предположим, что профессор будет одновременно вести исследования и тащить повозку, то же самое будет делать и тот, кто тащит повозку, тогда оба человека и об-

щество окажутся в убытке. Если у тащащего повозку нет способностей к исследованиям, то когда профессор затратит все силы на исследование, тащащему повозку будет легко оказать трудовую услугу, это не будет его эксплуатацией. Если у тащащего повозку есть желание вести исследования, но нет способностей, это бесполезно. Он может продолжать активно вести повозку и тратить оставшиеся силы на исследования, чтобы выйти в будущем в люди. Если он не может исследовать и не хочет везти тележку, проклиная профессора как эксплуататора, значит, он сознательно примирился со своей отсталостью, тут нельзя найти лекарство для спасения»⁴⁸.

Эти слова Гу Ицуня вызвали критическую реакцию. В те годы наиболее вероятным казался сценарий, при котором западный «профессор» будет ездить на китайском «рикше» без перспективы улучшения ситуации для последнего. Стремление избежать постоянного закрепления ролей в сложившемся разделении труда между передовым Западом и отсталым Китаем повышало весомость аргументов сторонников антиимпериалистической революции и проведения ускоренной модернизации под руководством государства.

Против точки зрения Гу Ицуня в феврале 1935 г. выступил политический деятель Чжан Найци. Он критически отозвался о тех, кто выступает за интернационализацию рынка и снятие таможенных барьеров, рекомендует отсталому Китаю покупать дешевые зарубежные товары для повышения благосостояния народа, надеясь на то, что пассивное сальдо во внешней торговле может превратиться в зарубежные инвестиции. «Они полностью отрицают неэквивалентный обмен, говорят, что когда тянувший повозку везет профессора — это нельзя считать неэквивалентным обменом». Используя образный пример оппонента, Чжан Найци заявил, что у рикши уже иссякли силы, а профессор дал ему совсем мало денег: «Ах! Почему же мы должны стать теми, кто тащит повозку? Это определено судьбой? Почему мы не можем сохранить за собой человеческий статус и хоть немного научиться технике? Почему другие страны могут в ходе крупномасштабного строительства национальной экономики ввозить иностранный капитал и технику?» Он заявил, что позиция Гу Ицуня представляет собой «классическую рабскую философию»⁴⁹.

Гу Ицунь соглашался с тем, что Китай не хочет подвергаться иностранной эксплуатации, однако для изменения ситуации нужно следовать мировым тенденциям. Он полагал, что ключевой особенностью развития в те годы было использование новой техники и оборудования для производства дешевой продукции. Китаю нужно действовать в том же направлении, что и другие страны — «скромно спрашивать совета» у иностранцев, привлекать зарубежные кадры и инвестиции. Если же победят сторонники самообеспечения и «отказа от торговли», то человечество будет с каждым шагом прогрессировать, а Китай застынет на прежнем уровне. В этом случае страна окажется в положении проживающей в провинции Гуйчжоу народности мяо, которая отказывается вести торговлю с ханьцами и потому не может выйти из состояния отсталости⁵⁰.

Изучение опыта советской централизованной экономики также побудило Гу Ицуня высказаться в пользу открытости внешнему миру: «Советская Россия использовала плановую экономику, это привело к отрыву системы цен и издержек от мировой, в результате народ переживает огромные трудности. Сейчас Китай должен стремиться к тому, чтобы подстраиваться к [мировому] влиянию, а не к тому, чтобы скрыться от него. Китай страдал сто лет, поскольку не захотел пораньше признать необходимость соответствовать мировым тенденциям. Неужели сегодня еще не осознали этого?»⁵¹.

Ученый заявил, что призывы к самоизоляции основаны на ошибочных предположениях. Звучали утверждения, что Китай может отказаться от торговли с внешним миром, поскольку располагает большой территорией и емким внутренним рынком. Однако многие иностранные специалисты отмечают, что китайские ресурсы вовсе не столь богаты, их нельзя ставить в один ряд с ресурсами США или Советской России. Гу Ицунь за-

метил, что страна может гордиться лишь большим населением, но оно не располагает нужными знаниями и навыками, часто страдает от стихийных бедствий и потому не обладает высокой покупательной способностью. В этих условиях внутренняя торговля остается крайне неразвитой. Даже если Китаю удастся быстро превратиться в современное индустриальное государство с новыми заводами, квалифицированными рабочими и специалистами, достаточным количеством отечественного сырья, что позволило бы по примеру Америки сделать упор на внутреннюю торговлю, отказаться от связей с внешним миром все равно невозможно. На этапе развития попытки ограничения внешней торговли неизбежно остановят индустриализацию, уровень жизни людей останется низким⁵².

Ученый считал, что качественные перемены в экономике Китая стали возможны лишь благодаря расширению связей с мировым хозяйством — до открытия судоходства это была замкнутая экономика с незначительным объемом внешней торговли, в которой «не было гнета со стороны внешних сил, но люди не могли жить счастливо и в довольстве»⁵³. По словам Гу Ицюня, иностранцы с помощью военной силы, неравноправных договоров и дешевой продукции быстро превратили китайское общество из «статичного» (формулировка американского экономиста Дж.Б. Кларка) в «динамичное». Это влияние проявилось в быстром увеличении населения и росте желаний потребителей. Перемены вызвали улучшение методов производства, создали возможности для накопления капитала, привели к прогрессу страны в целом⁵⁴.

По мнению Гу Ицюня, заблуждаются не только китайские консерваторы, недовольные разрушением старого уклада жизни, но и марксисты, видящие в мировой торговле инструмент империалистической эксплуатации слабых стран и колоний. Ученый согласился, что существуют империалистические страны, стремящиеся к угнетению и поглощению соседних государств, однако «это политика правящих классов данных стран, а не обязательный экономический мотив»⁵⁵. Подобное происходит, когда правящие классы не понимают того, что видят просвещенные слои общества — позволить соседу развивать его экономику очень выгодно для экономики своей страны.

Мировая экономика взаимосвязана, подчеркивал Гу Ицюнь, и если в одном месте она остается неразвитой, это невыгодно всем остальным. До начала мирового кризиса условия для международного обмена в Китае становились год от года благоприятнее, после кризиса они резко стали невыгодными. «Хотя ресурсов в Китае меньше, чем в других странах, а людям недостает знаний и навыков, мы глубоко верим, что если не будет настроений пораженчества, и все будут упорно заниматься строительством, Китай должен стать одной из самых богатых и сильных стран мира. Это произойдет потому, что передовые в экономическом отношении государства для собственного счастья не могут долгое время угнетать Китай, а должны содействовать нам»⁵⁶.

Ученый не согласился с заявлениями о том, что империалисты не смогут отказаться от большого китайского рынка из-за стремления к получению сырья и демпингу промышленной продукции. По словам Гу Ицюня, это узкий взгляд «лягушки, сидящей на дне колодца», поскольку замена китайской продукции может найтись в Южной Америке, Африке, Индии. В период высоких цен на серебро такое замещение уже начало происходить, когда возникли трудности со сбытом недорогой китайской продукции наподобие яиц и арахиса; Китаю позволяют продавать лишь свиную шетину и утиный пух, которые не хотят производить другие страны. Ученый заявил, что многие страны не считают торговлю с Китаем особенно важной. Мотивом для развития связей может стать лишь перспектива индустриализации, которая даст возможность иностранному капиталу получать в Китае прибыль. Поэтому Китаю нужно думать не о свержении империализма, а об успехе индустриализации, для проведения которой нужно привлекать инвестиции, не задавая вопросов о том, откуда они поступают. «Если строительство будет успешным, империалисты падут сами», — заключил Гу Ицюнь⁵⁷.

Ключевым условием успешного участия Китая в мировой экономике Гу Ицюнь называл стабилизацию денег. Эта мера обеспечит равновесие внутренней экономики с мировой, расширит внешнюю торговлю, привлечет иностранные инвестиции для проведения индустриализации, успех которой, в свою очередь, позволит без труда поглотить избыточное сельское население. Ученый исходил из того, что денежная реформа стала для Китая насущной необходимостью после изменений в политике США, которые в 1934 г. начали в больших масштабах закупать серебро, что привело к повышению цены серебра и породило серьезные трудности для китайской экономики⁵⁸.

Действия США привели к утрате доверия к китайским деньгам и утечке капитала за рубеж. По мнению Гу Ицюня, Китаю было необходимо отказаться от серебряного стандарта и перейти к новой денежной единице, чтобы восстановить связи китайской экономики с мировой. Он отметил, что многие китайские банкиры и ученые боятся трудностей денежной реформы и хотят заменить ее повышением пошлин на сельскохозяйственную продукцию, однако эта мера лишь усугубит болезни китайской экономики⁵⁹.

Ученый оспорил шаблонную трактовку экономического кризиса в многочисленных китайских публикациях тех лет, называвших утечку серебра результатом пассивного баланса внешней торговли, вызванного демпингом товаров из империалистических стран на китайском рынке. Стандартный набор рекомендаций по спасению китайской экономики сводился к предложениям расширить потребление отечественных товаров и повысить ввозные пошлины на сельскохозяйственную продукцию. Гу Ицюнь заявил, что подобные советы препятствуют экономическому развитию Китая.

Рассуждения о том, что пассивный баланс во внешней торговле наносит вред Китаю, ученый назвал несостоятельными и основанными на эмоциях. Гу Ицюнь исходил из того, что отток серебра из Китая не связан с пассивным балансом во внешней торговле, который наблюдался в стране и до начала кризиса. Если из-за изменения цены на серебро проблема пассивного баланса обрела серьезный характер, нужно заниматься проблемой стабилизации денег, а не пытаться уменьшить пассивный баланс.

Китайский ученый призвал коллег внимательнее изучить предложения Теодора Грегори и Бертиля Олина для Международной торговой палаты⁶⁰. Они выступали за возвращение к золотому стандарту, за снижение пошлин, увеличение зарубежных инвестиций со стороны стран с передовой экономикой и за разрешение отсталым странам иметь пассивный баланс, чтобы они могли принимать иностранные капиталовложения.

Чтобы не создавать препятствий для притока капитала, Гу Ицюнь призвал согласиться с пассивным балансом в торговле. Он отмечал, что если государство не ограничивает импорт, его экспорт тоже большой, но если страна препятствует импорту, экспорт сокращается, поэтому попытка ограничить импорт до объемов экспорта фактически остановит внешнюю торговлю⁶¹. Только активная денежная политика способна обеспечить увеличение экспорта и рост национального дохода страны, сделать его распределение более рациональным, добиться увеличения импорта вместо его сокращения.

В период, когда деньги были нестабильными, китайским промышленным производителям приходилось противостоять качественным иностранным товарам, из-за резких колебаний цен китайцы часто проигрывали в конкуренции. По словам Гу Ицюня, за участие в мировой торговле китайцам пришлось дорого заплатить. Однако после того как Китай признал необходимость стабильных денег, опасность для китайской промышленности и торговли со стороны иностранных товаров заметно уменьшилась, а издержки стало легко рассчитать. Ученый заявил, что сочувствует потерпевшим поражение в естественном отборе китайским предприятиям старого типа, но выступает против того, чтобы правительство предпринимало меры для их защиты⁶².

Заслуживают внимания рассуждения Гу Ицюня о том, что движение в сторону сближения с мировой экономикой невозможно повернуть вспять, не потерпев экономического ущерба. Он отметил, что международная торговля является не только источни-

ком финансового и промышленного капитала, она также помогает прокормить растущее население и поддержать уровень жизни в китайских городах. Последствия разрыва связей с внешним миром будут катастрофическими: «Пройдет крах производителей экспортных товаров, встанет транспорт, остановится расцвет городов, возникнет хаос в обществе»⁶³. Вместе с тем Китаю следует стремиться к избавлению от навязанных иностранцами неравноправных договоров для того, чтобы еще активнее развивать международную торговлю и добиваться возрождения всей экономики.

Основные выводы

Выступления Гу Ицюня в 1935 г. демонстрируют острый полемический настрой китайского экономиста. Его критика идеологии и зарубежной практики контролируемой экономики была нацелена на защиту либерального подхода к формированию долгосрочной стратегии развития страны. Он отверг государственное вмешательство в экономику и торговый протекционизм, уделив большое внимание недостаткам советской плановой модели. Гу Ицюнь призывал к восстановлению авторитета классической «ортодоксальной» экономической науки, подчеркивая, что другие рецепты преодоления последствий мирового кризиса способны завести экономическое развитие в тупик. Ученый указывал на важность регулирующей функции свободного рынка, последовательно отстаивал принципы экономической открытости для внешней торговли и инвестиций.

Хотя в середине 1930-х гг. сторонники либерализма занимали в китайской экономической науке маргинальное положение, последующее развитие Китая подтвердило обоснованность многих аспектов их воззрений. КНР прошла через период копирования советской плановой модели, после чего встала на путь создания полноценной рыночной экономики. Страна смогла извлечь большие выгоды из политики открытости и расширения участия в мировой экономике. Понимание либерализма республиканской эпохи как неотъемлемой части истории китайской экономической науки помогает углубить представления об истоках экономической идеологии современного Китая.

1. Лю Цзюньнин. Предисловие // Бэйда чуаньтун юй цзиньдай Чжунго — цзыючжун дэ сянь шэн [Традиция Пекинского университета и Китай нового времени — предвестники либерализма] / Ред. Лю Цзюньнин. Пекин: Чжунго жэньши чубаньшэ, 1998. С. 8–9.
2. Там же. С. 9.
3. *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан — Чжунго цзинцзи сюэшэ яньцзю (1923–1953) [Рост китайской экономической науки — Исследование китайского экономического общества (1923–1953)]. Шанхай: Шанхай саньянь шудянь, 2006. С. 414.
4. Там же. С. 262–271, 308–310.
5. *Сун Личжи*. 20 шици 30 няндай да сяотяо дэ дунфан хуэйин [Отклик на Востоке на Великую депрессию в экономике в 30-е гг. XX-го в.] // Цзинцзисюэ дунтай. 2011. № 7. С. 89–93; *У Миньчао*. Гунши юй фэньци: да сяотяо шици Чжунго цзинцзисюэжэнь шиэ чжун дэ лесян циньлюэ [Консенсус и разногласия: агрессия держав глазами китайских экономистов в период Великой депрессии] // Гуандун шэхуэй кэсюэ. 2012. № 5. С. 127–135; *Ли Жунли*. Миньго дуйвай маои сысян яньцзю [Исследование идей внешней торговли в республиканский период]. Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ, 2008. С. 109–118; *Чжун Сянциай*. Лунь Чжунго лиши шан дэ цзинцзи цзыю сысян [Об идеях экономической свободы в истории Китая] // Цзинцзи сысян ши пинлунь. Ди эр цзи [Обзор истории экономической мысли. Вып. 2] / Ред. Гу Хайлянь, Янь Пэнфэй. Пекин: Цзинцзи кэсюэ чубаньшэ, 2007. С. 221–236.
6. *Гу Цигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао [Экономическая мысль и социальные преобразования] // Миньцзу. 1935. Т. 3, № 8. 1 авг. С. 1321–1322 (9–10).

7. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу [Действительно ли есть ли большой вред от пассивного баланса для Китая] // Шэжуй цзинцзи юэбао. 1935. Т. 2, № 5. С. 27.
8. *Economic Planning in Soviet Russia / By Boris Brutzkus, with a foreword by F. A. Hayek. Routledge & Sons. 1935.*
9. *Гу Цзигао*. Чжунго синь хоби чжэнцэ юй гоцзи цзинцзи цзюньхэн. Шан [Новая денежная политика Китая и равновесие мировой экономики. Ч. 1] // Дунфан цзачжи. 1935. Т. 32, № 23. 1 дек. С. 9.
10. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 26.
11. Там же. С. 28–29.
12. Там же. С. 27–28.
13. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1326 (14).
14. *Гу Цзигао*. Чжунго синь хоби чжэнцэ юй гоцзи цзинцзи цзюньхэн. С. 9.
15. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1326 (14).
16. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 30.
17. Там же.
18. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1321–1322 (9–10).
19. *Ма Иньчу*. Макэсы сюэшо юй Лишнтэ сюэшо эр чжэ шу и юй Чжунго [Какое из двух учений — Маркса или Листа — подходит для Китая] // Ма Иньчу. Яньцзын цзи [Сб. лекций Ма Иньчу]. Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1924. С. 220–229.
20. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1327 (15).
21. Там же.
22. Гу Ицюнь процитировал слова Листа о том, что торговые ограничения «должны иметь место лишь до тех пор, пока эта промышленность не окрепнет настолько, что для нее не будет страшна иностранная конкуренция, и поэтому в таком лишь размере, насколько это необходимо для покровительства этой промышленности при ее возникновении». См.: *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М.: Изд-во «Европа», 2005. С. 154–155.
23. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1329 (17).
24. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 26.
25. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1329 (17).
26. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 449.
27. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1329 (17).
28. Там же. С. 1330 (18).
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же. С. 1330–1331 (18–19).
32. Там же. С. 1334 (22).
33. *Гу Цзигао*. Чжунго синь хоби чжэнцэ юй гоцзи цзинцзи цзюньхэн. С. 6–7.
34. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1313 (1).
35. Там же. С. 1315 (3).
36. *Гу Цзигао*. Чжунго синь хоби чжэнцэ юй гоцзи цзинцзи цзюньхэн. С. 7.
37. *У Митьчао*. Указ. соч. С. 133.
38. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1316 (4).
39. Там же. С. 1333 (21).
40. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 25.
41. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1332 (20).
42. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 29.
43. Там же. С. 24.
44. Там же. С. 23.
45. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1332 (20).
46. Там же.
47. *Гу Цзигао*. Чжунго синь хоби чжэнцэ юй гоцзи цзинцзи цзюньхэн. С. 9.
48. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 16.
49. *Чжан Найци*. Цзинцзи лунычжэн чжун дэ лян тяо лусянь [Два курса в экономических спорах] / Чжан Найци вэньцзи. Шан цзюань [Сочинения Чжан Найци. Т. 1]. Пекин: Хуася чубаньшэ, 1997. С. 244–245.
50. *Гу Цзигао*. Цзинцзи сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1320 (8).

51. Там же. С. 1334 (22).
52. Там же. С. 1319–1320 (7–8).
53. Там же. С. 1320 (8).
54. *Гу Цзигао*. Чжунго синь хоби чжэнцэ юй гоцзи цзинци цзюньхэн. С. 10.
55. *Гу Цзигао*. Цзинци сысян юй шэхуэй гайцзао. С. 1320 (8).
56. Там же.
57. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 22.
58. *Гу Цзигао*. Чжунго синь хоби чжэнцэ юй гоцзи цзинци цзюньхэн. С. 9.
59. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 26.
60. Т. Грегори (1890–1970) — английский экономист, автор книг по проблемам золотого стандарта, валютного курса и тарифов. Б. Олин (1899–1979) — шведский экономист, лауреат Нобелевской премии 1977 г. за вклад в теорию международной торговли и международного движения капитала.
61. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 22.
62. *Гу Цзигао*. Чжунго синь хоби чжэнцэ юй гоцзи цзинци цзюньхэн. С. 10.
63. *Гу Цзигао*. Жу чао го юй Чжунго ю да хай фоу. С. 21.

История

Посольский церемониал традиционной китайской дипломатии. Аудиенции в императорском дворце.

(По материалам Статейного списка российского посланника С.Л. Владиславича-Рагузинского. 1725–1729 гг.)

© 2014

А. Ипатова

Посольский церемониал — важнейшая составляющая даннической системы традиционного Китая, направленной на утверждение его превосходства над всеми другими государствами. Он был призван служить наглядной и убедительной демонстрацией незыблемости этой вертикали. Твердая и последовательная позиция С.Л. Владиславича позволила ему основательно поколебать многовековые устои посольского церемониала, в том числе и центральную его часть — аудиенцию у императора.

Ключевые слова: Россия, С.Л. Владиславич-Рагузинский, Кяхтинский договор 1728 г., Цинский Китай, данническая система, посольский церемониал, аудиенция в императорском дворце, поклон «коутоу».

Уровень межгосударственных отношений Цинского Китая¹ с Русским государством в XVII и тем более в XVIII вв. принципиально отличался от его контактов с другими странами. Россия не только направляла к цинскому двору свои посольства, но и в 1-й трети XVIII в. принимала у себя посольства Срединного государства вопреки китайскому обыкновению не выезжать из страны². Некоторые из послов были приняты российскими и китайскими монархами.

В этом взаимодействии империй, принадлежащих к разным мировым цивилизациям, Россия действовала в соответствии с нормами европейской дипломатической школы, основанными на принципе равенства суверенных государств и, следуя этой традиции, стремилась строить с Цинским Китаем межгосударственные связи на основе равноправия.

Цины, убеждая Россию в своем желании вечного мира, дружбы и равенства, навязывали ей отношения в традициях даннической системы, важным компонентом которой был веками разрабатывавшийся и неукоснительно соблюдавшийся в традиционном Китае посольский церемониал. Как и другие составляющие китайской дипломатии, он был направлен на утверждение превосходства Срединного государства над народами и странами «четырёх морей» или «четырёх сторон». При приеме иностранных послов

именно церемониалу и этикету, как наиболее наглядной и убедительной демонстрации вертикали «сюзерен-вассал», китайская дипломатия, а цинская особенно, придавала исключительное значение.

Наиважнейшим элементом посольского церемониала служил чуждый для европейской дипломатии поклон «коутоу», который послы должны были исполнять во время аудиенции у императора, и чего цинская сторона неукоснительно добивалась от них любой ценой. «Коутоу» — важнейший элемент китайского дворцового церемониала. Сложился он еще в VII в. для приема послов сопредельных государств, находившихся в зависимом от Китая положении. С расширением внешних связей распространился на всех прибывавших в Пекин послов любых государств. Исполнять его должны были и китайские чиновники на приеме у императора. Во время исполнения «коутоу» следовало, трижды став на колени, совершить по три земных поклона. Всего девять. Церемониал предусматривал также предварительную репетицию перед табличкой с именем императора или перед пустым троном¹.

Отказ посла от исполнения «коутоу» автоматически вел к отмене аудиенции в императорском дворце и последующему выдворению его из Китая, что и произошло с первым официальным послом Русского государства Ф.И. Байковым (1653–1657), действовавшим в соответствии с «Наказом» своего правительства, разрешавшего ему «поклониться» перед цинским императором «по обычаю рядовым поклоном».

Однако и заранее санкционированное из Москвы вынужденное исполнение «коутоу» другим российским послом Н.Г. Спафарием (1675–1678) не принесло желаемых результатов. Цинские чиновники, обманным путем заставившие его совершить этот церемониальный обряд, отказались выполнить его требования, что было условием их предварительной договоренности. Русскому послу в ультимативной форме было приказано немедленно покинуть Китай.

Взаимоотношения России с Цинским Китаем после заключения Нерчинского договора (1689 г.), разрешившим вооруженный конфликт в Приамурье, и особенно в XVIII в. заметно отличались от того, что происходило ранее. И Россия, и Китай не стремились перевести сложившиеся мирные отношения в русло военных действий. Наблюдается постепенное осознание цинским правительством необходимости строить отношения с Россией с учетом относительного равенства сторон, хотя в представлении о равенстве каждая из сторон вкладывала свой смысл.

И Россия шла на определенные уступки, в том числе в исполнении русскими послами поклона «коутоу». После Н.Г. Спафария «коутоу» исполнили также послы Л.В. Измайлов (1719–1721) и С.Л. Владиславич-Рагузинский (1725–1728).

Важным фактором, серьезно затруднявшим контакты русских послов с китайскими чиновниками, был языковой барьер: в Китае не знали русского языка, в России — ни одного из официальных языков Цинского Китая (китайский, маньчжурский, монгольский). И как следствие — незнание тщательно соблюдавшихся китайцами при приеме иностранных послов традиций и обычаев, что неоднократно служило причиной непонимания русскими послами истинных намерений и скрытого смысла тех или иных приемов и действий цинских чиновников. Богатый иллюстративный материал, раскрывающий тактику цинских дипломатов, содержат Статейные списки (отчеты) посольств.

И в первой трети XVIII в., т.е. по прошествии ста лет со времени первых контактов с Китаем, в России все еще не было людей, знавших китайский и маньчжурский языки, а также тонкости традиционного китайского посольского церемониала и этикета. Так, император Сюань Е⁴, якобы заботясь о том, что российский посланник Л.В. Измайлов не имеет теплого платья (посольство находилось в Пекине зимой), пожаловал ему свои собольи шубу и шапку и повелел, чтобы тот надевал их и приезжал к нему во дворец только в таком одеянии⁵. Согласно китайскому этикету, переодевание послов в импе-

раторские одежды означало, что этот посол представляет в Пекине вассальное государство, т.е. имело совсем иной смысл, чем «шуба с царского плеча» в России.

Наибольший интерес в этом отношении представляет собой Статейный список чрезвычайного посланника и полномочного министра, графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, хронологически последний в ряду Статейных списков русских послов, направлявшихся в Китай в XVII—XVIII вв. Он охватывает почти 5-летний период, связанный с посольством С.Л. Владиславича в Китае (1725–1729)⁶. В нем подробно описан китайский посольский церемониал, особенно аудиенции в императорском дворце. Сравнение Статейного списка С.Л. Владиславича со списками его предшественников позволяет проследить наметившуюся в XVIII в. эволюцию постепенного отхода цинского двора от требований строгого исполнения некоторых важнейших элементов церемонии приема в императорском дворце. Как уже отмечалось, на компромиссы шла и Россия.

С.Л. Владиславич был направлен в Китай вскоре после неудавшегося посольства Л.В. Измайлова⁷. К тому времени он уже имел значительный дипломатический опыт в Европе и на Востоке, был произведен в действительные статские советники, еще в 1710 г. ему был пожалован титул графа Иллирийского. В Китай С.Л. Владиславич был направлен в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра. Это был самый высокий уровень представительства среди всех русских дипломатов, направлявшихся в Китай в XVII—XVIII вв., следовательно, по протоколу и принимать его в Пекине должны были на более высоком уровне⁸.

В задачи посольства входило решение вопросов об упорядочении российско-китайской торговли и разграничении в районе Северной Монголии (Халха-Монголия). Кроме того, он должен был передать цинскому императору Инь Чжэню⁹ две грамоты от российской императрицы Екатерины I. Одна, «обвестительная», сообщала о кончине Петра I и восшествии ее на российский престол, другая — поздравительная, в которой Екатерина I поздравляла цинского императора Инь Чжэня с восприятием монаршей власти после смерти его отца, императора Сюань Е. Обе грамоты были составлены на русском и латинском языках. Таким образом, высокий ранг С.Л. Владиславича соответствовал возложенной на него миссии.

Посольство состояло примерно из 120 человек, тщательно подобранных квалифицированных специалистов преимущественно в деле разграничения, а также тех, кто имел опыт поездок в Китай по дипломатическим и коммерческим делам.

Петербург снабдил чрезвычайного посланника детально разработанными инструкциями, которые он соблюдал, сообразуясь с обстоятельствами, на протяжении всех переговоров как в Пекине, так и на границе, вопреки противодействию китайской стороны.

Посольство С.Л. Владиславича покинуло Петербург 12 октября 1725 г. Остановки в российских, особенно сибирских городах, С.Л. Владиславич использовал для знакомства с материалами местных архивов, касающимися территориальных проблем в районе предстоящего разграничения на территории «Монгольской землицы». Внимательно изучал все, что было связано с Нерчинской конференцией (1689).

В пределах Китайской империи российский посол придавал важное значение отношению к нему цинских чиновников, дабы не допустить никаких действий, умаляющих достоинство Российской империи, и заботился о том, чтобы его принимали в соответствии с его высоким «характером» (статусом). Приближаясь к Пекину, С.Л. Владиславич заранее обусловил основные моменты его встречи. Сообщив дарнамбе Секу, который должен был сопровождать посольство (при въезде в Пекин), о том, что рангом он «большого» и «характера вяжщего» по сравнению с чрезвычайным посланником Л.В. Измайловым, поэтому

⁶ Дарнамба (маньчж.) – придворный вельможа I-го старшего класса, управляющий придворными телохранителями, высокое военное звание, обычно присваивалось родственникам императора.

желает, чтобы во всех отношениях богдыхан принял его лучше, чем император Сюань Е принимал Л.В. Измайлова, и выдвинул следующие предложения:

«Заутро. Богу извольщу, ночевать имею, до Пекина не доходя пятнадцать верст, в селе Сегор, в котором после завтра имею намерение еще день пробыть для моего убрания». Далее посланник желал:

чтобы в село, где он остановится перед въездом в Пекин, от императорского двора были присланы офицер и несколько служилых людей для «встретения» посольства и передачи ему поздравления от имени богдыхана, а также для последующего препровождения посольства в Пекин до того места, где оно будет размещено;

въезжать в пекинские ворота посланник намерен строем под звуки труб, при этом требовал, чтобы его приветствовали 9-ю залпами из пушек (как это было в Калгане);

по прошествии двух дней после прибытия посольства в Пекин, чтобы к нему пришли китайские министры из числа верховных с поздравлением и для переговоров об аудиенции у богдыхана для передачи ему грамот российской императрицы. В заключение он пояснял, что так принято во всех европейских и азиатских странах при приеме посланников его, С.Л. Владиславича, ранга и что, как его примут здесь, так и при российском дворе будут приняты китайские послы (л. 169–170).

В ответ дариамба заявил, что писать богдыхану не смеет, так как тот сам знает, «как такого посла по ево характеру почтить» и что «стрельбою пушечной в Пекине никому чести не отдают». А в остальном, как заверил чиновник, «умаления чести ево, чрезвычайного посланника, ни в чем не будет». При этом он потребовал, чтобы въезд посольства в Пекин состоялся не 21 октября, как наметил С.Л. Владиславич, а сразу же, т.е. 19 числа. На что посланник ответил столь же категорично отказом. Тем не менее, той же ночью дариамба Секу и другие сопровождавшие посольство цинские чиновники снова попытались уговорить посланника, не мешкая ехать в Пекин, потому что дариамба уже объявил о прибытии российского посла в Пекин 19 числа, т.е. немедленно. На такой ход цинских чиновников С.Л. Владиславич и на этот раз ответил категорическим отказом, заявив, «что он послан от Ея величества, государыни императрицы и не убрався, как надлежит, въезду в Пекин иметь не может. И тако определили въезд в Пекин иметь 21-го числа» (л. 170 об.)

19 октября перед полуднем на пути в китайскую столицу посольство встретило дариамбу Секу и чиновников, которые по указу императора привезли ханский чай, чтобы по их обыкновению угостить им посланника, и пригнали пять коней ханских. Говорили, что за это по их обыкновению следует благодарить богдыхана, став на колени. «И на то чрезвычайной посланник ответствен, что не токмо он пред ними, но ниже пред самим ханом доколе не вручит от Ея императорского величества грамоту, на коленях поклона не отдаст» (л. 170–171)

Преодолев расстояние в 11 с лишним тысяч км, 21 октября 1726 г. посольство С.Л. Владиславича прибыло в Пекин.

В Статейном списке подробно описан этот эпизод. «Наперсдь ехали два адьютанта, два фуриера^{*}. Потом ехал от гвардии офицер, за ним сержант и дватцать четыре гранодера с барабанщиком, заключа капралом, с полным оружием, в зеленом строевом мундире, в гранадорских шапках и с гранодерскими сумами. У афицера шапка бархатная, вышита золотом, а у протчих шолком с гербами позолечеными. За ними ехали четыре трумпетера[†], також в строевом мундире. Потом маршалк[‡] посольской, за которым следовали двенатцать человек лакеев в либерее[§], из которых двое вели посольских две ло-

* Фуриср (нем.) – квартирмейстре, каптенармус.

† Трумпетер (нем.) – турбачи.

‡ Маршалк (нем.) – церемониймейстер, управляющий.

§ Либереея (фр.) – ливрея, форменная одержда для лакеев, кучеров, швейцаров.

шади заводной* в богатом уборе. Пред коретою ехали двое дворян посольства в богатом же уборе, за ними шли два скорохода. Чрезвычайной посланник ехал в корете с агентом Лангом¹⁰. При корете по обеим сторонам шли два гайдука† пеши, два паж и два толмача верхами. За коретою ехали на присланных ханских лошадях секретарь посольства и с ним в ряд по сторонам секретарь латинского языка и другой, собственной чрезвычайного посланника. Потом следовали прочие чиновные люди и по два человека в ряд, все в богатом уборе. По сторонам и наперед заключали обоз несколько десятков китайских салдат с их офицеры».

«При приезде к пекинским воротам за несколько сажен поставлены были полки китайския конныя с знаменами, которых напримере было около семи или осьми тысяч, и при проезде чрезвычайного посланника на одной стороне держали ружья на караул, а на другой стреляли из ружья пять залпов и один раз беглым огнем. Против чего и от чрезвычайного посланника взаимно отдана честь чрез офицера шпагою и от гранодеров ружья на караул з барабанным боем и с музыкою на трубах, с какою церемониею въезд имели и в Пекин до Посольского двора»¹¹.

«При въезде у ворот пекинских от китайцов встречи и никаких церемоней не было, токмо стоял обыкновенной караул несколько десятков, имея сабли в ножнях».

На Посольском дворе встретил чрезвычайного посланника дариамба, которой провозжал его от границы, и поздравил со счастливым приездом. Потом приходили два цзаргучи‡ с поздравлением от верховных их министров. «А испустя час-другой, принесли пять столов с разными закусками и с мясом, також и вареной чай, что определено по указу ханскому по их обыкновению носить из приказов¹² на Посольской двор чрез десять дней» (л. 171 об.—172). Потом Посольский двор заперли, поставив по всему его периметру с внешней стороны караул численностью в 600 солдат с тремя генералами во главе. И никого из членов посольства со двора не выпускали. А на ночь ворота опечатывались¹³.

Неоднократные протесты С.Л. Владиславича, заявлявшего, что он не какой-то арестант, а посланник российской императрицы, были напрасны. Объясняли: пока не состоится аудиенция у императора никого со двора не выпускать (л. 176 об.). Правило действовало в отношении посольства Л.В. Измайлова, но не распространилось, как показали события, на посольство С.Л. Владиславича. Все 34 раунда пекинских переговоров проходили на территории Посольского двора, куда к посланнику приезжали китайские министры.

По приезде в Пекин на следующий день С.Л. Владиславич намеревался отправить Л. Ланга в Монгольский приказ¹⁴ для выяснения первоочередных вопросов: когда и кто будет определен для переговоров с китайской стороны, и когда состоится прием у императора. Писал он и о необходимости подыскать толкового переводчика, который бы знал латинский или итальянский и китайский языки, и чтобы никого в Россию не посылали без его ведома, «дабы не учинить какого помешательства делам государственным» (л. 172 об.).

Намереваясь направить Л. Ланга в Монгольский приказ, С.Л. Владиславич не был осведомлен либо решил проигнорировать существенный элемент китайского посольского церемониала: до тех пор, пока посланник не побывает на аудиенции у императора, он не может посылать от себя членов посольства к китайским сановникам¹⁵.

Тем временем на Посольский двор прибыли два министра — алегамбы§, один из Монгольского приказа, другой из Разрядного¹⁶. Визит китайских министров снял возможность дополнительных осложнений. Их интересовала цель приезда российского посольства. Хотя об этом китайская сторона давно уже была осведомлена из предваритель-

* Заводной конь — запасный верховой конь, который в походе, шествии идет в запасе.

† Гайдук (венг.) — здесь в значении выездной лакей.

‡ Цзаргучи, заргучей, заргучи (маньж.) — чиновник, совмещавший судебные и административные функции.

§ Алегамба (маньж.) — глава, президент приказа.

ной переписки, но, как заявили министры, они хотели бы услышать обо всем непосредственно от самого посланника.

Отвечая на вопросы высоких чиновников относительно цели его приезда, посланник объяснил, что в его задачи входит первоочередное решение торговых дел, прежде всего пропуск через границу торгового каравана, который пребывает там в ожидании не один год. Китайские министры, ссылаясь на указ богдыхана, твердо стояли на позиции приоритетного решения вопроса о разграничении на западном участке. Только после этого, заявляли они, можно будет перейти к обсуждению других вопросов.

Затянувшийся разговор временами проходил в весьма резких выражениях. За отказ посланника положить грамоты на стол перед троном во время аудиснции у богдыхана министры обвинили его в дерзости.

По просьбе китайских чиновников посланник передал им копии грамот на русском и латинском языках. Исходя из опыта своих предшественников, С.Л. Владиславич просил цинских чиновников, чтоб они прислали верного переводчика, на латинском или итальянском языках, «понеже толмачи, как его, чрезвычайного посланника, так и их, несовершенно довольны. Ибо он, чрезвычайной посланник, говорит по-русски с своим толмачем, а тот с их толмачем по-мунгальски, а толмачи по-китайски с министрами, и таким образом между тремя языками половина дескурса^{*} тратится. Министры ответствовали, что в том есть ево, чрезвычайного посланника, правда. А могут ли сыскать такого или не могут, еще не ведают»¹⁷ (л. 173–176).

С первого же дня пребывания в Пекине посольство находилось на довольствии китайской стороны. Ежедневный рацион и количество продуктов состояли из 7 баранов, 123 цзиней[†] говядины. Выдавалось немного мяса птицы и «полтreti фунта коровьего масла, по маленькой мерочке сорочинского пшена (т.е. риса. — А.И.) на человека вместо хлеба, також их питья, которое называется тарасун¹⁸, делается из просы, и по небольшему числу чаю». Кроме того, ежедневно полагалось по 1 свече на 8 человек, по 20 полен дров и по 2 пуда угля (л. 172–172 об.).

Последующие дни проходили в ожидании встречи с министрами для обсуждения процедуры вручения богдыхану грамот российской императрицы. Лишь 27 октября они прибыли на Посольский двор. В ходе длительных переговоров предварительно определились основные пункты отказа посланника безоговорочно во всем следовать китайскому ритуалу и столь же категорическому отказу китайских высших чинов что-либо менять в традиционной церемонии приема иностранного посла.

Главный пункт разногласий касался китайского посольского обычновения класть на стол грамоты, адресованные богдыхану, что С.Л. Владиславич решительно отказывался исполнять и требовал, чтобы богдыхан изволил «оные грамоты своими руками у него принять, а потом их церемонию, что прикажут, исполнять готов» (л. 178). Подобный прецедент уже был во время вручения грамоты посланником Л.В. Измайловым, но тогда это произошло по воле самого императора Сюань Е, а как поведет себя новый император, чиновники не могли знать.

Министры потребовали также, чтобы посланник ни о каких делах богдыханову величеству «не доносил». С.Л. Владиславич заверил их, что ни о каких делах говорить не будет, только намерен «сказать речь в похвалу Его богдыханова величества и объявление за чем он прислан». Министры заявили, что за чем он приехал, богдыхан знает из грамоты. На что посланник заявил, что так водится во всех европейских странах и, «жежели он речи не скажет, в том утратится честь богдыханова величества», и что скажет он кратко, а письменный подробный текст отдаст верховным министрам, кому богдыхан прикажет. На такой

* Дискурс (дескурс) (лат.) – обсуждение, устные переговоры, беседы.

† Цзинь – китайская мера веса, равная 596,886 г. В разные времена вес его незначительно колебался.

вариант министры согласились (л. 178 об.). Таким образом были определены основные пункты разногласий и возможных компромиссов. Затем по просьбе министров им были показаны грамоты «в больших парчевых мешках» и полномочная (верительная) грамота посланника. В тот же день был прибавлен корм только одному посланнику (л. 179).

Богдыхан назначил аудиенцию на 22-й день первого зимнего месяца по китайскому календарю, т.е. на 4 ноября 1726 г. 1 ноября прибыли к посланнику министры для обсуждения процедуры приема в императорском дворце. И снова зашел спор о порядке вручения грамот. Министры сообщили С.Л. Владиславичу, что богдыхан согласен принять грамоты из рук посланника. Но прежде на специально поставленный посредине зала стол, покрытый желтой (императорский цвет) тканью, посланник должен положить грамоты, выйти из зала, за порогом совершить обряд «коутоу» и только после этого может поднести богдыхану грамоты российской императрицы. И тот примет их своею рукою (л. 179 об.—180).

Чрезвычайный посланник в очередной раз стал убедительно разъяснять министрам, что нельзя сравнивать его с посланником Л.В. Измайловым и по рангу, и по поставленным перед ним задачам. Его уровень («характер») значительно выше, чем у Л.В. Измайлова, к тому же он должен вручить богдыхану не одну, как его предшественник, а две грамоты. Взяв за основу эти аргументы, С.Л. Владиславич предъявил министрам 9 пунктов, фактически представлявшие собою сценарий аудиенции и подготовки к ней. Основные из них касались поведения самого посланника во время приема: «нигде не кланяться, ни на колени не припадать прежде отдания грамот самому богдыхану величеству: по отдании грамот кланяться на коленках три раза по трижды в той зале, где грамоты вручены будут, а не на дворе; сесть ему, чрезвычайному посланнику, на первом месте после принципов ханской крови; при столе богдыханова величества в зале быть при нем из его свиты пяти персон; для выезда, чтоб прислано было «ханских 50 лошадей смиренных, а достальные имеет он свои, и прислать рано или ввечер прежде» (л. 181–181 об.).

2 ноября на Посольский двор снова пришли министры, чтобы дать свой ответ на вчерашние условия посланника. Число сопровождавших его членов свиты определили в 80 человек, а не в 120, как хотел посланник, в тронный зал кроме него будут допущены еще пять чиновных персон, 15 человек пройдут внутрь двора перед залом, а остальные останутся на первом дворе.

Министры сообщили также, что богдыхан «благоволит грамоты принять из рук его, чрезвычайного посланника, а прежде перед столом трижды по трижды по их обыкновению не кланяться, грамот на стол не полагать, а кланяться трижды по трижды после отдания грамот пред салою, понеже кланяться в зале и сущим кровным принципом не допущено». Речь говорить посланнику не разрешили, чтобы не утомлять императора тройным переводом и «не привести на гнев» (л. 182 об.).

Чиновники настойчиво требовали, чтобы по китайскому обыкновению посланник и другие пять персон его свиты, допущенных в «ханскую салу», были без шпаг. На что посланник заявил, что этого «он отнюдь учинить не может, ибо у пленников и арестантов шпага отнимается, а не у вольного посла, которой добровольно за лучшую дружбу к богдыханову величеству послан. И по многих разговорах сей запрос отложили и при шпагах быть велели» (л. 183 об.).

По достижении договоренности на основе компромиссных решений провели репетицию «коутоу».

В Статейном списке подробно и красочно описаны все события дня аудиенции. «Ноября 4-го дня за два часа до свету присланы на Посольской двор восемьдесят лошадей ханских с двумя заргучен и со многими служителями... для проведения чрезвычай-

* Вероятно, описка; следует: принцев.

ного посланника с дариамбы караульными и протчими служителями, когда он, чрезвычайной посланник, повелит и будет готов...

А в 9-м часу пополуночи поехали с двора следующим образом: напреди два адъютанта, за ними два фурьера, потом сержант и двадцать четыре человека гранодеров с нижним ружьем и с сумами, по два человека в ширенгу, а [в] замке капрал, за ними четыре музыканта без труб, по два же человека в ширенге. Потом два писаря, за ними офицер от гвардии в строевом мундире, за ним посольства секретарь с государственными грамоты, держа в руке, с ним в ряд по сторонам два секретаря, потом десять лакеев, по два ж в ширенгах, за ними двое с заводными лошадьми, потом два скорохода. За скороходами чрезвычайной посланник ехал в корете вместе с агентом Лангом, по сторонам два пажа, два гайдука да два толмача. За коретою следовали и протчие служители посольские. При приезде к первым богдыханова величества воротам велели чрезвычайному посланнику выйти из кореты также и всей свите, покинув лошади, идти пешком, таким образом починам, как до ворот следовали» (л. 185–185 об.).

Посольство С.Л. Владиславича следовало к резиденции императора, минуя череду ворот, каждые из которых представляют собою своего рода рубеж на пути к главному ханскому залу.

В первые ворота, именуемые Умэнь (Полуденные), впустили всех членов свиты, прибывших на церемонию, в том порядке, как ехали ко дворцу. А между вторыми — Тяньаньмэнь (Ворота Великого спокойствия) и третьими — Дуаньмэнь (Парадные ворота) произошло перестроение: впереди пошел офицер свиты, за ним секретарь посольства И. Глазунов с грамотами, за грамотами шел посланник, за ним остальная свита. У третьих ворот их встретили многие чиновники, среди которых был и алегода[†]. Посланник и алегода поздоровались «по их обыкновению» и некоторое время вели непринужденную беседу. Министры поспешили сообщить С.Л. Владиславичу, что это «первый министр и первый человек в государстве после богдыхана» (л. 186).

Потом, взявшись за руки, посланник и алегода в сопровождении части свиты, а также присутствовавших чиновников и офицеров, вошли в небольшой зал, где были разложены подушки для сидения. Предлагаая друг другу первым сесть, посланник и алегода неожиданно сели одновременно.

Примерно с полчаса беседовали, а потом принесли ханский чай и тогда все благодарили и сидя, кланялись головой до полу. Еще через полчаса принесли кушанье в порцелиновых, т.е. фарфоровых чашках и на серебряных блюдах. Прежде других поставили на стол посланника. Спустя полчаса столы вынесли и два министра пошли докладывать богдыхану.

В течение всей этой церемонии секретарь И. Глазунов держал грамоты в руках над головою. Министры предложили внести стол, покрыв его желтой тканью, и положить на него грамоты российской императрицы. С.Л. Владиславич поблагодарил, но отказался, заявив, что «он ни на какой стол государственных грамот положить не может прежде вручения богдыханову величеству и что секретари ево посольские будут держать оные попеременно, стоячи, как надлежит за почтение тех грамот» (л. 188). Наконец пришел президент Монгольского приказа и позвал чрезвычайного посланника на аудиенцию к богдыхану. Пошли прежним порядком, а секретарь Глазунов нес грамоты, держа их обеими руками над головой.

Перед четвертыми воротами пропустили только посланника, пять персон первого ранга и 15 второго. А при подходе к пятым воротам Тайхэмэнь (Ворота Высшей гар-

* Впоследствии дворец получил название Гугун («Дворец прежних правителей»), которое практически вытеснило первоначальное, и был превращен в музей.

[†] Алегода (маньчж.) — министр, помощник императора и управляющий Императорским секретариатом (канцелярией).

мони) увидели главный ханский зал, перед которым толпилось множество министров и офицеров. Этот зал называется Тайхэдянь (Зал, или павильон Высшей гармонии).

Пройдя пятые ворота, гости ступили на обширную террасу, где им открылась величественная панорама. Прямо перед ними на трехъярусной беломраморной платформе восьмиметровой высоты сверкал ярким лаком и позолотой павильон Тайхэдянь. Пройдя пятые ворота и обозрев панораму, посланник взял у секретаря обе грамоты и держа их обеими руками перед головой, пошел один в зал. Войдя в тронный зал, он увидел там на престоле богдыхана, а перед ним множество министров и генералов, стоявших на коленях по обеим сторонам. Президент Монгольского приказа сказал посланнику, чтобы тот следовал за ним. Дойдя до ступеней престола, президент остановился, а посланник подошел к престолу, где богдыхан сидел в «позолоченных креслах», и стоя перед ним на коленях, держал грамоты обеими руками над головой и ничего не говорил, памятуя запрет министров. Богдыхан обеими руками из рук посланника с почтением взял грамоты и передал их стоявшему по левую сторону от трона министру, а тот, стоя, держал их.

Вручив грамоты, необычайный посланник вышел из зала «и пред первой ступеню, в разстоянии двух сажен в виду богдыханова величества кланялся на коленках трижды по трижды по их обыкновению» (л. 189 об.) и вся его свита тоже. Затем ввели посланника в зал и велели сесть на подушку на первом месте по правую руку от престола, во втором ряду за ним сели и члены свиты, допущенные в зал, а остальные 15 человек остались стоять перед залом.

По окончании центральной части церемонии принесли чай богдыхану, все присутствовавшие кланялись до полу, сидя. Затем принесли чай первым министрам и необычайному посланнику. Все благодарили за ханский чай и снова кланялись. «А хан сидел на престоле на собольей подушке, перекрестя ноги, с превеликим магистетом*, как бы написана была картина» (л. 189 об.—190).

Церемония продолжалась в глубочайшем молчании. Затем богдыхан, подозревая к себе главу Монгольского приказа, что-то громко и внятно сказал ему по-китайски. После чего тот перевел русскому переводчику на монгольский язык слова богдыхана, который велел сказать необычайному посланнику, «что у его родителя (император Сюань Е. — А.И.) был с Российским империем блаженный мир и покой и добрая дружбы, к содержанию которой и его величество имеет склонность, и что такая превеликая российская императрица послала такого великого посла, то его величеству угодно, и за то примет ево с учтивостью и честью, как прежде послы не приниманы. А между-де двумя империи после мирных договоров† до сего числа никаких великих дел не происходило, а которые малые происходили на границе, о тех он давно желал российского посла, дабы все успокоить» (л. 190).

Выслушав слова богдыхана, стоя на подушке на коленях, посланник в ответ произнес краткую речь, выдержанную в тех же тонах, а в конце сообщил, что имеет «полную мочь» от своей императрицы вести переговоры об улаживании пограничных вопросов и просил богдыхана назначить для переговоров с ним двух «из верховных и вернейших своих министров», которые бы потом обо всем ему верно доносили. И заверил, что приложит все усилия для благополучного завершения этого важного для вечной дружбы и согласия двух великих государств — Российской и Китайской империй — дела. Приняв ту речь, министр, поднес ее богдыхану, стоя на коленях. Богдыхан спросил у него, что это такое. Министр ответил, что это речь посла в похвалу Вашего величества. После чего монарх приказал речь перевести и по времени к нему принести.

Потом все министры встали на ноги без поклонов. Необычайной посланник со своею свитой вышел из зала. «И в то время хан остался, сидячи на престоле». (л. 191—191 об.)

* Магистет (лат.) — величие, важность, величественность, достоинство.

† Нерчинский договор 1689 г.

Провожали посольство так же торжественно, как и встречали, сопровождая расставание радостными возгласами по поводу того, какая высокая честь была оказана чрезвычайному посланнику богдыханом, который пошел на нарушение нескольких основополагающих традиционных правил такого приема. Однако ворота Посольского двора по-прежнему были закрыты, стоял караул.

Согласно посольскому церемониалу за первой аудиенцией должна была следовать вторая для вручения богдыхану подарков российской императрицы Екатерины I и третья — для вручения подарков от чрезвычайного посланника. На следующий день к посланнику пришли министры, поздравляли его со столь высоким приемом, которым богдыхан удостоил посланника, а затем попросили его показать им «фроспись» подарков российской императрицы их монарху. С.Л. Владиславич отвечивал, что подарки Ее императорского величества готовы, но он желает еще и от себя поднести богдыхану некоторые подарки и просит, чтобы министры дали ему «доброжелательный совет», как ему поступить, «дабы своими особливими маленькими подачками такого превеликого монарха не прогневать» (л. 193 об.). Министры пообещали, что в следующий свой визит скажут ему, и попросили посланника «в запас крепким разговором объявить им, о чем он имеет представлять».

На их запрос посланник отреагировал достойно, заявив, что об этом «словесно и письменно» он изложит во время конференции. По завершении споров, в ходе которых С.Л. Владиславич доказал несостоятельность позиции своих оппонентов по территориально-пограничному вопросу и заметил, что хотя аудиенция уже состоялась, а ворота Посольского двора по-прежнему заперты. Те пообещали ворота открыть (л. 195).

Этот диалог, в котором российский посланник продемонстрировал не только твердость позиции, но и прекрасную осведомленность относительно исторической судьбы неразграниченной части «Монгольской земли», стал своего рода отправным моментом в смене тактики китайской стороны по отношению к российскому посланнику. Любезности закончились.

Следующий визит министров проходил в совсем иной обстановке. Complиментарность и некоторая уступчивость с их стороны сменились на жесткие, категорические заявления, порой на грани ультиматума. Министры сообщили российскому посланнику, что богдыхан отказывается принимать подарки. От имени богдыхана они заявили, что подарки не будут приняты до тех пор, пока посланник не объявит, «за чем он прислан и о чем имеет представлять». Теперь, продолжали они, когда аудиенция состоялась, грамоты приняты со всею учтивостью, большое дело в Пекине сделано. Осталось одно — граница. Министры богдыхана уже отправлены туда и еще пошлются и ему, чрезвычайному посланнику, надлежит быть там и трактовать» (л. 195 об.). Цинский двор спешил выпроводить российского посланника на границу, так как заинтересован был лишь в скорейшем разграничении западного участка российско-китайской границы.

Однако С.Л. Владиславич не спешил покидать китайскую столицу. Граница, безусловно, была важнейшей задачей посольства, но помимо нее у посланника были другие дела, требующие решения в Пекине, такие как возобновление караванной торговли, приостановленной китайскими властями в одностороннем порядке, договоренность о пребывании в Пекине постоянного российского торгового агента, согласование вопроса о статусе и деятельности в китайской столице Российской духовной миссии, основанной в 1715 г. по инициативе Петра I и с согласия императора Сюань Е, а также о порядке ведения переписки между Россией и Китаем.

Около двух месяцев цинский двор не принимал у С.Л. Владиславича подарки. Для сравнения заметим, что Л.В. Измайлов прибыл в Пекин 18 ноября и 28 ноября был приглашен в императорский дворец на аудиенцию, а 2 декабря вручил богдыхану подарки от российского императора Петра I и 5 декабря — собственные подарки. Сразу же после этого ворота Посольского двора были открыты. У посольства С.Л. Владиславича все

обстояло значительно сложнее. После долгих проволочек реестр подарков наконец был передан министрам. Посланник продемонстрировал им российские дары, которые привели их в величайшее изумление. Затем все подарки были упакованы в ткани желтого цвета, «ибо желтый цвет один хан употребляет, а не другие под смертной казнью», все ящики, в которых должны были нести подарки, «оклеили жолтою бумагою. И все было готово» (л. 286), а дата церемонии по-прежнему не определялась. Наконец, 23 декабря министры, посетив посланника, объявили, что подарки не приняты из-за многих государственных дел, и что прием их назначен на 26 декабря.

В этот день рано утром на Посольский двор прибыли «ханские носители, убранные в особливом красном мундире с желтыми цветами и на головах на шапках перья желтые», числом в 250 человек (л. 283 об.).

Чрезвычайный посланник со своею свитою в 50 человек следовал за подарками тем же порядком, как и на аудиенции. На четвертом дворе подарки понесли в ханские апартаменты. Посольских людей туда не пустили. Лакеи и гренадеры остались в этом дворе, а посланника и сопровождавших его членов посольства провели в зал, где во время первой аудиенции их «траковали».

У той палаты посланника встретили множество различных чинов военных и светских, включая алеводу. Посадили С.Л. Владиславича на первое место напротив алегоды. Во втором ряду за посланником разместили сопровождавших его лиц. И так сидели два часа. Наконец три министра пошли докладывать хану и выяснять при этом, сам ли он изволит смотреть подарки или иному кому повелит. Вернувшись, министры сказали, что хан велел подарки посланника поставить рядом в палату, так как он сам хочет посмотреть их. После этого принесли кушанье на серебряных блюдах и ханский чай. Во время обеда от хана с его стола прислали посланнику на двух подносах разных «пирожков и протчего, что у них причитается за великую честь» (л. 284 об.). По окончании обеда принесли от хана 10 столов с наилучшими закусками. Чрезвычайный посланник благодарил с поклоном. Столы отправили на Посольский двор.

Затем два министра из тех, что бывали у посланника на конференции, пошли к хану и вскоре вернулись. В руках у одного из них была желтая бумажка с текстом. Министр сообщил, что богдыхан осмотрел все подарки те, что от российской императрицы, принял с радостью «того ради, что они из далекой земли привезены». И за них велел благодарить. А из подарков посланника принял только две борзые собаки. Прочее велел вернуть ему «того ради, что они богатые, и дабы в том ему, чрезвычайному посланнику, не было убытку. И тогда принесли остальные подарки посланника назад». На все заверения С.Л. Владиславича в том, что они сделаны от доброго сердца и с добрыми намерениями, министры отвечали с учтивостью, что богдыхан принял из его подарков малую часть, чему посланник должен быть доволен и чтобы велел свои подарки отнести на Посольский двор. Посланник отослал их прежде, чем поехал сам.

Потом с полчаса продолжалась беседа, в ходе которой министры сообщили посланнику, что с сего дня «ему уже свобода», что к нему могут приходять кто хочет и члены его свиты и он сам могут продать товары, если они у них есть. Обо всем этом последуют сегодня же письменные указы, которые и будут вывешены у ворот. Однако вопреки обещаниям и против обыкновения ворота Посольского двора по-прежнему оставались закрытыми.

Все 160 дней пекинского периода С.Л. Владиславич не имел никакой связи с Петербургом, с внешним миром. 160 дней жизни в чужом государстве, на огороженной, ограниченной территории Посольского двора, где неотлучно находилось 120 человек, были серьезным психологическим испытанием для российского посланника. Подобную ситуацию он предвидел и был к ней готов, о чем писал в последней реляции с границы¹⁹.

Все выезды за пределы двора были связаны с официальными мероприятиями в императорских дворцах — пекинском и загородном. Лишь дважды был нарушен устано-

вленный запрет. По просьбе С.Л. Владиславича 7 и 8 января 1727 г. ему разрешили посетить западных миссионеров: французских и португальских иезуитов, Итальянскую коллегию иезуитов. Поводом для таких визитов послужило желание посланника ознакомиться с архитектурой их храмов, которые строили китайцы по проектам иезуитов и под их руководством. Согласно проекту российско-китайского договора, иждивением китайской казны на территории Посольского двора должна быть построена православная церковь. Посланник договорился о помощи в строительстве этой церкви с одним из иезуитов, по проекту которого был построен особенно понравившийся ему храм. А 24 января в сопровождении китайского офицера была совершена познавательная-развлекательная поездка по Пекину, с заездом в один из буддийских монастырей.

Эти поездки стали для посланника весьма полезными, значительно расширив его представление о китайской столице, цинском дворе и самом императоре, которого, по характеристике западных миссионеров, он назвал идолатором, «хуже Нерона».

Пребывание посольства в Пекине совпало с празднованием китайского Нового Года, точнее праздника Весны (Чуньцзе). Министры поинтересовались у чрезвычайного посланника, не желает ли он принять участие в поздравлении богдыхана в императорском дворце. Посланник был, как всегда, осмотрителен при принятии решения. Выяснив сначала, где его посадят, и получив в ответ, что там же, где и при вручении грамот, С.Л. Владиславич рассудил так: «За столом он быть желает. А на праздник с ханы, ваны и прочими министры, подданными хана, поздравлять не желает, разве испустя несколько дней после праздника приватно. Понеже он, чрезвычайный посланник, богдыханова величества не подданный». (л. 298 об.—299).

Утром 10 января С.Л. Владиславич вместе с Л. Лангом в карете, секретарь И. Глазунов и другие члены свиты, числом 30 человек верхом прибыли ко дворцу. Прием проходил «в большой государственной сале», чтобы попасть в нее нужно было преодолеть три лестницы по девять ступеней каждая. На приеме присутствовало множество ванов, степных владетелей, министров и прочих сановных особ, все в церемониальных одеждах, в больших и лисьих шубах, на головах шапки с камнем красным или лазоревым.

В зале площадью саженей 20 на 9, возвышались 18 деревянных колонн, покрытых красным лаком. Верх и стены украшены «золотыми змеями преизрядной работы». Престол ханский с собольей подушкой был установлен на троне, к которому вели 9 ступеней. Близ трона сидели персоны ханской крови, а по обе стороны в 14 линиях разместили ванов, степных владетелей и ханских родственников, главных военачальников, за каждым столом по два человека. Чрезвычайному посланнику было отведено место справа от трона в третьей линии, там, где сидели алегоды. Перед ним поставили «особливый стол», а Л. Лангу и И. Глазунову позади него один на двоих. Перед залом на площади сидели многие главы степных племен и их приближенные также по двое за столом. Сидели так более получаса. Потом из внутреннего двора на носилках принесли богдыхана. Все встали. Когда богдыхан вошел в зал и сел на трон, с обеих сторон от него встали по пяти человек с алебардами, «прикрытыми желтыми змеями, и при каждой алебарде висело по одному хвосту барса. Когда богдыхан взшел на трон, все в глубочайшем молчании поздравляли его поклоном, стоя на коленях и трижды по трижды, склонив голову до пола, после чего молча сели по своим местам.

Перед залом был разбит желтый шатер с многочисленными китайскими чайниками из чистого золота с чаем и тарасуном. Началась «великая церемония» угощения чаем, затем тарасуном. Богдыхану подносили первому в золотой чаше, затем всем по очереди в соответствии с рангом и чином, каждый благодарил с поклоном. По завершении этой церемонии со стола, стоявшего перед тронном, сняли желтую «обертку», и все увидели множество золотых блюд с конфетами, а на остальных столах конфеты были в медных блюдах. От ханского стола по одному блюду пожаловано сначала тем, кто сидел посередине зала за четырьмя столами, потом тем, кто сидел в первой и второй линиях, и пос-

ле этого очередь дошла до посланника, которому «особливо прислал хан одно блюдо с конфетами и, другое великое блюдо золотое с разным вареным мясом, Л. Лангу и И. Глазунову было пожаловано одно блюдо с конфетами».

В это время перед залом шло представление, похожее на комедию «с боем тазовой музыки». Представления сменяли одно другое. Потом перед залом появились танцоры, наряженные в церемониальные платья, и кланялись перед ханом трижды по трижды.

«Удивлению подобно, — отмечал в Статейном списке С.Л. Владиславич, — что в толиком многолюдстве все сидели в глубочайшем молчании и друг другу ни единого слова не молвили. Также и хан по прибытии на престол до самого возвращения ни единого слова не молвил же и сидел, ни на кого не смотря и никуда не поворачиваясь, якобы статуя была, что у них за величайший магистет почитается... На хане, — продолжает С.Л. Владиславич, — была исподняя одежда соболя, а верхняя черной лисицы, на голове шапка нецеремониальная с шелковой красной кисточкою, как носят офицеры, опушена соболем, а на середине на верху шапки большой жемчуг с грецкий орех. И тако сидел на престоле больше часа, ничего не говоря. Встав с престола, возвратился назад. А господа все разошлись по домам» (л. 310–310 об.). Чрезвычайный посланник намерен был поблагодарить богдыхана за внимание, которое тот уделял ему, но министры его не допустили, сказав, что не время.

Час спустя после возвращения посланника, которого с особым почтением провожали чиновники разных рангов, каждый до разных ворот, а цзаргучи и офицеры до Посольского двора, из дворца принесли те столы с яствами, что стояли перед посланником, Л. Лангом и И. Глазуновым в зале. И в тот же день часть вещей и еды посланник отправил западным миссионерам, к нескрываемому недоумению китайских чиновников.

В продолжение празднования китайского Нового Года С.Л. Владиславич был приглашен на «великую» или «огненную» потеху, т.е. фейерверк, устроенный в загородном императорском дворце Юаньминюане²⁰. Необыкновенно красочное пиротехническое зрелище, сопровождавшееся всевозможными представлениями, в том числе и в лодках на воде, посланник наблюдал из юрты самого богдыхана, сидя близ престола.

Особое смысловое значение в духе даннической системы традиционная китайская дипломатия придавала церемонии вручения послу ответных подарков богдыхана монарху страны, которую представлял посол, и самому послу, в данном случае — Российской империи, ее чрезвычайному посланнику и полномочному министру С.Л. Владиславичу-Рагузинскому. Подбор подарков, их уникальность, художественная ценность, число подарков и их размеры — все должно было демонстрировать отношение Цинского Китая к Российской империи. В Статейном списке С.Л. Владиславича этому эпизоду отведена значительная часть текста, не лишённого легкой иронии.

Церемония была назначена на 1 апреля 1727 г. В этот день рано утром посланник с 50 членами своей свиты в сопровождении китайского чиновника прибыл к императорскому дворцу. Там ему объявили, что «министры обретаются на загородном дворце при богдыханове величестве и сюды еще не бывали», и попросили чрезвычайного посланника войти в палату «одного из приказов», где «никакого убора, кроме замаранных стен», не было. Там посланник дождался министров до трех часов дня, после чего пришли цзаргучи и повели посланника и его свиту в палату, где сидели два алегоды, три министра и многие цзаргучи стояли.

После обычных поздравлений зачитали письмо, в котором сообщалось, что богдыханово величество посылает с чрезвычайным посланником подарки для российской императрицы. Затем в зал внесли на четырех столах 90 кусков шелковых тканей, в их числе 10 парчовых, да два ящика лаковой и фарфоровой посуды и различных, преимущественно японских, шкатулок. Когда подарки разложили, министры говорили: «Смотри-де посол, те подарки, таковыя парчи на продажу не бывают, токмо во дворце ханского величества делаются на обиход» (л. 412 об.). Посланник ответил, «что он не за подарками

пришел, но за окончанием дела», а подарки богдыхана он с почтением примет и поднесет их императрице (л. 413).

При виде таких даров чрезвычайный посланник рассмеялся и «зело дивился как-вые подарки малы против подарков превеликих Ея императорского величества», среди которых были и уникальные произведения западного искусства, к примеру такие, как «часы золотые с репетициею, убраны богатою рукою алмазами бриллиантными, с портретом государыни императрицы на финифте и з золотою цеопчкою. Все аглинской самой чистой работы — 1600 рублей... Два зеркала самых больших, каковых в Эуропе от одного стекла прежде не бывало. Рамы черные лаком покрыты, кругом богато убраны разными фейурами резными в хрустале, белую раковиную и большими разными позолоченными цветами укашены — 800 рублей». И другие также уникальные и замысловатые дары²¹.

Китайские чиновники прекрасно сознавая, что подарки от богдыхана действительно не соответствовали этикету межгосударственных отношений, тем более между монархами двух равновеликих империй, позднее ссылались на то, что богатые шпалеры²² для российского императорского дворца, отправленные после отъезда посольства Л.В. Измайлова, могут заменить привезенные С.Л. Владиславичем подарки. Потом принесли две камки^{*} из самых простых, «которые по два рубли не стоили», и сказали, «сии подарки ему, чрезвычайному посланнику, для того, что хан от него принял из ево собственных подарков две собаки борзые. И когда чрезвычайный посланник увидел такой бездельный подарок, дважды расмеялся, и говорил, ежели б он был государь, то б богдыханова величества подарков не принял, когда он ево, чрезвычайного посланника, подарков не принял. Однако ж он, подданный Ея величества своей государыни императрицы, примет все с благодарением» (л. 412 об.—413).

Затем посланнику предложили перейти на другой двор, где на разных столах, покрытых желтыми тканям, лежали подарки. Чиновники велели посланнику кланяться до земли перед этими дарами.

Подарки богдыхана посланнику и его свите, заслуживают подробного описания. Помимо двух камок, которые вручили посланнику раньше, его одарили еще одной камкой «из самых худых» стоимостью в 5 лан[†], двумя связками «самой бездельной китайки[‡], бараньей шубой, покрытой камкою с беложелтыми змеями, шапкой, поясом и маньчжурскими сапогами да лошадью, оседланной китайским седлом и убором «по их обыкновению, как водится у чиновных людей». «И ежели купить все подарки посольские кроме лошади, что двадцати пяти рублей не стоит, а лошадь с убором — пятнадцати рублей. Итого всего на сорок рублей», — подсчитал С.Л. Владиславич.

Агент Л. Ланг и секретарь И. Глазунов получили такие же подарки, что и посланник, за исключением лошади. Священнику подарили шубу «с прибором, как носят китайские ламы», две камки и 12 концов китайки. Другие члены посольства также получили по бараньей шубе и ткани в разном количестве. Остальные участники посольства довольствовались одной камкой и 8 концами китайки каждый.

После вручения подарков глава Монгольского приказа сказал посланнику, что за милость богдыхана он должен кланяться «трижды по трижды по их обыкновению». Реакция посланника была весьма жесткой. С.Л. Владиславич заявил, «что он однажды тое церемонию чинил... и то перед самим богдыхановым величеством...», а «чтоб на дворе кланяться ныне трижды по трижды, того он не учинит. И за высшую милость богдыхана и за подарки благодарил одним поклоном».

* Камка — шелковая китайская ткань с разводами.

† Лан или лян — китайская мера веса, равная 37,3 г; слиток серебра этого веса употреблялся в XIV—XIX вв. в качестве основной денежной единицы.

‡ Китайка — простая хлопчатобумажная китайская ткань.

После возвращения на Посольский двор к посланнику пришли чиновники и поздравили его. В ответ С.Л. Владиславич, рассмеявшись, «говорил им, что он никогда бараньей шубы не носил, однакож от такого великого монарха такие превеликие подарки принял с почтением и будет хранить за память своим наследником» (л. 416—417).

Еще за десять дней до описанной выше церемонии 21 марта 1727 г. С.Л. Владиславич составил свой окончательный проект договора, содержащий не только статьи о границе, но и другие важные для России статьи. Вопреки противодействию цинской стороны, неоднократно манипулировавшей с текстом проекта, именно проект С.Л. Владиславича был положен в основу Кяхтинского договора.

После долгого противостояния на переговорах посланник рассудил, что нужно ехать на границу и все вопросы решать там. Цинский двор предлагал и другой, абсолютно неприемлемый для России вариант: заключить договор о границе в Пекине, «а кто чем владеет» не упоминать, «понеже то слово зело мешает всякому добру» (л. 406 об.—407). Чрезвычайный посланник, расценив это предложение как напрасную трату слов, заявил с присущим ему достоинством, «что он не младенец, дабы дал себя в обман, и не изменник российской, чтоб российские земли без указа отдавать и продавать. Ежели они с ним ничего праведным посредством не окончат, то совершенно мир Нерчинский от страны их нарушен». Эти слова вызвали у цинских дипломатов нескрываемое беспокойство: не объявляет ли посланник войну Китаю? С.Л. Владиславич заверил их, что «он прибыл мир обновить, а не войну объявить». Было решено продолжить переговоры на р. Буре (Бора) к югу от русского города Селенгинска²³.

Наступил заключительный этап пекинского периода переговоров, а с ним и новые заботы, главные из которых — получение ответной грамоты богдыхана к российской императрице и отпускная аудиенция в императорском дворце.

С ответной грамотой богдыхана возникла серьезная проблема. 14 апреля к посланнику пришли три министра, с которыми он вел переговоры, и принесли письмо к Российскому сенату от Монгольского приказа. С.Л. Владиславич категорически отказался принять его, повторив уже в который раз, что он может принять «только империяльную грамоту от богдыханова величества к Ея императорскому величеству при условии, что она будет соответствовать равномерным почтением» к российской императрице.

В ответе одного из министров Тулишэня отразилась суть, квинтэссенция китаец-центристского представления о нормах межгосударственных отношений, места и роли Срединной империи в общемировом пространстве. Министр говорил, «что-де ему, чрезвычайному посланнику, небезизвестно, что их ханы никому не пишут, разве токмо указом, чего он не примет, и не знает ли он, чрезвычайной посланник, что, как океан, все земли и береги водою напаяет и в свое море все принимает, а из своей глубины никуды воду не разпускает, тако и в сие Средиземное^{*} государство отвсюды прибегают и отвсюды пишут, и послов посылают, а они ниже пишут, ниже послов посылают. И за тою притчиною богдыханово величество никогда писать, ниже послов своих посылать не будет и ни х кому прежде не посылал» (л. 419 об.).

Выслушав этот витиеватый пассаж министра, посланник, рассмеявшись, сказал, что он очень уважает их государство и богдыхана, но то, что они называют Китай Средиземным государством, неправда, чему свидетельствуют географические карты. Напомнил посланник министру Тулишэню, что он и сам при прежнем императоре ездил с посольством к калмыцкому хану Аюке, российскому подданному, обитавшему в низовьях р. Волги²⁴. На что тот заявил, что ездил он не с грамотой, а с указом императора. Посланник парировал: «Указы посылаются к своим подданным, а не к чужим» (л. 420). Тулишэнь пытался отговориться тем, что якобы не знал о российском подданстве хана Аюки.

* Т.е. Срединное.

Чрезвычайный посланник предложил министрам письмо переслать на границу и при нем один экземпляр на латинском языке. Когда он прибудет на границу, прочтает то письмо и если не усмотрит в нем ничего предосудительного к чести российской императрицы, то он сам примет его или велит принять камиссару и в Сенат отослать. А в Пекине такое письмо ни коим образом принять не может. А если трактат состоится, тогда с их нарочным курьером то письмо он пошлет с границы. На том и порешили.

Отпускная аудиенция состоялась 19 апреля в загородном дворце Юаньминюань. Кроме посланника на нее были допущены только двое из его свиты — агент Л. Ланг и секретарь И. Глазунов по причине небольшого зала. Предварительно предложили посланнику письменно изложить свою просьбу, чтобы богдыхан «допустил ево святое свое лице видеть прежде его отъезду», предупреджая, чтобы он ни о каких делах не говорил, так как богдыхан «не весьма милостив за его упрямство, что не хочет заключить трактату по их проекту, которой он сам читал». Чрезвычайный посланник заявил, что желает видеть его величество, «а письменного прощения о том не даст, и в том воля Его богдыханова величества». И добавил, что если богдыхан будет его порицать и называть упрямым или неправедным из-за того, что не окончил трактат в Пекине, то он будет отвечать «то ж, что и им, министрам, ответственвал». Министры убеждали посланника в том, чтобы он ничего не говорил о делах богдыхану, так как он о делах и поступках известен, а «ежели де о чем будет хан говорить, то б он поклонился и слушал».

19 апреля рано утром, еще до восхода солнца поехал чрезвычайный посланник с агентом Л. Лангом и секретарем И. Глазуновым «в наилутчем убранстве» в коляске, перед которой «шли три лошади заводных в богатых уборах».

За полверсты до Юаньминюаня чрезвычайному посланнику велели покинуть коляску и дальше до самого дворца ехать верхом. Предварительно до начала церемонии С.Л. Владиславич получил конкретные наставления, как себя вести во время аудиенции. Было сказано, что «ханское-де величество жалует ево увидеть лице свое и намерен показать над ним милость и почтение большее иных послов», только и он должен будет кланяться «и прочее чинить по их обыкновению». Чрезвычайный посланник сказал, что один поклон он сделает в начале аудиенции, другой на отпуске, «а больше кланяться ему не пристойт», имея ввиду «коутоу».

Зал был небольшой и недавно отстроен: продолговатое помещение, покоящееся на восьми новых деревянных колоннах, еще не позолоченных, пол покрыт белым штукатуром^{*}, как большая нерпа. У входа в зал слева помещен внушительных размеров бубен, а с правой стороны находилось множество окошек, напоминавших шкаф. Посреди зала располагался престол, покрытый желтым небогатым убором, перед ним стоял стол с разными закусками.

Когда чрезвычайный посланник вошел в зал, богдыхана там еще не было. Вскоре он прибыл, сел на престол и взглянув на посланника, махнул рукой, чтобы тот тоже сел. С.Л. Владиславич поклонился и продолжал стоять, поскольку все присутствовавшие стояли. Тогда хан произнес: «Посол, сядь». Посланник опустился на подушку.

Богдыхан сидел на престоле более четверти часа, молча. Потом поднесли ему чай и все кланялись «сидячи по их обыкновению единожды головою до полу». После хана чай поднесли чрезвычайному посланнику, выпив, он также сидя, кланялся по их обыкновению. Кроме хана, двух его оберегателей, посланника, Л. Ланга и И. Глазунова в зале никто не сидел.

Глядя на посланника, хан обратился к нему с краткой речью, заключив ее словами: «Ныне же ты отъезжаешь и я тебя звал на аудиенцию и отпускаю с радостью. Приди ко мне и прими у меня чашу и выпей». Посланник поклонился, подошел к престолу, принял чашу из рук хана, что в Китае почитается за великую честь, затем намеревался от-

* Штук (стукко, стук) — искусственный мрамор из полированного гипса с добавками.

ступить от престола и только потом по их обыкновению выпить. Но хан приказал пить перед ним. С.Л. Владиславич выпил половину, хан рассмеялся и велел выпить все. Посланник в весьма непринужденной форме отвечал: «Хотя рюмка и велика, однакож из рук такого превеликого императора он выпьет, хотя и пьян будет». Хан снова засмеялся. Посланник выпил до дна и, отдав чашу, поклонился (л. 430). Хан, взяв со своего стола золотую тарелку с фруктами, дал ее чрезвычайному посланнику. Приняв ее, и вернувшись на свое место, С.Л. Владиславич поклонился головою до пола.

Через министров он передал просьбу, чтобы хан разрешил ему произнести краткие и нужные для него слова. Хан приказал говорить и снова рассмеялся. С.Л. Владиславич благодарил богдыхана за проявленную заботу о нем во время его болезни и просил пропустить в Пекин российский торговый караван, который уже давно находился на границе в ожидании разрешения прибыть в китайскую столицу. Хан, рассмеявшись, сказал, чтобы посланник подошел к нему поближе. Посланник поклонился и подошел. Хан произнес проникновенную речь, призывая посланника в переговорах соблюдать равномерно интересы обеих сторон, и завершил напутственными словами: «Когда я и твоя императрица имеем к такому доброму делу склонность, в чем я на тебя надеюсь. И ты с границы не уезжай, не окончив. А караван впредь пропуститца, когда все окончено будет». Посланник заверил хана, сказав, что если его министры будут поступать праведно и посредственно, то скоро все благополучно окончится. Выслушав посланника, хан в заключение сказал: «Поезжай с радостью, все окончится правдою и посредством».

По завершении официальной части перешли к трапезе, во время которой монарх первое золотое блюдо с закусками со своего стола передал посланнику со словами: «Кушай, посол». Потом последовали и другие блюда, предназначенные посланнику, двум оберэгателям хана, а также агенту Л. Лангу и секретарю И. Глазунову.

Сидели более получаса, пили чай, кланялись сидя. Наконец один из чиновников сказал посланнику, что пора уходить. И добавил: «Кланяйся богдыханову величеству за такую превеликую милость, каковой никоторый посол в Пекине не получал, и тебя радостно отпускает». Тогда посланник, а сзади него Л. Ланг и И. Глазунов стали на колени напротив престола и кланялись трижды, не вставая на ноги, ибо так повелел хан, «показуя лутчую склонность. И когда чрезвычайный посланник кланялся, то и хан главу приклонил и, встав с престола, пошел в свои палаты». Присутствовавшие поздравляли российского посланника с такой великой милостию богдыхана.

В продолжение церемонии члены посольства во главе с С.Л. Владиславичем, три министра и евнухи совершили получасовую прогулку по каналам на плоскодонных судах, наслаждаясь красотою водных сооружений дворцового ансамбля, затем посланника и сопровождавших его Л. Ланга и И. Глазунова привели в помещенье одного из приказов, где их потчевали всевозможными кушаньями, водкой, тарасуном, развлекали небольшим представлением, проходившим под тихую музыку, тихую из-за печали в связи с кончиной «ханской бабки».

По завершении всех составляющих действия, именуемого отпуском ауденцией в императорском дворце, посланник, поблагодарил за замечательный прием, сел в коляску и отбыл в Пекин. Спустя полчаса после его прибытия на Посольский двор, туда принесли столы с едой, те, что во время ауденции стояли перед посланником, Л. Лангом и И. Глазуновым (л. 431–432 об.).

23 апреля 1727 г. посольство С.Л. Владиславича покинуло китайскую столицу и направилось к границе. Перед отъездом посланник заручился обещанием цинских министров, что в пути китайская сторона обеспечит посольство продуктами и кормом для скота.

Завершился пекинский период переговоров С.Л. Владиславича, крайне напряженных, требовавших от него особой выдержки без потери достоинства в любых ситуациях, искусство талантливого дипломата. Трудно было противостоять изощренным средств-

вам давления цинского двора, обрушившего на него весь арсенал стратагемных методов воздействия, когда уступки и заверения в дружбе, демонстрации великолепия, роскоши и щедрости могущественной восточной империи сменялись на угрозы, обман и другие методы воздействия на посланника. Старались задобрить, подкупить.

Нередко, отступая от дипломатических норм ведения переговоров, министры оказывали на посланника прямое грубое давление, не раз пытались подкупить его. «Ты-де упрямец, а не посол, — в гневе обвиняли они С.Л. Владиславича, — и прибыл токмо для поздравления Его богдыханова величества и отдания подарков. Прими-де подарки к своей императрице и поезжай ни с чем» (л. 445). «Некогда мне грозили, а некогда великим награждением обнадеживали, ежели я таким трактатом обяжусь. Я ответствовал с порядком и равномерной гордостью, что я не изменник, ниже предатель Отечества» (л. 444 об.).

Как ни трудно шли переговоры, градус накала которых порою зашкаливал, какими бы изобретательными ни были цинские чиновники, оказывая давление на посланника, С.Л. Владиславич не допускал ничего такого, что могло бы оскорбить или унижить его оппонентов.

Для достижения своих целей цинский двор прибегал и к более жестким и изощренным методам давления. Так, 10 февраля 1727 г. привезли на Посольский двор «худую воду» (соленую) из-за чего заболели многие члены посольства. Чиновники отговорились тем, что в этом месяце вода бывает такая, якобы, от перемены воздуха (л. 364–364 об.).

Заболел и посланник. Цинский двор обеспокоился его болезнью, опасаясь, как бы тот не умер, не успев подписать так необходимый Цинам договор. Богдыхан ежедневно посылал к посланнику чиновников спрашивать о его здоровье, присылая диетическую еду, и однажды Посольский двор посетил самый знатный личный врач богдыхана (л. 370–371 об.).

Событийная канва приема посольства С.Л. Владиславича в Пекине позволяет проследить, как используя различные тактические меры при неизменной стратегической цели цинская дипломатия стремилась сломить волю «упрямого» посланника и заставить его подписать угодный для Цинов договор о границе. Посольскому церемониалу отводилась в этой стратагемной «ловушке» важная роль.

Согласно китайскому обыкновению при приеме иностранного посольства китайская сторона обеспечивала его питанием только 60 дней. Посольство С.Л. Владиславича находилось в Пекине 160 дней, в течение которых Цины неоднократно поднимали вопрос о прекращении «кормления». Из-за того, что посольство было лишено возможности продавать привезенный товар, а китайских денег у него не было, посланник даже приказал переплавить собственный сервиз в слитки на тот случай, если понадобится серебро для покупки продуктов. Но китайские власти по-прежнему не выпускали членов посольства за пределы двора, равно как и не пускали к ним китайских торговцев.

В грубой форме чиновники требовали, чтобы посольство скорее уезжало на границу. В противном случае грозили уморить в тюрьме или отпустить с бесчестьем, выгнать зимой в пустую степь, где бы посланник со свитой мог умереть от холода и голода. Подобные угрозы кончались тем, что китайские власти в очередной раз продляли снабжение продуктами на определенный срок. В последний раз добавили 20 дней, на что посланник заявил, что этого мало, требуется 30–40 дней, так как в степи еще холодно и нет травы для скота. Последние 20 дней пребывания в Пекине посольство питалось за свой счет.

Против обыкновения и несмотря на многократные протесты С.Л. Владиславича, Посольский двор открыли в том числе и для свободной торговли товарами, которые были привезены посольством на продажу, чтобы иметь необходимые средства, лишь 2 апреля 1727 г., т.е. за три недели до отъезда его на границу. Пришлось продавать дорогой товар за полцены. И тем не менее более трети товаров вынуждены были взять с собой, что привело к серьезным убыткам, усложнило обратный путь. И все это происходило на фо-

не длительной изоляции не только от Пекина, но и от России и внешнего мира, так как никакую переписку Цины посланнику не позволяли.

Однако 160 дней, проведенных в китайской столице, общение с министрами и другими сановными особами, а также визиты к западным миссионерам позволили С.Л. Владиславичу, опытному дипломату, первому из европейцев разгадать стратегию китайской традиционной дипломатии и спутать планы цинского двора на быстрое заключение договора о границе (другие вопросы их не интересовали) с существенным ущемлением российских интересов.

Подписанный С.Л. Владиславичем 21 октября 1727 г. Кяхтинский договор, ратифицированный 14 июня 1728 г., в основном отвечал интересам России и стал главным событием в истории российско-китайских отношений XVIII в., определив дальнейшее их развитие вплоть до середины XIX в. (Кульджинский договор 1851 г. и др.).

Интересы Китая тоже были учтены в договоре, императорский двор остался доволен итогами переговоров, тем не менее цинское историописание сделало акцент лишь на протокольной части приема посольства С.Л. Владиславича, представив ее в духе даннических традиций. «Русский Чахан-хан^{*} прислал посла Саву преподнести двору грамоту, поздравляющую его величество с восшествием на престол, и преподнести местную продукцию в качестве дани. Согласно правилам, в честь Савы был устроен пир, и он был пожалован ответными дарами»²⁵.

Именно так, в контексте даннической системы оценивали Цины отношения Китая с Россией, государством не только соседним, но и равновеликим ему. И посольский церемониал был призван наглядно демонстрировать незабываемость китаеццентристской модели «сюзерен-вассал», где по определению нет и не может быть паритета. Тем не менее, в первой трети XVIII в. российские посланники, и в первую очередь чрезвычайный посланник и полномочный министр С.Л. Владиславич-Рагузинский поколебали ее основы, в том числе и посольского церемониала. Цинскому двору пришлось поступиться основополагающими элементами порядка приема в императорском дворце, такими как передача посланником государственных грамот непосредственно в руки богдыхана и совсем неслыханное — беседа посланника с богдыханом о переговорах во время аудиенции, разрешение посланнику и его свите явиться на прием к императору при шпагах, что считалось нарушением дворцового этикета и др.

Описанные в данной статье и другие менее значимые моменты отхода от традиции служат убедительным свидетельством того, что в отношениях с Россией Цинский Китай пошел на уступки даже в таких столетиями складывавшихся основах китайской дипломатии, как посольский церемониал.

Подобные изменения стали возможными благодаря тому, что Россия тоже пересмотрела некоторые положения этикета в поведении отечественных послов в Китае, прежде всего это распространилось на исполнение послами обряда «коуту», которому в китайском церемониале отводилась наиважнейшая роль.

Другой причиной сговорчивости цинского двора в вопросах церемониала были опасения, что Россия может пойти войной против Китая, о чем С.Л. Владиславич писал в Статейном списке и в реляциях в Петербург. Об этом говорили ему и западные миссионеры.

Сказалось и стремление цинской стороны к скорейшему определению границы на оставшихся еще неразграниченными участках российско-китайской границы.

Значительной была и роль самого российского посланника, не поддававшегося на всевозможные ухищрения и уловки цинских переговорщиков. С.Л. Владиславич последовательно придерживался выдвинутого им принципа: «Да владеет каждый империиум всем тем, чем ныне владеет, без прибавки, ни умаления» (л. 444). В сложившейся

* Белый хан.

ситуации без потери достоинства он отстаивал национальные интересы России. И сделал это успешно.

Эти, а возможно еще и другие причины, скрытые в тайниках цинской дипломатии, обусловили то, что прием посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского прошел с существенными отклонениями от традиций посольского церемониала, частично по сценарию, предложенному российским посланником.

P.S. 11 июня 2011 г. в г. Шлиссельбурге, месте первой встречи Петра I с С.Л. Владиславичем, был установлен памятник Савве Лукичу Владиславичу-Рагузинскому, выдающемуся российскому дипломату, сподвижнику царя-реформатора, кавалеру ордена Святого Александра Невского.

1. С 1644 по 1912 гг. в Китае правила маньчжурская династия Цин. Свергнута Синьхайской революцией 1911–1913 гг., провозгласившей республиканский строй в Китае.
2. В официальных цинских документах часто используется ссылка на исторический прецедент. «В практике цинской дипломатии, — поясняет исследовательница Юй Цзе, — под словом «обычай» или «обыкновение» (ли) подразумевается тот или иной исторический прецедент, утвердившийся в официальном династийном историописании и тем самым обладавший законностью для тех или иных дипломатических или военных действий» (Юй Цзе. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 100).
3. Лишь в 1878 г. под давлением западных держав «коуту» был отменен.
4. Сюань Е (1654–1722) — второй император Цинской династии. девиз годов правления Канси (1662–1722).
5. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978. С. 227, 244. Далее: РКО в XVIII в.
6. Статейный список посольства тайного советника и кавалера, чрезвычайного посланника и полномочного министра, Ильирицкого графа Саввы Владиславича, разделенный на два тома // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Китаем. 1725 г. Оп. 129. Д. № 12. В полном объеме не публиковался. Список насчитывает 1287 л. рукописного текста с оборотами. Выписка, сделанная в Коллегии иностранных дел, опубликована в сб.: РКО в XVIII в. Т. 2. 1725–1727 гг. С. 409–466. Существуют и другие выписки и экстракты, меньшие по объему. Все сноски на Статейный список С.Л. Владиславича даны в тексте в круглых скобках.
7. Подробно о посольстве Л.В. Измайлова см.: РКО в XVIII в. Т. 1.
8. Подробный очерк о жизни и деятельности С.Л. Владиславича см.: *Павленко Н.И.* Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сиб. огни 1978. № 3. С. 155–168. О посольстве его в Китай см.: *Мясников В.С.* Посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского в Пекин // *Мясников В.С.* Квадратура китайского круга. Избр. ст. М., 2006. С. 355–374; *Его же.* Заключение Кяхтинского трактата (1728) // Там же. С. 355–400; *Его же.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII—XX вв. М. 1996.
9. Инь Чжэнь (1678–1735) — третий император Цинской династии, четвертый сын императора Сюань Е. Девиз годов правления Юнчжэн (1723–1735).
10. Ланг Лоренц (Лаврентий Лаврентьевич) (1690-е — 1752), швед, с 1712 г. на русской службе. В 1715–1717 гг. по распоряжению Петра I совершил первую поездку в Китай, где принял деятельное участие в налаживании российско-китайских торговых связей. В 1719–1722 гг. был направлен в Китай в качестве секретаря посольства Л.В. Измайлова. В 1725 г. включен в состав посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского. Затем, неоднократно возглавлял торговые караваны в Пекин. Всего шесть раз ездил в Китай по разным дипломатическим и торговым делам. В 1739 г. был назначен вице-губернатором г. Иркутска и одновременно руководил караванной торговлей. Автор нескольких проектов по улучшению российско-китайских отношений. О своих поездках в Китай оставил четыре дневника на немецком языке, два из которых переведены на русский язык (Подлинная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента

- е.в. Императора Российского при китайском дворе в 1721 г. // Сев. архив. 1892 г. Т. 3. № 17–18; Т. 4. № 19–22, 29; Записка о поездке в Пекин в 1715–1717 гг. // РКО в XVIII в. Т. 1. С. 487–497.
11. Посольский или Русский двор — комплекс зданий Хуэйтун гуань. Построенный еще при Минской династии в 1441 г., первоначально принадлежал князю одного из вассальных княжеств. После его смерти это место использовалось для размещения прибывавших в китайскую столицу посольств вассальных государств с данью. Останавливались там и российские дипломаты — И. Идес, Л.В. Измайлов, С.Л. Владиславич-Рагузинский. Сюда прибывали русские курьеры, гонцы, торговые караваны. Со временем за комплексом закрепилось название Посольский или Русский двор (Элосы гуань).
 12. Приказом, трибуналами, палатами, коллегиями в российских документах и литературе того времени именовались государственные учреждения Цинской империи.
 13. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1679 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной Коллегии иностранных дел в 1792–1803 гг. Казань, 1882. С. 128.
 14. Монгольский приказ, Палата, Трибунал, Коллегия внешних сношений — центральное учреждение правительства Цинского Китая, ведавшее делами «зависимых территорий» — Монголии и Тибетом, а также отношениями с Россией. Китайское название — Лифаньюань.
 15. Об этом см.: Статейный список Л.В. Измайлова // РКО в XVIII в. Т. 1. 1700–1725. Док. № 151.
 16. Разрядный приказ — Военное ведомство. Китайское название Бинбу.
 17. В составе посольства был аббат И. Крушали, в качестве переводчика латинского языка и «истории описателя», служивший по рекомендации С.Л. Владиславича в Коллегии иностранных дел России с 1717 г.
 18. Тарасун (монг.) — самогон из сквашенного кобыльею молоку у кочевых народностей Центрально-Азиатского региона. Также называли сибиряки и китайскую рисовую водку.
 19. См.: РКО в XVIII в. Материалы и документы. Т. 2. 1725–1727 гг. Док № 189.
 20. Юаньминюань — дворцовый ансамбль, расположенный к северо-западу от Пекина (в настоящее время находится в черте города), ближайшая летняя резиденция цинских императоров. Построенный в XVIII в. он представлял собою шедевр китайского зодчества и служил собранием несметного числа сокровищ, уникальных произведений искусства, книг. Юаньминюань был любимой резиденцией императора Инь Чжэня, который отреставрировал его, расширил территорию и даже посвятил ему собственное сочинение. Там он и скончался. Стрательство и усовершенствование дворцового ансамбля продолжил его преемник император Хун Ли (девиз годов правления Цяньлун 1736–1796), в том числе при участии западных миссионеров.
7 августа 1860 г. во время второй опиумной войны (1856–1860) подошедшие к Пекину англо-французские войска разграбили Юаньминюань и, чтоб скрыть следы мародерства, разрушили и сожгли этот замечательный памятник китайского зодчества вместе с оставшимися там раритетами. Восстанавливать его не стали, а в конце XIX в. построили недалеко от прежней летней резиденции императоров новую — Ихэюань.
 21. Подробно перечень подарков императрицы Екатерины I китайскому богдыхану см.: Статейный список (л. 281–282 об.); РКО в XVIII в. Т. 2. Док. № 196.
 22. Шпалера (нем.) — в данном случае это либо бумажные обои для покоев (устар.), либо настенные безворсовые ковры-картины, вытканые ручным способом, как правило из цветных шерстяных или шелковых нитей по красочным картонам, созданным живописцами. В словаре В. Далия приведен только первый вариант (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. СПб., М., 1882. С. 642).
 23. Подробно о ходе переговоров, всех его 58 раундов см.: *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII—XX вв. М., 1996. С. 186–205.
 24. Подробно о первом китайском посольстве см.: *Мороз И.Т.* Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1725) // Вост. архив. 2009. № 2 (20). С. 28–39.
 25. Да Цин шицзун сянь хуанди шилу (Записи [десяти] императора великой династии Цин Шицзуна). Изд. 54. С. 23а—23б. Цит. по: РКО в XVII в. Т. 2. Л. 509.

«Верное ядро Вампу». К 90-летию «партийной» военной школы Гоминьдана

© 2014

А. Юркевич

В статье представлен очерк истории военной школы Хуанпу (Вампу), созданной в 1924 г. при содействии СССР и с участием китайских коммунистов. Автор показывает значимость образа Хуанпу для «символической политики» Гоминьдана и КПК, роль школы не только в создании армии Гоминьдана и подготовке его военных кадров, но и в качестве основы жизненно важных для него институтов, таких как органы политического воспитания и пропаганды, спецслужбы, массовые общественные организации.

Ключевые слова: Гоминьдан, Коммунистическая партия Китая, военная школа Хуанпу (Вампу), помощь СССР Гоминьдану, Чан Кайши

Вынесенные в заглавие статьи слова принадлежат главному военному советнику южнокитайского гоминьдановского правительства В.К. Блюхеру. 7 декабря 1924 г. в телеграмме на имя полпреда СССР в Китае Блюхер назвал «верным ядром» лояльных китайскому «нацпредвижению» вооруженных сил Офицерскую школу сухопутных войск, расположенную на небольшом острове в предместьи Гуанчжоу Хуанпу (на местном диалекте Вампу) и кратко именовавшуюся по месту дислокации¹.

Определение на тот момент было абсолютно правильным. Школа Хуанпу и создававшиеся на ее основе пехотные части были единственным военным формированием в Гуандуне, не связанным с локальными милитаристскими группировками, и действительно самой надежной, хотя и малочисленной на тот момент опорой правительства. Но без оговорки здесь не обойтись. Национально-революционное движение, о котором писал Блюхер, согласно планам Москвы, должно было усилиями советников и китайских коммунистов приобретать все более радикальный «левый» характер. Однако в конце концов школа проявила себя главным образом как «ядро» тех сил в Гоминьдане и его армии, которые, выступая под лозунгами национальной революции, в то же время упорно противостояли попыткам превратить ее в революцию социалистическую.

О том, насколько тесно история школы Хуанпу сопряжена с процессом сложного и противоречивого взаимодействия двух крупнейших политических сил Китая — Гоминьдана и КПК, говорит уже тот факт, что с этим учебным заведением был связан жизненный путь крупнейших деятелей этих партий. Так, школа находилась в непосредственном подчинении Сунь Ятсена (1866–1925), первого временного президента Китайской Республики, основателя и вождя (*цзунли* — «главноуправляющего») Гоминьдана. Началь-

ником школы был Чан Кайши (1887–1975) — будущий лидер Гоминьдана и глава Китайской Республики. После 1949 г. пост вице-президента на Тайване занял Чэнь Чэнь (1898–1965), начинавший карьеру с должности инструктора Хуанпу и командира курсантского подразделения. Начальником политотдела Хуанпу долгое время был Чжоу Эньлай (1898–1976), впоследствии один из наиболее влиятельных руководителей Компартии Китая, премьер Госсовета. Из десяти маршалов КНР, получивших это звание в 1955 г., непосредственное отношение к гуанчжоуской Хуанпу имели пятеро. Ее выпускник Линь Бяо (1907–1971) стал министром обороны, заместителем председателя КПК, а в 1969 г. был официально объявлен преемником Мао Цзэдуна; другой выпускник, Сюй Сянцян (1901–1991), занимал пост заместителя председателя Военного Совета ЦК КПК; заместитель начальника отдела обучения Е Цзяньин (1897–1986) в КНР достиг постов министра обороны, члена ПК Политбюро ЦК КПК, председателя ПК ВСНП, заместителя председателя Военного совета ЦК КПК; секретарь политотдела Хуанпу Чэнь И (1901–1972) был заместителем премьера Госсовета, председателя Военного совета ЦК КПК и председателя Совета национальной обороны; Не Жунчжэнь (1899–1993), тоже работавший в Хуанпу секретарем политотдела, занимал посты заместителя премьера, председателя Госкомитета по науке и технике и др. На высоких должностях состояли сотни других военных и политических деятелей, этапом жизненного пути которых была учеба или служба в Хуанпу².

«Круглые» годовщины создания школы в КНР традиционно становятся поводом для научных конференций, публикаций сборников документов и воспоминаний о «первом периоде сотрудничества Гоминьдана и КПК» (1924–1927 гг.), о совместной борьбе коммунистов и гоминьдановцев за национальное объединение. На Тайване школа Хуанпу — в первую очередь символ исторических заслуг Сунь Ятсена и его политического наследника Чан Кайши, который до конца 40-х годов занимал пост начальника военных учебных заведений, преемствовавших статус и неофициальное имя гуанчжоуской школы. В идеологический оборот и на континенте, и на Тайване прочно вошла идеология «дух Хуанпу» — синоним самоотверженности и жертвенности во имя нации. Не оставлена тема Хуанпу без внимания и советскими/российскими историками — для них она связана преимущественно с проблематикой помощи СССР китайской революции, в частности, в создании и обеспечении деятельности школы³.

При том, что подходы к историко-символической значимости военной школы Хуанпу существенно различаются, все они имеют основания в ее реальной истории. Создание школы стало результатом политического альянса Гоминьдана и Москвы, установленного в 1923 г. Условием предоставления Гоминьдану советской помощи было участие китайских коммунистов в деятельности его структур — партийных, государственных и военных. Альянс сулил союзникам шанс на осуществление их политических планов в Китае, общий вектор которых так или иначе сводился к достижению политического объединения страны.

Вопрос о том, кому принадлежит инициатива создания школы, остается дискуссионным⁴. Однако примечательно, что советские дипломаты и советники, работавшие в то время в Гуанчжоу, были убеждены, что соответствующее предложение исходило от советской стороны⁵. По-разному в китайской и российской историографии оценивается и вклад Москвы в финансирование деятельности Хуанпу. Из некоторых советских/российских публикаций следует, что СССР едва ли не полностью финансировал школу по крайней мере до октября 1925 г.⁶ Некоторые современные китайские историки склонны уменьшать этот вклад⁷, в ряде тайваньских публикаций он и вовсе отрицается⁸. Однако документы, изданные в последние десятилетия на русском языке, подтверждают, что весной 1924 г. советская сторона перечислила Гоминьдану 500 тыс. рублей (примерно та же сумма в гонконгских долларах по курсу тех лет), главным образом для покрытия расходов на создание школы (хотя, видимо, на эти нужды была истрачена только часть полу-

ченной из Москвы суммы)⁹. Существуют документальные подтверждения и последующей советской финансовой поддержки школы Хуанпу¹⁰, хотя говорить о том, что советские дотации были главной формой финансирования школы, оснований нет.

В истории школы на континенте выделяют три периода: гуанчжоуский, нанкинский и чэндуский. Началом гуанчжоуского периода считается май 1924 г., когда в школе начались занятия, но ее официальное открытие состоялось 16 июня. С самого начала школа имела статус особого, «партийного» учебного заведения, выведенного из-под контроля органов военного управления и подчиненного *цзунли* Гоминьдана¹¹.

Учебно-методическую работу в школе направляли русские советники. Некоторые из них работали там постоянно, другие привлекались время от времени. Они составляли учебные планы и программы, готовили учебные пособия, проводили инструкторские занятия с офицерами. Старшим советником в школе был назначен сначала В.Я. Поляк, а с июня 1924 г. — А.И. Черепанов. Вместе с Н.А. Терешатовым он руководил организацией тактической и стрелковой подготовки; в октябре такой же работой стал заниматься Н.А. Шевалдин, впоследствии в ней участвовал В.М. Акимов. С 1924 г., когда в школе стали создаваться специальные классы для подготовки артиллеристов, связистов и инженеров, к организации учебного процесса подключились связист Н.А. Кочубеев (затем М.И. Дратвин), артиллеристы Т.А. Бессчастнов и Г.И. Гилев (в 1926 г. советником по артиллерии в школе был Т.С. Бородин, а Г.И. Гилев исполнял обязанности советника по снабжению), военный инженер В.А. Яковлев и др. Лекции в школе читала также начальник разведки советнической группы М.Ф. Сахновская. В 1926 г. старшими советниками в школе последовательно были М.Ф. Куманин и М.Г. Ефремов (занимавший также должность старшего советника при начальнике Главного штаба). С ноября 1925 г. в школе появился политический советник С.Н. Наумов (Калачев). В списке персонала школы «политическим лектором» числился также главный политический советник М.М. Бородин¹². Вновь прибывавшие в Гуанчжоу советники проходили в школе Хуанпу своего рода стажировку¹³.

Уже в 1924 г. школа Хуанпу стала фокусом сложного взаимодействия двух линий в военном строительстве Гоминьдана. Советские советники в своей работе делали упор на создание индоктринированного кадрового «костяка» в разношерстных «союзных» соединениях, поддерживавших южнокитайское правительство. Этот «костяк» призван был содействовать как проведению «положительной» работы в войсках, нацеленной на повышение их боевой эффективности, так и, в случае необходимости, «разложению» ненадежных формирований. Для этого советники в 1924 г., помимо Хуанпу, активно работали в военных школах «союзных» соединений¹⁴. Но Чан Кайши и его сторонники ставили перед собой другие задачи. Они стремились прежде всего к созданию «ядра» индоктринированной в ортодоксальном гоминьдановском духе новой армии, в которой «ядро» — «партийная» военная школа составляла бы единство с периферией строевых частей. Новая компактная военная организация была призвана оказывать силовое воздействие на ненадежных союзников и противников, а ее институты должны были участвовать в политической и административной организации населения в период «военного правления», предусмотренный политической стратегией Сунь Ятсена.

Эти две линии не были взаимоисключающими. Советники тоже были заинтересованы в создании верного Гоминьдану армейского «ядра». Однако необходимо оно было в качестве института, ведущие позиции в котором постепенно должны были занять работавшие в Гоминьдане коммунисты и сочувствовавшие им «левые». Та же судьба была уготована и тем партийным и государственным органам, созданию и укреплению которых всемерно содействовала советская сторона¹⁵. При этом советники предлагали нереалистичные способы создания военного «ядра», рассчитывая, что южнокитайские генералы для его формирования выделяют часть своего личного состава и вооружений¹⁶. Естественное для командиров Красной Армии представление о центра-

лизованном распоряжении военными ресурсами плохо согласовывалось с реальностью Китая, где войска нанимались и вооружались на средства генералов и служили орудием их личного влияния и обогащения.

Когда соответствующие предложения советников не были приняты генералитетом, командование школы Хуанпу в августе 1924 г. представило в ЦИК партии проект создания учебных частей — якобы с целью подготовки унтер-офицеров для всех «союзных» Гоминьдану соединений. Чтобы удешевить проект, предусматривавший обычную для Китая четырехбатальонную полковую структуру, советники предложили взять за образец структуру «три по три», принятую в Красной армии, и бесплатно поставить оружие для новых частей. Советская сторона брала на себя также покрытие половины расходов на их создание. Это обещание было выполнено¹⁷. Упомянувшееся выше создание в Хуанпу специальных классов — артиллерийского, связи и инженерного — было связано как раз с необходимостью подготовки кадров для двух полков, формирование которых при школе началось в августе – сентябре 1924 г. Вопреки обещаниям Чан Кайши, полки так и не стали выполнять роль «учебок». Командные посты в новых частях получали в первую очередь руководители, инструкторы и выпускники школы. В ноябре 1924 г. ЦИК Гоминьдана присвоил полкам Чан Кайши почетное наименование «партийной армии». Это способствовало воспитанию корпоративного духа хуанпусцев, сознания принадлежности к воинской элите национальной революции.

Когда по инициативе главного военного советника В.К. Блюхера южнокитайская армия в феврале — апреле 1925 г. предприняла Первый восточный поход против занимавших восточную часть Гуандуна войск Чэнь Цзюньмина, составленная из полков Хуанпу бригада «партийной армии» была одним из главных ударных соединений. Отличилась «партийная армия» и в проведенной в июне 1925 г. превентивной операции по разгрому юньнаньско-гуансийской милитаристской группировки, формально входившей в «союзную армию» южнокитайского правительства, но готовой вступить в альянс с его противниками¹⁸.

Военным успехам «партийной армии», или «армии Хуанпу», во многом способствовала политическая работа как в войсках, так и с населением — новое для Китая явление, получившее развитие благодаря советникам. Активнейшее участие в деятельности политорганов приняли китайские коммунисты, составлявшие около 10% личного состава школы. В ней был создан политотдел, начальником которого формально был назначен идеолог Гоминьдана Дай Цзитао (1891–1949), к исполнению своих обязанностей так и не приступивший. Резко активизировалась деятельность политотдела с осени 1924 г., когда в школу был назначен Чжоу Эньлай, ставший сначала заместителем начальника политотдела, затем возглавивший политотдел. Он руководил деятельностью и гоминьдановской партийной организации школы. В структурах Хуанпу и «партийной армии» впервые появились также должности комиссаров — «представителей партии» (*дан дай-бяо*), которым подчинялись политорганы; комиссаром школы стал ближайший сподвижник Сунь Ятсена Ляо Чжункай (1877–1925). Уже с осени 1924 г. курсанты Хуанпу стали привлекаться к ведению полнотрабты с населением в местах проведения учений, участвовали в массовых агитационных кампаниях, проводившихся Гоминьданом¹⁹.

Усилиями Чжоу Эньлая и его соратников в Хуанпу в конце 1924 г. были на официальных началах созданы прокоммунистические организации — общество «Искра», а затем «Союз молодых военных Китая», в который вошли представители других военных школ, отдельных частей, команд военных кораблей. Союз имел свой печатный орган, его эмиссары привлекались к агитационной работе в частях «союзной армии». Активность коммунистов побудила ортодоксальных гоминьдановцев к созданию весной 1925 г. собственной организации — Общества изучения суньятсенизма (*Чжуншань чжун сюэхуэй*; с января 1926 г. — Общество изучения идей Сунь Вэня — *Сунь Вэнь чжун сюэхуэй*). Особенность противостояния про- и антикоммунистических организаций в Хуанпу заключа-

лась в том, что официально они антагонистическими не считались и действовали под эгидой политотдела школы²⁰. Противоречия между двумя политическими течениями постепенно нарастали и впоследствии привели к расколу в стане хуанпусцев.

После провозглашения в июне 1925 г. гуанчжоуского правительства Национальным и принятия программы реорганизации вооруженных сил, которые получили имя Национально-революционной армии, был взят курс на преобразование школы Хуанпу в Центральную военно-политическую школу. На основе «партийной армии» был сформирован 1-й корпус НРА. Он сыграл главную роль в победах, одержанных войсками Национального правительства в ходе Второго восточного похода (осень 1925 г.), когда от противников Гоминьдана была очищена вся территория пров. Гуандун, а власть Национального правительства признала администрация пров. Гуанси²¹. Формально отделенный от структур ЦВПШ, 1-й корпус тем не менее оставался связанным с ней и персональным составом командования (он возглавлялся Чан Кайши, а в командный состав вошли почти исключительно офицеры-хуанпусцы), и уже сложившимися в школе и «партийной армии» традициями корпоративного единства.

К концу 1925 г. школа готовила офицеров разных военных специальностей, включая артиллеристов, саперов, связистов, кавалеристов, интендантов, политработников, даже кадры для военной полиции. Ее управление включало помимо органов, отвечавших за учебно-тренировочный процесс, организацию повседневной деятельности, снабжение и содержание школы, политработу, также военно-техническое, военно-юридическое и военно-медицинское отделения, типографию и другие подразделения. Тем самым школа фактически превращалась в зародыш будущих многофункциональных вооруженных сил, централизованно управляемых и имеющих сложную разветвленную организацию. В период подготовки к преобразованию школы в ЦВПШ с участием советских советников усиленно разрабатывалась нормативная база ее деятельности — положения, уставы, наставления, в том числе определяющие порядок ведения политической работы. Некоторые из этих документов послужили основанием для общеармейской регламентации. С 1925 г. у школы Хуанпу стали появляться отделения на временной основе (например, в Чаочжоу, где базировалось подготовительное отделение школы) или постоянной — в 1926 г. в Наньнине (пров. Гуанси), Чанша (пров. Хунань), а в начале 1927 г. — в Ухане (пров. Хубэй)²².

Успехи военного и государственного строительства Гоминьдана были с чрезмерным оптимизмом восприняты в Москве и советнической группе как свидетельства успешности курса на усиление роли коммунистов в гоминьдановских структурах и централизацию управления ими. Новое руководство военной советнической группы во главе с Н.В. Куйбышевым, прибывшим в Гуанчжоу осенью 1925 г., фактически отказалось от поддерживавшейся Блюхером концепции «ядра» национально-революционных вооруженных сил. Куйбышев воспринял Хуанпу как одну из корпусных военных школ, которые надлежало соединить в ЦВПШ, и пытался уравнивать 1-й корпус Чан Кайши в правах с другими соединениями НРА, добиться его жесткого подчинения вновь созданному Главному штабу, возглавленному советником В.П. Рогачевым. Такая позиция соответствовала курсу Москвы на усиление контроля за гоминьдановским партийно-государственным аппаратом, но исходила из переоценки степени влияния этого аппарата на те институты, которые были формально ему подчинены. Чан Кайши, занимавший в то время пост генерального инспектора НРА, ответил на политику советнической группы организацией инцидента, известного как «события 20 марта» 1926 г. Он обвинил коммунистов в попытке направленного против него переворота, провел обыски и аресты в Хуанпу и окружил своими войсками район Дуншань, где жили советники. Расчеты Чана оправдались. Москва, не отказавшись от своего стратегического курса, тем не менее предпочла пойти на уступки Чан Кайши, чтобы не ставить под угрозу основные достижения и перспекти-

вы своей политики в отношении Гоминьдана. Советники ушли с руководящих постов в НРА, позиции коммунистов в ЦВПШ были ослаблены²³.

Хотя коммунисты сохранили контроль над политотделом школы, Чан Кайши добился роспуска враждовавших общественных организаций, создав вместо них единое Общество соучеников Хуанпу (*Хуанпу тунсюэжуй*). Это была единственная в Китае военно-школьная корпорация, имевшая статус официальной организации, жесткую иерархическую структуру, определенную политическую платформу, сиементированная строгой дисциплиной и обязывавшая своих членов бороться за осуществление заветов Сунь Ятсена. Общество соучеников сыграло важную роль в обеспечении позиций Чан Кайши в армии.

Образование во время Северного похода НРА, предпринятого летом 1926 г. с целью объединения Китая, двух центров власти Гоминьдана — в Наньчане (потом в Нанкине) и Ухане, разрыв между ними в апреле 1927 г., а затем распад единого фронта Гоминьдана и КПК привели к расколу в среде офицеров-хуанпусцев. Ряд из них (Чжоу Энлай, Юнь Дайин, Не Жунчжэнь, Линь Бяо, Чэнь И и другие) приняли участие в Наньчанском восстании, поднятом КПК 1 августа 1927 г. Но значительная часть курсантов и офицеров поддержала Чан Кайши, многие стремились добраться до Нанкина, где в апреле того же года Чан начал воссоздание Хуанпу. В августе соперники в Гоминьдане вынудили его оставить пост главкома НРА и руководящие должности в партии и правительстве. Однако поддержка сторонников в армии, обеспеченная, прежде всего, Обществом соучеников Хуанпу, и в структурах Гоминьдана позволила ему уже в начале 1928 г. вернуться к командованию НРА и возглавить процесс формального объединения Китая под властью Национального правительства в Нанкине. Примечательно, что по возвращении Чан Кайши немедленно принял руководство и Центральной офицерской школой в Нанкине, которая стала считаться преемницей Хуанпу — это отразилось в нумерации наборов в школу, отсчет которых велся с первого набора в гуанчжоускую Хуанпу в 1924 г.²⁴

Гуанчжоуский и нанкинский периоды истории школы Хуанпу частично перекрываются: окончанием гуанчжоуского считается 1930 г., когда в Гуанчжоу состоялся выпуск курсантов 7-го набора, а началом нанкинского — апрель 1927 г. Как и прежде, школа оставалась одним из важных средств централизации и унификации военного строительства и управления вооруженными силами. Помимо Центральной офицерской школы в Нанкине существовали и другие военные учебные заведения, в 1935 г. тоже возглавленные Чан Кайши, но только она признавалась наследницей славы легендарной Хуанпу.

После начала Войны сопротивления Японии в 1937 г. школа несколько раз меняла место дислокации: она располагалась в Цзюцзяне, Ухане, Чунцине и в 1938 г. обосновалась в Чэнду, чем было положено начало чэндускому периоду ее истории, продолжавшемуся до 1949 г. У нее появились филиалы в разных провинциях Китая, контролируемых Национальным правительством. В 1945 г., после капитуляции Японии, отделения были расформированы, а в 1946 г. Центральная офицерская школа была переименована в Офицерскую школу сухопутных войск²⁵.

Школа Хуанпу и созданные на ее основе официальные и «неформальные» структуры стали зародышами целого ряда государственных и общественных институтов, в течение четверти века обеспечивавших жизнеспособность гоминьдановской государственности. Возникший в ней армейский аппарат политического воспитания и контроля в 30-е годы активно использовался для работы с населением при проведении кампании «за новую жизнь» (1934–1937 гг.), для политико-организационной работы среди учащейся молодежи. Структуры разведки и контрразведки, сформировавшиеся в 1-м корпусе Чан Кайши и в Обществе соучеников Хуанпу, стали основанием для будущих спецслужб, в том числе Бюро расследований и статистики Военного совета Национального правительства («цзюньтун»), которым фактически руководил хуанпусец Дай Ли (1894–1946)²⁶, а также «отрядов непоколебимых» (*бедундуй*) — разведывательно-диверсионной организа-

ции, возглавлявшейся другим выпускником школы Хуанпу — Кан Цзэ (1904–1967). Нельзя не отметить и тот факт, что в секретариате школы Хуанпу в 20-е годы начиналась карьера лидеров влиятельной гоминьдановской фракции Си-Си (Central Club) — Чэнь Лифу (1900–2001) и Чэнь Гофу (1892–1951), первый из которых руководил другой спецслужбой — Бюро расследований и статистики ЦИК Гоминьдана («чжунтун») ²⁷.

На основе Общества соучеников в 20–30-е годы была развернута целая сеть легальных и тайных общественно-политических организаций. Эти структуры, которые действовали под покровительством официальных армейских органов и спецслужб, играли важную роль в политических процессах, протекавших в Китае в 30–40-е годы, и даже всерьез претендовали на роль ядра Гоминьдана и авангарда национальной революции ²⁸. Их легальной организационной основой было созданное в марте 1932 г. Общество возрождения (*Фусиниэ*), численность которого его основатели намеревались довести до 2 млн человек. Оно было известно также как Общество синерубашечников (*Ланьшиэ*). По некоторым данным, его руководители и функционеры были объединены в тайные организации — Общество активных действий (*Лисиниэ*) и Союз молодых товарищей по революции (*Гэмин циннянь тунчжи хуэй*). Общество так и не стало массовым: в 1935 г. оно насчитывало лишь около 14 тыс. членов, в основном молодых военных и студентов, составлявших рекрутскую базу спецслужб. *Фусиниэ* контролировало десятки периодических изданий.

Первоначально Общество возрождения было формой политической самореализации хуанпусцев, далеких от вершин власти и проповедовавших революционный аскетизм и преданность вождю — Чан Кайши. Общество, с одной стороны, примыкало к так называемой «группировке Хуанпу» (*Хуанпу си*), к которой причисляли крупных военных деятелей, связанных со знаменитой военной школой, с другой — призывало противостоять разложению военной и политической элиты, сохранять в чистоте идеалы национальной революции ²⁹.

Радикализм «Общества возрождения», которому приписывались громкие политические убийства, вызывал недовольство остальных фракций в Гоминьдане. В 1938 г. оно было распущено. Вместо него была создана гоминьдановская молодежная организация, призванная объединить прочанкайшистские силы в партии, — Союз молодежи трех народных принципов (*Сань цин туань*). В его руководство вошли представители разных фракций Гоминьдана, но из 30 членов Исполнительного комитета 16 принадлежали к «группировке Общества возрождения» и «группировке Чэнь Чэна» — в то время начальника политотдела (политуправления) Военного совета, второй по значимости фигуры в иерархии хуанпусцев ³⁰.

За годы Войны сопротивления в политической системе Гоминьдана чрезвычайно усилились позиции «группировки Хуанпу». Ее ведущие представители совмещали военные посты с партийными и административными, зачастую сосредоточивая в своих руках всю полноту власти на огромных территориях. Так, Ху Цзунняня, командовавшего военным районом, современники называли «князем Северо-Запада»; занимавший аналогичный пост генерал Гу Чжунтун был хозяином в провинциях Чжэцзян и Фуцзянь, в южной части пров. Аньхой и восточной Цзянси; генерал Тан Эньбо — в провинциях Хэбэй и Хэнань. В 1945 г. из 57 военных в ЦИК Гоминьдана 32 были хуанпусцами ³¹. В их ведении оставались и главные органы системы военного обучения. О статусе школы Хуанпу в 30–40-е годы свидетельствует тот факт, что Чан Кайши отказался от поста начальника школы лишь в октябре 1947 г., когда для огромного числа офицеров НРА он уже был безусловным харизматическим лидером ³².

В 1949 г. вместе с руководством Гоминьдана на Тайвань переехали и многие избежавшие плена у коммунистов лидеры «группировки Хуанпу», которые вошли в тайваньскую политическую элиту. Немало хуанпусцев оказалось в эмиграции. Одним из важных косвенных последствий организационной активности хуанпусцев, участвовавших

в деятельности Союза молодежи трех народных принципов, стало слияние «группировки Общества возрождения» и «группировки Цзян Цзинго» (*Цзян Цзинго си*) в единую фракцию «союзовцев» (*туаньфан*). Так сын Чан Кайши и будущий лидер Гоминьдана, занимавший пост начальника политотдела военной организации СМТНП, обрел поддержку перспективных гоминьдановских аппаратчиков³³.

Офицерская школа сухопутных войск была восстановлена Чан Кайши в августе 1950 г. на Тайване, в г. Фэйшане, на базе офицерских курсов. Преемственность этого учебного заведения с Хуанпу вновь подкрепила нумерация курсантских наборов, непрерывная с 1924 г.: на Тайване приступил к учебе 24-й набор. Школа и поныне является главным источником кадров для тайваньской армии³⁴.

В начале 80-х годов идеологема «дух Хуанпу» вновь была востребована на континенте. Празднование 60-й годовщины школы Хуанпу стало поводом к налаживанию новых неформальных каналов связи между КНР, с одной стороны, и зарубежной китайской диаспорой, с другой. В июне 1984 г. в Пекине были собраны бывшие курсанты и офицеры школы, в основном жившие в КНР, а также прибывшие из-за рубежа. На их торжественном собрании, широко освещавшемся в прессе, присутствовали представители партийного и государственного руководства. Было воссоздано Общество соучеников Хуанпу. Его председателем стал Сюй Сянцзянь. О целях Общества говорит лозунг, под которым проходило его воссоздание: «Развивать дух Хуанпу, крепить теплые чувства между соучениками, содействовать единству Родины, отдавать все силы возрождению Китая!»³⁵. Общество стало издавать журнал «Хуанпу», выходящий до настоящего времени и публикующий главным образом материалы по вопросам военной истории Китая в XX в.

На Тайване задача реанимации «духа Хуанпу» стала вновь актуальной в конце 80-х годов, когда новые политические веяния стали угрожать политическому авторитету Гоминьдана. Одной из форм консолидации его приверженцев стало создание Общества бывших курсантов военных школ Китая. В заявлении подготовительного комитета Общества от июня 1988 г. отмечалось, что все китайские военные школы имеют своим «источком» Хуанпу, а их выпускникам предлагалось «развивать дух Хуанпу — дух единения, долга, жертвенности»³⁶.

Уход с политической арены престарелых хуанпусцев уже в начале 90-х годов снизил интерес публицистов и политиков к тематике, связанной со школой Хуанпу. Но внимание к ней историков, прежде всего китайских, по-прежнему велико, а связанные с ней образы, идеологемы и лозунги остаются в арсенале средств «символической политики» и идеологического воспитания как на Тайване, так и на континенте. А значит, не исключено и последующее использование символики Хуанпу для решения текущих проблем в ходе сложного диалога ведущих политических сил Китая.

1. В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы главного военного советника / сост., отв. ред., автор введения и примеч. А.И. Каргуновой. М., 2003. С. 44.
2. Известный сборник жизнеописаний видных хуанпусцев его автор-составитель назвал «Биографии трехсот генералов военной школы Хуанпу». См.: *Ван Юнцзюнь*. Хуанпу цзюньсяо сань бай мин цзян чжуань. Наньнин, 1989.
3. К 60-летию школы в КНР был выпущен сборник с красноречивым названием: Ди и цы гогун хэизо шицидэ Хуанпу цзюньсяо: цзинянь Хуанпу цзюньсяо чуанцзянь люши чжоунянь (Военная школа Хуанпу в первый период сотрудничества КПК и Гоминьдана: в память 60-й годовщины создания военной школы Хуанпу). Пекин, 1984. Биографии видных коммунистов и гоминьдановцев содержат упоминавшаяся выше книга Ван Юнцзюня, а также приуроченный к той же дате биографический сборник: Хуанпу цзюньсяо минжэнь чжуаньлюэ (Жизнеописания

- знаменитых людей, связанных со школой Хуанпу). Ч. 1 – 2. Чжэнчжоу, 1986. Особенности восприятия темы Хуанпу историками на континенте и на Тайване отражают статьи, опубликованные в сборнике: Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо. Цзинянь Хуанпу цзюньсяо 80 чжоунянь: Сюэшу луньвэньцзи (Национальная революция и военная школа Хуанпу: Сборник научных статей, посвященный 80-й годовщине военной школы Хуанпу). Чанчунь, 2004. Тема советской помощи школе Хуанпу в той или иной степени затрагивается практически во всех работах, посвященных истории Китая в 20-е годы, опубликованных в нашей стране с 60-х годов. Из работ, изданных после 2000 г., см., напр.: *Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1924 г. — июнь 1927 г.). М., 2000. С. 39–41; *Юркевич А.Г.* Москва — Кантон, 1920-е: помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М., 2013. С. 102 – 109, 133, 221–223 и др.
4. Согласно версии, принятой историками КНР в 80-е годы, идею создания военной школы предложил Сунь Ятсену представитель Коминтерна Г. Маринг во время встречи с лидером Гоминьдана в Гуэйлине в декабре 1921 г. См., напр.: Хуанпу цзюньсяо шилляо (Материалы по истории военной школы Хуанпу). 1924 – 1927. Гуанчжоу, 1982. С. 11 – 12; *Ся Чжэоцзюн.* Сунь Чжуншань юй Хуанпу цзюньсяо (Сунь Ятсен и военная школа Хуанпу) // Хуанань шинфань дасюэ сюэбао. 1985. № 2. С. 20, 63; *Чжэи Инся.* Гуаньюй «даннэй хэцзо» вэньтидэ таолунь (К обсуждению вопроса о «внутрипартийном сотрудничестве») // Цзиньдай ши яньцзю. 1984. № 1. С. 56 – 73. Однако в современной китайской историографии высказывается мнение, что источники этой версии ненадежны, документально она недостаточно подкреплена (см.: *Ли Цзикау.* Хуанпу цзюнь сяо чуанбань юаньци (Исходные причины основания военной школы Хуанпу) // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо... С. 118 – 120; *Хуан Суйшэи.* Дуй Хуанпу цзяньцзюнь и цзэ шилляо дэ каобянь (Разбор одного материала о создании военной школы Хуанпу) // Там же. С. 64). Не нашла подтверждения версии об инициативе Маринга и исследователь его личного архива д-р Ли Юйчжэнь из Института новой истории АОН Китая, с которой беседовал автор настоящей статьи.
 5. См., напр.: Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. — 1926 г. / сост., отв. ред.-сост., авт. предисл. А.И. Картунова. М., 2008. С. 157. Подробнее см.: *Юркевич А.Г.* Указ. соч. С. 96–98; В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы... С. 86.
 6. См., напр.: *Мировицкая Р.А.* Проблемы истории советской помощи национально-освободительному, революционному движению в Китае. Советский Союз и Национальные армии Китая (1924–1926 гг.) // Китай в новое и новейшее время. М., 1981. С. 56; *Картунова А.И.* Указ. соч. С. 39.
 7. См., напр.: *Ли Цзикау.* Указ. соч. С. 120–121.
 8. См.: *Сунь Цзыхэ.* Цун Хуанпу цзюньсяо цзяньцзюнь дао Бэйфа цяньси гэминцзюнь чжи цзюньсье вэньти (Проблемы вооружения революционной армии в период от создания войск Хуанпу до кануна северного похода) // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо... С. 349 – 361; *Хуан Бинфэи.* Хуанпу цзюньсяо чжи цзинфэй вэньти (Вопросы текущего финансирования военной школы Хуанпу) // Там же. С. 43–62.
 9. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 316–317.
 10. См.: *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Документы. Документированный очерк. М., С. 77; *Юркевич А.Г.* Указ. соч. С. 225–231. Имеющиеся документы говорят о том, что на финансовую поддержку школы из Москвы направлялись меньшие суммы, чем запрашивала советническая группа.
 11. *Ли Цзикау.* Указ. соч. С. 125.
 12. См.: *Юркевич А.Г.* Указ. соч. С. 102–106, 264.
 13. Там же. С. 105.
 14. Там же. С. 115–124.
 15. Там же. С. 118, 267–268, 338.
 16. Там же. С. 127.
 17. Там же. С. 129–130.
 18. Подробно об участии «войск Хуанпу» в этих кампаниях см.: В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы... С. 129–163, 184–291, 344–428.
 19. В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы... С. 86–90.

20. Подробнее см.: Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 329–350.
21. См. об этих событиях: *Черепанов А.И.* Записки воснного советника в Китае. 2-е изд. М., 1976. С. 288–315.
22. Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 398–427.
23. Подробнее об этом см.: *Черепанов А.И.* Указ. соч. 354–406; *Юркевич А.Г.* Указ. соч. С. 265–278.
24. Там же. С. 319–328; Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 391–397.
25. Краткие очерки истории школы Хуанпу после 1927 г. см.: *Ван Юнцзюнь.* Указ. соч. С. 18–23. См. также: *Пожилов И., Юркевич А.* Военная школа Хуанпу в истории Китая после 1927 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 6.
26. Дай Ли формально был заместителем начальника Бюро, но на деле возглавлял работу этого органа, получая указания лично от Чан Кайши. — *Ван Юнцзюнь.* Указ. соч. С. 831.
27. И военный, и «партийный» разведывательные органы были образованы в 1938 г. в результате разделения созданного в 1935 г. и возглавлявшегося Чэнь Лифу единого Бюро расследований и статистики Военного совета Национального правительства. — Там же.
28. *Eastman Lloyd S.* The Abortive Revolution: China under Nationalist Rule, 1927–1937. Camb. (Mass.), 1974. P. 32 – 34.
29. *Tien Hung-mao.* Government and Politics... P. 57; *Ма Ле.* Цзян цзя фу цзы юй Саньцинтуань (Отец и сын Цзяны и Молодежный корпус трех народных принципов). Пекин, 2007. С. 29–30.
30. Там же. С. 30–32, 39–40.
31. *Tien Hung-mao.* Government and Politics in Kuomintang China, 1927–1937. Stanf. (Calif.), 1984. P. 53.
32. *Чэнь Юй.* Хуанпу цзюньсяо цзай далу дэ... С. 6.
33. *Ма Ле.* Указ. соч. С. 56.
34. Подробно об офицерской школе сухопутных войск в Фэншане см.: *Чэнь Юй.* Чжунго Хуанпу цзюньсяо (Военная школа Хуанпу Китая). Пекин, 2007. С. 31 – 38.
35. Жэньминь жибао. 13. 06. 1984; 17. 06. 1984; 21. 06. 1984.
36. *Ван Юнцзюнь.* Указ. соч. С. 2.

О деятельности Панчен-ламы IX во Внутренней Монголии и Маньчжурии

© 2014

С. Кузьмин

Обсуждаются малоизвестные данные о деятельности Панчен-ламы IX (1883–1937) после его бегства из Тибета, в частности, его контакты с Внутренней Монголией, МНР, Маньчжурией, Японией и правительством Китая (преимущественно на материале архивов России и Монголии).

Ключевые слова: Панчен-лама, бегство из Тибета, Внутренняя Монголия.

В 1924 г. Панчен-лама IX Тубтен Чокьи Нима (1883–1937) бежал из Тибета. Причиной были высокие налоги, введенные правительством Далай-ламы XIII¹. В своих письмах к Далай-ламе после своего отъезда Панчен выражал претензии не к нему лично, а к его чиновникам. Он указывал, что уезжает на короткое время и будет собирать подношения среди буддистов Кама и Монголии². С тех пор обращает на себя внимание его деятельность среди монголов, в том числе в связи с тем, что его считают причастным к организации восстаний в МНР в 1930-х годах.³ Участники этих восстаний декларировали, что он их поддерживает, что он связан с Японией, скоро придет с армией и освободит страну от власти МНРП. Однако в пользу этого не опубликовано никаких материалов, кроме лозунгов и заявлений повстанцев.

Поэтому особый интерес представляют данные до сих пор не изученных донесений о деятельности Панчен-ламы в этот период в сопоставлении с фрагментарными сведениями, которые можно почерпнуть из публикаций того времени.

Больше всего сохранилось сообщений, касающихся слухов о прибытии Панчен-ламы (монг. Банчин Богд, Панчен-Богдо) в ту или иную местность, трактованных в зависимости от текущего момента. Такие слухи стали появляться задолго до бегства Панчен-ламы IX из Тибета. Истоки этого могли быть в представлениях о священной Шамбалинской войне против врагов буддизма, довольно широко распространенных в Тибете и Монголии начала XX века. Согласно им, Панчен-Богдо родился будущим 25-м царем Шамбалы Рэгдэндагвой, а монгольский первоиерарх Богдо-гэгэн — полководцем Шамбалы Ханумандой⁴. «Учение о Шамбалинской войне очень сильно привилось в Монголии и в связи с верой в Панчену является самым сильным агитационным средством для мобилизации воинственных настроений в массах. Очень сильным покровителем Калачакры был последний ургинский Богдо-гэгэн»⁵ — последний великий хан Монголии.

Еще при постройке дацана в Петербурге (1909–1915 гг.) среди лам были слухи: он строится с тем расчетом, что туда когда-нибудь придет Панчен-Богдо, который возьмет 5 стран под свое покровительство⁶. Уход Панчену из Тибета в 1924 г. мог рассматриваться как подтверждение таких предсказаний.

Весной 1924 г. Панчен добрался до монастыря Гумбум в Амдо, где прожил до осени. К нему из Урги был послан делегат, чтобы уговорить избрать местопребыванием Ургу. «Насколько известно, эта миссия была выполнена вполне успешно, но китайское правительство, узнав об этом, заставило Баньчена немедленно выехать в Пекин, угрожая в противном случае прибегнуть к силе». Зимой 1925 г. он находился на священной горе Утай-Шань в провинции Шаньси. Оттуда он должен был прибыть в Пекин в марте — апреле 1925 г.⁷

Слухи о возможности приезда Панчена в Ургу появились еще до того, как он остановился в Китае. Обсуждалась возможная польза от такого приезда для красных⁸. В октябре 1924 г. представитель Далай-ламы в СССР — А. Доржиев ездил в Пекин из Урги под видом закупки лекарств для монгольского населения, а на самом деле — чтобы «побудить Банчен-Богдо поехать в Ургу и не допустить его поездки в Пекин, которая, по мнению тибетцев, грозит посылкой карательной экспедиции против Далай-ламы в Тибет. В Пекине Доржиев был в постоянных отношениях с Далай-ламскими представителями перед китайским правительством — 4 хамбо-ламами, проживающими в тибетском подворье в монастыре Юнхэгуи и с негласным представителем того же Далай-ламы — Джимби Догмидом. Увидав всю бесплодность своих попыток, Доржиев выехал обратно в Ургу, а оттуда должен был отправиться в Забайкалье»⁹.

В начале декабря 1924 г. в Китай выехал министр народного просвещения МНР О. Жамьян-гун, чтобы приобрести 120-томный канон «Данджур». Он имел и конспиративное поручение: попытаться пригласить Панчена в Ургу. Но, согласно английским и китайским газетам, китайское Бюро по делам Монголии и Тибета обещало приложить все усилия, чтобы Панчен уехал в Пекин. Монгольское правительство исходило из того, что приезд Панчена в Ургу улучшит образ жизни лам, ослабит авторитет реакционного ламства, укрепит позиции народного правительства и повысит его престиж среди буддистов. Может быть, удастся его «обработать» в антиимпериалистическом и антианглийском направлениях и сделать авторитетным сторонником сближения Тибета с СССР. Однако зам. советского полпреда Юдин считал, что этот приезд даст отрицательный результат, так как укрепит позиции духовенства¹⁰.

Примерно в 1924 г. состоялось совещание Панчена с Дуань Цижуюем. Они говорили о том, что необходимо в ближайшее время послать войска во Внешнюю Монголию (т.е. МНР) — иначе трудно решить монгольский вопрос¹¹.

Уполномоченный I-го отдела ОГПУ Амагаев докладывал, что лично Панчен намеревался из Тибета уехать в Монголию, но его приближенный Лунсан устроил так, что Панчен поехал в Пекин. «Приехав в Пекин раньше Панчен-Богдо, Лунсан успел вручить пекинскому правительству грамоту с печатью Панчен-Богдо о том, что половина населения Тибета добровольно признала себя подданными Китайской республики». После этого Панчена встретили там весьма торжественно¹².

В феврале 1925 г. Панчен-Богдо прибыл в Пекин и разместился в бывшем императорском дворце Чжуннаньхай. Дуань Цижуй — теперь китайский президент — принимал Панчена с почетом, присвоил ему ряд титулов и т.д. 11 марта 1925 г., узнав о выводе советских войск из МНР, Панчен-Богдо сказал Дуань Цижую, что Внешняя Монголия — территория Китая, теперь наступило подходящее время овладеть ею, и надо об этом вести переговоры¹³.

Согласно донесению в ОГПУ из Пекина 18 сентября 1925 г., Панчен, бежав из Тибета, «собирался направиться во Внешнюю Монголию, а затем во Внутреннюю Монголию по приглашению монгольских князей. Этой поездке препятствовал Чжан Цзолинь. Фэн (Юйсян. — *Ред.*) предполагал предложить ему выехать в Долоннор и приставить к нему охрану в виде монгольского кавалерийского отряда, который должен будет следить за самим ламой, дабы он не связался с Чжан Цзолинем. Поводом для переезда в Долоннор может быть наличие там двух знаменитых кумирен, а затем как ближайший пункт к

населению Внутренней Монголии»¹⁴. Таким образом, Панчена пытались использовать китайские милитаристы Чжан Цзолин и Фэн Юйсян, находившиеся в конфликте друг с другом.

Вокруг резиденции Панчена в Пекине была китайская охрана, ему шла широкая материальная поддержка; в день туда приходило 200–300 паломников. Хубилган из Монголии — Ламала «подтвердил, что Панчен-лама еще недавно определенно высказывался о скором наступлении времени обновления Будды (время Шамбалы). Сейчас Ламала живет в подворье Ташилхунпо в Урге»¹⁵.

В апреле-мае 1925 г. А. Доржиев командировал к Панчену в Пекин доромбу Ацагатского дацана Чойнжура Аюшинева с письмом и подарками. Содержание письма неизвестно; предположительно в нем содержалось приглашение прибыть в Улан-Батор. Ведь такое приглашение монгольское правительство посылало Панчену через Доржиева, еще когда он ездил в Пекин в 1924 г.¹⁶

В 1925 г. делегаты МНР, посланные на переговоры с китайцами, встретились в Пекине с Панчен-Богдо. Представитель Коминтерна Т. Рыскулов, вначале тоже собиравшийся пойти «на поклон», потом «счел это неудобным перед довольно искренно религиозными моими монголами». А. Амар, Цэцэн-хан и другие делегаты говорили Панчену о желании населения Монголии, чтобы он приехал, об отрицательном отношении к китайцам. Делегация привезла в ЦК МНРП письмо Панчена, где он писал о давнем желании побывать в Монголии. Хатан-Батор Максаржав и некоторые другие верующие из руководства высказались «за», Джадамба, Хаянхярва, Дамбадорж и другие из «молодого крыла» — «против». Вопрос остался открытым. Все переговоры проходили под контролем советских представителей¹⁷.

Гражданам МНР в то время иногда разрешалось ездить на поклон к Панчену. Согласно донесениям некоего И. Г. Салтыкова в ОГПУ, инструктор снабжения МНРА Шпильман с шоферами-монголами военного гаража был в Калгане. Он хотел возвратиться, но шоферы требовали поездки в Пекин на поклон к Панчен-Богдо. Они послали телеграмму в военное министерство, и поездку им разрешили¹⁸.

В сентябре 1925 г. Фэн Юйсян для установления контактов с Панченом попытался использовать ордосского гэгэна Ванданниму — одного из основателей народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ). «Фэн имеет в виду использовать его для посылки в пров. Шаньси и Утай-Шань на предмет привлечения ламы Банчэнь Эрдэни в Долоннор на постоянное жительство». Ванданнима прибыл из Пекина в Калган и должен был задержаться там для встречи с Фэном¹⁹. Однако Фэн не смог реализовать этот план. Панчен наладил контакты с Чжан Цзолинем и уехал в его столицу Мукден.

Причина отъезда из Пекина была следующая. Китайское Бюро по монголо-тибетским делам отпустило на Панчен-Богдо недостаточно средств. Поэтому в один из приездов Чжан Цзолиня в Пекин Панчен обратился к нему с жалобой на бюро. Чжан сделал выговор его главе Гун-вану (князю Гунсэннорову. — *Ред.*). Отношения Панчена с бюро обострились. Тогда Панчен обратился за помощью в Мукден. Его приезду туда китайские чиновные круги придавали большое значение²⁰.

Чжан Цзолин предоставил императорский монастырь Хуансы в Мукдене под резиденцию Панчена²¹. Для него была создана монгольская типография²². В Мукдене полиции был отдан строгий приказ об охране Панчена, о наблюдении за приезжающими монголами и недопущении красной пропаганды. По агентурным сведениям, он хотел созвать широкое совещание монголов, чтобы обсудить, на кого должна ориентироваться Монголия. Приток паломников в день был 300–500 человек, в основном из Внутренней Монголии, но многие приезжали и из МНР²³.

В 1926 г. Панчен-Богдо в Мукдене участвовал в работе организованной Чжан Цзолинем конференции по борьбе с коммунизмом в МНР²⁴. До марта 1931 г. Панчен путешествовал по Внутренней Монголии, причем его базой оставался мукденский мона-

стырь Хуансы²⁵. Кроме того, он стал отправлять эмиссаров за поддержкой в Японию и собирался обратиться к президенту Китая Дуань Цижую²⁶.

Что касается контактов Панчена с японцами, в исследовательской литературе нет ясности по поводу того, ездил ли он в Нагасаки²⁷. На этот счет есть сведения в донесениях ОГПУ. Летом 1926 г. японское правительство послало Панчену приглашение на паназиатский конгресс в Японии, но оно было отклонено. В Пекине планировался Буддийский собор, но Панчен не собирался участвовать и в его работе. В монастырях Улан-Батора и тибетском полпредстве в МНР к этому собору отношение было резко отрицательное. В донесении за сентябрь 1927 г. также отмечалось, что Панчен-Богдо отказался от участия в паназиатской конференции в Японии и в совещании князей Внутренней Монголии, оттягивал поездку во Внутреннюю Монголию. Из этого сделали вывод, что «от активного участия в политической работе он пока воздерживается, т.к. выжидает выяснения обстоятельств как в Китае, так и в Тибете (переписка с Далай-ламой о своем возвращении в Тибет)». При Панчен-Богдо состоял английский офицер, который преподавал ему английский язык и военные познания (при этой информации стоит резолюция: «Требуется подтверждения»)²⁸.

В 1926 г. Панчен участвовал в конференции по борьбе с большевизмом в Монголии, созванной Чжан Цзолинем²⁹. Газета Morning Post 31 января 1921 г. сообщала: на конференции в Мукдене Панчен собирает тысячные толпы буддистов. «осуждает советский строй как антирелигиозный, а потому враждебный буддизму». Журнал China Weekly Review 11 апреля 1927 г. поместил большую статью «Великобритания, Россия и Панчен-лама». В ней, в частности, сообщалось, что антагонизм Панчена к Советам возрастает. В Пекине стало известно его изречение о том, что «большевизм является злом и представляет собой угрозу всему миру». За последние 6 месяцев его резиденцию в Мукдене посетили тысячи людей. «И всем им было преподано наставление о том, что большевизм является врагом всякого религиозного учения, в силу этого является и врагом буддизма, а потому истинный буддист должен делать все, что в его силах, для того, чтобы воспрепятствовать распространению советских доктрин»³⁰.

Согласно «Докладной записке о деятельности Панчен-Богдо» в ОГПУ, в Мукдене он агитирует против Советов, «осуждает советский строй, как антирелигиозный, враждебный буддизму и т.д.» В МНР распространялись слухи, что «осенью 1926 г. прибудет Панчен-Богдо с 80000 солдат и 88 богатырями, уничтожит народное правительство». Эта агитация — одна из причин активных выступлений ламства в ряде районов МНР против народного правительства. «Необходимо также дать по линии соответствующих органов указание в Ургу, чтобы монгольский Духовный Совет вынес свой протест на случай выступления Панчен-Богдо, выявив в нем свое отношение к мероприятиям Соввласти и народно-революционной Партии в отношении религии»³¹.

Из Мукдена Панчен ездил по монгольским монастырям и давал тантрические посвящения, привлекавшие тысячи монголов. С конца 1926 по начало 1929 г. он фактически жил среди буддистов Внутренней Монголии³². К нему ходили многие верующие из МНР, чтобы получать его лундэны и учения³³. Судя по переводу одного из них, речь шла не о политике, а о том, что надо жить, не совершая грехов³⁴.

Приезжали к нему и из других стран. В 1927 г. бурятский лама Цыбиков ездил в Мукден на поклон. Панчена окружали 300 человек — «почетный караул», его свита из тибетцев и монголов. Сохранился список четырех бурятских лам, ездивших на поклон к Панчен-ламе и в 1929 г. живших в МНР. Еще до его приезда в Мукден, в 1925 г., на поклон приезжали 4 калмыка³⁵.

В первые годы после бегства из Тибета Панчен занимался почти исключительно религиозной деятельностью, на политические мероприятия обычно посылал своих представителей. Были открыты его канцелярии, которые использовались в основном для кон-

тактов с китайскими властями. Эти канцелярии находились в Пекине, Тайюаньфу, Нанкине, Мукдене, Синине, Чэнду, Дацзянлу (Дарцедо) и Калькутте³⁶.

Панчен-Богдо налаживал контакты с торгутами в Синьцзяне. Из Хоргоса 16 ноября 1927 г. сообщали, что к торгутским князьям из Пекина прибыли его представители. От них будто бы стало известно, что он едет в Кашгар, куда для встречи приглашаются князья. Были ложные слухи о приезде посланца Панчена в Калмыкию; среди монголов — о том, что Панчен думает восстановить маньчжурскую династию. Но в Синьцзян через Монголию делегация Панчена действительно поехала (телеграмма от 9 сентября 1927 г. из Урумчи). Она собиралась побывать в Карашаре для свидания с местным гэгэном. 20 марта 1928 г. из Кульджи сообщалось о прибытии делегации из 12 человек от Панчен-ламы в Урумчи. Там она разделилась на 2 группы, направившиеся в Тарбагатай и Карашар. Их целью было выяснить отношение торгутов к Панчену. Опять пошли слухи, что он сам должен прибыть в Синьцзян, в июне или в июле³⁷.

12 декабря 1927 г. Мукденское управление маршала получило доклад от Панчен-Богдо о том, что он полагает выехать в Пекин для личного доклада Чжан Цзолиню (тогда президенту Китая. — *Авт.*) о результатах совещаний с монгольскими представителями. На этих совещаниях Панчен «проводил политику склонения монголов в пользу Чжан Цзолиня». Он указал на необходимость поддерживать искренние отношения с пекинским правительством, по указу которого должно проводиться строительство и реформы во Внутренней Монголии; и чтобы предотвратить проникновение советских агентов через Внешнюю Монголию, он хочет просить Чжан Цзолиня послать солдат во Внутреннюю Монголию на случай интервенции Красной армии через Внешнюю Монголию³⁸.

4 июня 1928 г. японцы убили Чжан Цзолиня. Ему наследовал сын — Чжан Сюэлян. Он поднес Панчен-Богдо 20 000 долл. и дал ему поручение агитировать за объединение монгольских племен. По сведениям из Улан-Батора за август 1928 г., Панчен собирался ехать на Силингольский сейм с санкции китайского руководства. Ламы улан-баторских монастырей Гандан и Хурэ усиленно обсуждали его прибытие к границам Халхи³⁹.

Примерно в это время Панчен отправил посланцев к алтай-урянкам. По письму к князю урянхайского хошуна Сысору, их целью был сбор подношений. По донесению ИНО ОГПУ от 2 октября 1928 г., недавно в Монголию приехала делегация из 4 тибетцев, посланных Панчену для сбора пожертвований в Алтай-Урянхайский хошун. Делегация была задержана в районе г. Кобдо. Видимо, она провела там несколько месяцев, пока шла переписка. Алтай-Урянхайский сайд послал монгольским властям ультимативную ноту протеста, требуя пропуска делегации. В ноте была ссылка на Нанкинское (гоминьдановское) правительство. В ней говорилось: «от исполняющего дела Гоминьдановского государства Алтай-бэйсэ Тай-Бина на имя Восточного Алтай-ханульского хошунного управления». Командование охранных войск наложило резолюцию: «желательно прибывших немедленно отправить обратно»⁴⁰.

2 декабря 1928 г. Панчен со свитой в 200 человек и 10 телохранителями прибыл в монастырь Пандита-гэгэна в Силинголе (Внутренняя Монголия). В монастырях соседней Дариганги в МНР распространялись слухи о его предстоящем приезде. В связи с этим в среде лам было большое оживление. Они рассчитывали с помощью Панчена восстановить власть Богдо-гэгэна. По донесению от 20 февраля 1929 г., Панчен разъезжал по Силинголу без охраны. «Все хутухты и хубилганы из МНР уезжают побывать у него, за исключением Егузэр-хутухты»⁴¹.

Эти сведения встревожили руководство МНР. По протоколу заседания президиума правительства от 19 декабря 1928 г., на нем был заслушан доклад ГВО МНР. Постановили: «учитывая неустойчивое положение за пределами МНР, особенно в Китае, воспретить в настоящее время поездку граждан на поклонение Панчен-ламе». По данным на май 1929 г., население Восточной Монголии было недовольно этим запретом⁴².

Из Силингола Панчен ездил в Баргу (Хулунбуир). Еще 6 июля 1927 г. в Калган приезжал его личный секретарь, нанял шофера Витте (работавшего на своем автомобиле на тракте Урга — Калган). Они ездили в Долоннор для подготовки визита. По донесению Витте 21 марта 1928 г., Панчен «прошлым летом ездил в Долоннор, но никаких данных у нас нет». По крайней мере, осенью 1929 г. он был в сомонах Хулунбуира. По непроверенным сведениям от 16 июня 1929 г., он хотел, будучи во Внутренней Монголии, организовать поход на МНР, но не нашел поддержки в Барге⁴³.

В 1928 г. гоминьдановское правительство вело переговоры с представителями Панчена⁴⁴. Судя по переписке с главой Гоминьдана Чан Кайши, Панчен старался узнать, какую помощь может получить до того, как даст какие-либо обещания⁴⁵.

Осенью 1929 г. в МНР ходили слухи, что от Панчена было письмо, может быть, к монгольскому правительству, о том, что его надо пригласить в МНР, иначе он сам придет из Китая с солдатами, чтобы овладеть Халхой. По другим слухам, он вскоре должен прибыть или уже наступает. Но его донир Лобсан Чойндон говорил: вряд ли можно ждать прихода Панчена-Богдо; этот вопрос мог бы решиться только после урегулирования отношений России с Китаем. Говорили также, что Панчен собрался в путь, что он едет в монастырь Лабранг в Амдо. По данным на 3 января 1929 г., тибетский донир в Улан-Баторе считал, что Панчен в Китае — как пленник, он хочет выехать во Внешнюю Монголию, чтобы оттуда отправиться в Тибет. Поэтому донир хотел поехать к нему вместе с представителем монгольского правительства⁴⁶.

Восточный отдел ОГПУ указывал 18 июня 1929 г.: «Информация о Панчен-Богдо-гэгэне идет по всем линиям и отличается крайней разноречивостью». С одной стороны — он собирается в Тибет, с другой — стремится организовать феодально-ламские силы против СССР и МНР⁴⁷.

По донесению в ОГПУ 20 июля 1929 г., в эскадронах МНР в Дариганге, Егузэре и Тамсаге были случаи бегства солдат к Панчену. В августе 1929 г. он переехал в один из монастырей хошуна Барун-Сунуд Внутренней Монголии. В сентябре 1929 г. он был в хошунах Дзун-Сунуд и Барун-Сунуд, останавливаясь в разных монастырях. Дальнейшие планы Панчена видны из документа «Выписка из сводки ИНО ОГПУ от 5 XI. 29 г. № 53893»: «По проверенным данным, Панчен-Богдо собирается выехать в Пекин, а оттуда в Тибет. Верно /подпись/ 13.XI.29 г.»⁴⁸

Тем не менее, после расстрела халхасского Зая-пандита-хутухты, который хотел пригласить Панчена, и «заговора Эрэгдэндагвы», который собирался передать письмо к нему с просьбой о помощи, красные заявляли, что против революции верхи «ламства готовы искать помощи даже у злейших врагов МНР — китайских милитаристов, и что через Панчен-Богдо который, изменив родному Тибету, продал себя китайским милитаристам, эти верхи ламства готовят в МНР китайскую интервенцию» (май 1930 г.)⁴⁹

В мае — июне 1930 г. в Нанкине прошла конференция Гоминьдана по монгольским делам. В резолюциях ограничивались права лам, Внешняя Монголия и Тибет объявлялись частями Китайской Республики⁵⁰. В 1931 г. Панчен-Богдо был назначен членом Нанкинского правительства, получил субсидию в 0,5 млн долл. на свои расходы и приехал в Хайлар. Там он вел большую работу при помощи японского консула. Из пригнанных с Китаем районов к нему шло нечто вроде петиций с просьбами об избавлении⁵¹.

После похищения чекистами и вывоза из Маньчжурии в СССР Мерсэ — одного из основателей НРПВМ, его допрашивали в ГПУ. На одном из допросов Мерсэ говорил, что Панчен-Богдо был во Внутренней Монголии в 1930 г. Там его охраняли солдаты местного князя Ундур-вана. Летом 1931 г. Панчен ездил в Хайлар, оттуда — в Ганджур-сумэ (Барга), осенью в Узэмчин. Туда приезжали посланцы для его приглашения. На другом допросе Мерсэ говорил, что Панчен-Богдо был приглашен баргинским ямынем в Хайлар, чтобы ему могли поклониться баргуты. В Барге он прожил почти 2 месяца, затем вернулся в Силингол, собирался в Уланцаб. Общаюсь с приближенными Панчена,

Мерзэ убедился «в совершенном отсутствии у них каких-либо политических познаний. А кроме того, они очень желали поскорее возвратиться в Кукунор и северный Тибет, в отношении же Внутренней Монголии не имели никаких намерений». С самим Панченем он не говорил о Внутренней Монголии. Но в 1931 г. ходили слухи, что в Силинголе для Панчен-ламы строят храм Паньчань, — тогда это место сделалось бы центральным пунктом во Внутренней Монголии⁵².

По данным на 21 января 1931 г., 4 японца выехали со свитой Панчена во Внутреннюю Монголию. По данным на 4 февраля 1931 г., представитель англичан при его ставке прислал 2000 фунтов стерлингов и выразил желание примирить Панчен-ламу с Далай-ламой⁵³.

Разведсводка главного штаба МНРА от 5 января 1931 г. передавала слухи о том, что Панчен-Богдо с помощью Чжан Сюэляна готовит войска, что он хочет отомстить партиям-монголам, и на это идет сбор средств. По донесению ИНО ОГПУ 11 марта 1931 г., японцы выдают займы ряду князей Внутренней Монголии, снабжают отдельных князей и хунхузов оружием для борьбы с китайцами, поддерживают связь с князьями через монгольских монархистов, императора Сюаньтуна (Пу И) и атамана Семенова. Ходили слухи, что и Панчен находится под сильным влиянием японцев. Последние используют его имя для объединения монголов вокруг лозунга борьбы с Внешней Монголией, у них есть план организации монгольской армии из внутренних монголов и белогвардейцев для завоевания Халхи под командованием Панчена. «Кто из окружения Панчен-Богдо является японскими агентами, точно неизвестно». Было лишь известно, что Лин-гун (сын фудутуна Барги) в последнее время тесно связан с Панченем и с его окружением. Лин-гун находится под влиянием японцев. При поездке Панчена по Внутренней Монголии его сопровождали 4 японца⁵⁴.

В марте 1931 г. Панчен был в Силинголе, отложив возвращение в Мукден. Туда он прибыл 11 апреля, 27 апреля уехал из Мукдена в Нанкин. Монгольские князья собирались помочь ему вернуться в Тибет. В Нанкине он намеревался встретиться с Чан Кайши для доклада и обсуждения дел с Монголией и Тибетом⁵⁵.

В этот период Панчен накапливал военные силы. По сведениям на 29 марта 1931 г., он хотел организовать монгольский кавалерийский отряд для похода в Тибет, по другим — оружие шло в Силингол для русских белых и бурят против Улан-Батора. Пекинская канцелярия Панчена вызвала в Пекин молодых тибетцев, обучавшихся в военном училище Тайюаньфу (около 70 человек). Одни назначались в приграничные с Монголией районы, другие — в ставку Панчена. Его представители закупили в Тяньцзине японское оружие: 1500 винтовок, 100 маузеров, 4 пулемета. По одним данным — для монгольского кавалерийского отряда в Тибет, по другим — для белых и бурят против Улан-Батора⁵⁶. Но надо отметить, что среди захваченных у повстанцев в МНР в 1930-х годах японских пулеметов не было.

27 июня 1931 г. штаб пекинского гарнизона получил от нанкинского Комитета по делам Монголии и Тибета телеграмму о том, что Панчен выезжает в Пекин, а оттуда — в Цинхай (Амдо, Кукунор) и Сикан. Оттуда он отправился в Баргу и Внутреннюю Монголию. По словам баргутов, 10 октября 1931 г. он уехал из Хайлара в Узэмчин⁵⁷.

18 сентября 1931 г. — в день, когда Япония вторглась в Маньчжурию, — Панчен-Богдо проводил ритуал в монастыре Ганджур у границы с МНР. Из-за продвижения японцев на восток Внутренней Монголии, он бежал из Барги в Силингол в октябре 1931 г. В начале марта 1932 г. он посылал Чан Кайши телеграммы о том, что его анти-японская пропаганда действует на монголов, и в последующие годы активно действовал в пользу Китая в борьбе с Японией⁵⁸.

В мае 1932 г. в конвое Панчен-Богдо были 6 молодых солдат, бежавших из МНР. Оттуда все время шли беженцы, которые говорили, что не могут переносить коммунистическое правление. Из 30 тыс. единиц оружия, скопившихся у Панчена (помимо ору-

дий, пулеметов, бомбометов), он к тому времени уже отправил 20 тыс. в подчиненные ему монастыри в Цинхай и Тангут. В Силинголе осталось лишь несколько тысяч единиц оружия. Враждебно относясь к коммунистам, в МНР Панчен вел пропаганду, неблагоприятную для Чжан Сюэяна⁵⁹.

Дела Панчена в отношении Китая были в руках его секретаря Шао, дяди Шао-лина, проживавшего в Хайларе. Как показал Мерсэ на одном из допросов (3 августа 1932 г.), Шао-лин хотел установить через него связь с Внешней Монголией. В Нанкине в 1931 г. он говорил с Мерсэ о возвращении Внешней Монголии Китаю. Предложения сводились в основном к разрыву связей Внешней Монголии с СССР, попытке использовать Панчена для захвата власти над монгольскими князьями, во Внутренней Монголии подготовить военные силы для захвата, а внутри Внешней Монголии — контрреволюционное восстание. Предполагалось, что Шао-лин действовал по указаниям японцев, надеявшихся захватить Китай, а через него и Внешнюю Монголию⁶⁰.

В обвинительном заключении по делу Мерсэ говорится, что Шао был японским агентом и следил за Панчен-ламой. Поэтому Панчен, агитируя за почитание лам и князей в Монголии (имеется в виду Внутренняя Монголия. — *Авт.*), «фактически помогает Японии закреплять власть князей <...> Работая непосредственно на пользу Китая и косвенно — на Японию, Панчен-Богдо в то же время имеет и собственные планы и цели, к которым стремится. Его цель — реставрация своего права в Тибете». Этих целей он добивается, укрепляя свой авторитет среди монголов, и хочет сделать Кукунор базой для захвата Тибета⁶¹.

Командующий МНРА Г. Дэвид в докладе на пленуме Малого хурала 6 июня 1932 г. отмечал, что за границей против Кобдо группируются 1000 эмигрантов, со стороны Маньчжурии намерены напасть 2000, в Барге идет мобилизация под руководством Японии для нападения на МНР, в Баян-Тумэне, Дзамын-удэ, Цэцэрлэге осуществляется контрреволюционная агитация против МНРА⁶².

Из сообщения особого отдела ГВО от 15 июня 1932 г. известно, что 12 июня Лама-гэгэн и его ученик Магсар приехали в Барун-Сунуд-ван во Внутренней Монголии у самой границы с МНР. Там были и люди из свиты Панчена на 9 машинах, из которых 1 была желтая (возможно, его самого. — *Авт.*); в этой машине были князь Барун-Сунуд-ван, Дзун-Сунуд-ван, мэрен Дэмчиг. Около самого Панчена тогда было около 200 человек, бежавших из Халхи⁶³. 12–14 июня 100 солдат в северо-западной части Цаган-обо наставили легкую пушку на МНР в 4–6 км от сомона Эрдэнэ в теперешнем Восточно-Гобийском аймаке⁶⁴.

Это можно было бы трактовать как внешнюю поддержку восставших. Однако контакты этих людей с ними не установлены. Из-за границы так и не состоялось вторжение мобилизованных. В Баян-Тумэне и Дзамын-удэ восстаний не произошло. Возможно, люди Панчена у границ МНР пытались узнать о положении дел.

В декабре 1932 г. на 3-м пленуме ЦИК Гоминьдана 4-го созыва в качестве наблюдателей присутствовали Панчен-Богдо, Джанджа-хутухта и некоторые монгольские князья. Пленум принял резолюцию, приветствовавшую «монгольских и тибетских руководителей» и призывавшую к единству «пяти национальностей Китая». С помощью эскорта из пяти китайских солдат Панчен-Богдо пытался вернуться в Тибет, но Далай-лама отказался принять его и его сторонников на таких условиях. Далай-лама резко отзывался о попытках объявить Тибет разделенным на «передний» и «задний» между двумя правителями (Далай-ламой и Панчен-ламой) и действовал в интересах консолидации Тибета и его независимости от Китая⁶⁵.

В последние годы жизни Панчен-лама все более втягивался в политическую деятельность. После кончины Далай-ламы XIII в 1933 г. Панчен-лама IX был назначен комиссаром Китая с обязанностью пропаганды в «Западном крае». В Китае он не только активно учил людей буддизму, но также призывал монголов и тибетцев к одобрению по-

литики китайского правительства, поддержке «национального единства Китая», концепции «пяти национальностей», к прекращению гражданской войны, к борьбе с японской агрессией⁶⁶. Он неоднократно бывал в храме Байлинмяо во Внутренней Монголии в 1934–1936 гг. На съезде, который проводился в этом храме в 1933 г., над возвышением, где сидели наиболее важные князья, висел его огромный портрет⁶⁷.

В январе 1934 г. 4-я пленарная сессия ЦИК Гоминьдана назначила Панчена государственным советником — членом национального правительственного совета Китая⁶⁸. В январе 1935 г. он участвовал в съезде 113 князей и лам Внутренней Монголии, Синьцзяна, Ганьсу, Алашани, Верхней Монголии, эмигрантов из МНР, японцев и гоминьдановцев. Обсуждался вопрос о красной опасности на этих территориях. В том же году при монастыре Ногон-Дзу в Ордосе был построен большой дворец Панчен-Богдо, при котором установили рацию. В конце 1934 — начале 1935 г. в Алашани двигались караваны с оружием, в том числе принадлежащим Панчену, в монастырь Гумбум, который находился под его патронажем⁶⁹.

Согласно перехваченному ГВО письму Симба Римбучи к тибетскому казначею в Улан-Баторе Джамбалу от 27 ноября 1934 г., Панчен говорил ему, что «решительно поставил перед собой задачу взять в свои руки Тибет, он сейчас предварительного намечает свой поход»⁷⁰. В 1935 г. Панчен прибыл в Синин. Он просил дать ему эскорт из китайских солдат, чтобы въехать в Лхасу. В письме к Чан Кайши от 11 марта 1935 г. он просил помочь ему возвратиться в Тибет, предлагая ряд мер по модернизации Тибета и его привязке к Китаю. В июле 1936 г. тибетцы на пограничном с Китаем посту конфисковали партию оружия, которую Панчен в своем багаже отправил в Тибет. В том же месяце Кашаг заявил, что будет рад видеть Панчена в Тибете, но не разрешает вводить туда китайский военный эскорт⁷¹. Тем не менее, в ноябре 1936 г. Панчен прибыл в Джекундо и собирался вступить в Тибет с китайским военным эскортом. Японская агрессия все же заставила китайцев отозвать эскорт. Панчен-лама IX скончался в Джекундо в декабре 1937 г.

Итак, целью Панчен-Богдо, беженца из Тибета, было возвращение на родину с помощью своих и китайских солдат. Он наладил связь с японцами, стараясь использовать их, но в то же время помогал Китаю проводить его политику в Монголии и Тибете. В этот период он находился рядом с границами МНР. Как духовный учитель, он интересовался положением своих монгольских учеников, в том числе в МНР. Они хотели видеть его. Первоначально даже некоторые политики хотели пригласить его туда. Многие монголы ходили через границу к нему на благословение. Но Панчен-Богдо высказывался против коммунизма и разрушения религии; эти проповеди получили огласку и послужили причиной обвинений его в подрывной деятельности против МНР. Не подтверждаются выводы о его реальной поддержке повстанцев в МНР, в том числе при содействии Японии.

Я благодарю С. Чулууна, С. В. Дмитриева, всех сотрудников архивов Монголии и России, оказавших содействие в получении материалов.

Аббревиатуры архивов: АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва;

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва;

ЦАФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности, Москва.

1. *Шакабна В. Д.* Тибет. Политическая история. СПб. Нартанг, 2003. С. 278; *Tuttle G* Tibetan Buddhists in the Making of Modern China. New York: Columbia Univ. Press, 2007. P. 54–55.
2. *Goldstein M.C.* A History of Modern Tibet, 1913–1951. Berkeley etc: Univ. of Calif. Press, 1989. P. 115, 118.
3. Напр.: Панчен-Богдо и его контрреволюционная деятельность // Современная Монголия. № 2(21), 1937. С. 56–68; там же. № 3(22), 1937. С. 67–76; *Якимов А.Т.* МНРП — организатор и вдохновитель побед монгольского народа // МНР. М., 1952. С. 8; Гадаадаас түрхирсан 1932 оны бослого: [Направленное иностранцами вооруженное восстание 1932 г.]. Улаанбаатар: Анар цэнт ХХК, 2013.
4. Цэндийн Дамдинсүрэн: к 100-летию со дня рождения. М.: Вост. лит., 2008. С. 35–39.
5. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 27.
6. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 111.
7. Там же. Оп. 3. Д. 237. Л. 1.
8. АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 5. Д. 11. П. 108. пор. номер 11. Л. 211.
9. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 2.
10. Там же. Оп. 8. Д. 307. Л. 155–156.
11. ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 28.
12. Там же. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 18.
13. *Bulag U.* Collaborative Nationalism. Lanham etc.: Rowman & Littlefield, 2011. P. 75.
14. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 94.
15. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 13.
16. Там же. Л. 2.
17. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 33. Л. 19–36; Д. 39. Л. 42–43.
18. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 43.
19. Там же. Оп. 3. Д. 237. Л. 95.
20. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 18. 16.
21. *Bulag U.* Op. cit. P. 75–76.
22. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 27.
23. Там же. Л. 11, 25–26.
24. *Arwood C.P.* Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931: V. I. Leiden, Boston, Köln, 2002. P. 599.
25. *Bulag U.* From Empire to Nation: The Demise of Buddhism in Inner Mongolia // The Mongolia-Tibet Interface. Opening New Research Terrains in Inner Asia. Ed. by Bulag U. and Diemberger H. Leiden: Brill, 2007. P. 29.
26. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 18.
27. *Bulag U.* From Empire... P. 75–76.
28. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 12, 40–42 об.
29. *Bulag U.* From Empire... P. 75–76.
30. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 5–8.
31. Там же. Л. 14–15.
32. *Tuttle G* Op. cit. P. 131.
33. *Цэрэнбалжир Д.* 1932 оны эвэсэгт бослого: [Вооруженное восстание 1932 г.]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1990. С. 11.
34. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 142.
35. Там же. Л. 9, 25–26; Оп. 8. Д. 378. Л. 425.
36. Там же. Л. 170–171.
37. Там же. Л. 38, 50, 59, 79, 81–84.
38. Там же. Л. 55.
39. Там же. Л. 112, 62, 93.
40. Там же. Л. 97; Оп. 8. Д. 378. Л. 118–120; Оп. 8. Д. 378. Л. 244–245, 263.
41. Там же. Оп. 8. Д. 378. Л. 190; Оп. 10. Д. 531. Л. 103–105.
42. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 107, 126.
43. Там же. Л. 43, 55, 138, 132.
44. Там же. Л. 75.
45. *Tuttle G* Op. cit. P. 87, 132–133.
46. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 149–151, 100–101.

47. Там же. Л. 133.
48. ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 64; Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 145; Оп. 10. Д. 531. Л. 141.
49. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 114. Л. 2–13.
50. *Богословский В. А., Москалев А. А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. С. 81–82.
51. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 120. Л. 84–97.
52. ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 2224. Л. 367–368; Т. 1. Л. 81, 82–84.
53. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 164, 162.
54. Там же. Л. 167–167 об.; Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 1–2, 4.
55. Там же. Л. 163, 175–177.
56. Там же. Л. 170–171, 174.
57. Там же. Л. 194, 107.
58. *Bulag U. From Empire...* P. 41–45.
59. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 1179–1180 об.
60. ЦАФСБ. Ф. 2. Д. 2224. Т. 1. Л. 156–158, 237–240.
61. Там же. Л. 253–254.
62. ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 700. Л. 2–4.
63. МУУТА. Ф. 4. Д. 4. Х.н. 185. Тал 180–191.
64. Там же; *Цэрэнбалжир Д.* Указ. соч. С. 12.
65. *Богословский В. А., Москалев А. А.* Указ. соч. С. 82, 115–116.
66. Напр.: *Богословский В. А., Москалев А. А.* Указ. соч. С. 128–136; *Jagou F.* Le 9e Panchen Lama (1883–1937). Paris: École française d'Extrême-Orient, 2004. P. 187; *Xirao Nima. Zhaxi Caidan.*: [Анализ пропагандистской деятельности Панчен-ламы IX в национально-освободительном движении войны против Японии во Внутренней Монголии] // *Neimenggu shifan daxue xuebao.* № 5. 2005. С. 5–9. *Tuttle G.* Op. cit. P. 13. *Chen Baiping.*: [Религиозная и политическая деятельность Панчен-ламы IX на материке] // *Zhongyang minzu daxue xuebao.* № 2. 2012. С. 34–41.
67. *Дудин П.Н.* Политическая история Мэнцзяна. Улан-Удэ, 2014. С. 208, 210.
68. *Богословский В. А., Москалев А. А.* Указ. соч. С. 121.
69. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. Л. 15, 19, 21.
70. Там же. Л. 15.
71. *Goldstein M.C.* Op. cit. P. 272, 278–279.

Религия

Православие «китайских русских» в Трехречье (КНР): некоторые итоги исследований китайских этнологов

© 2014

Лян Чжэ

Статья посвящена особенностям православия китайских русских Трехречья (Хулунбуир, провинция Внутренняя Монголия КНР), метисной этнической группы, одним из регионов формирования которой была Северная Маньчжурия, зона активных русско-китайских контактов. Особое внимание уделяется результатам исследований китайских этнологов.

Ключевые слова: православие, китайские русские, Трехречье.

«Китайскими русскими» в современной этнонимике КНР называют потомков межэтнических браков между русскими и народами Китая, в первую очередь ханьцами, а также маньчжурами, монголами, эвенками и корейцами. Формирование этой этнической группы началось еще в первые десятилетия XX в. Одним из мест их компактного проживания является Трехречье — территория бассейна правых притоков Аргуни: Гана (Гэньхэ), Хаула и Дербула, относящаяся к городскому округу Эргунь во Внутренней Монголии (КНР). Кроме того, китайские русские живут в Синьцзяне и ряде крупных городов страны. Это одна из 56 национальностей Китая, обладающая своими характерными особенностями. Полагать, что китайские русские есть исключительно потомки русских эмигрантов, было бы ошибкой. Это метисная группа, сформировавшаяся сравнительно недавно в результате значительного числа межэтнических браков. Их бытовая и духовная культура характеризуется удивительным сплавом русских и, главным образом, китайских традиций, религиозных представлений и верований.

По переписи 1990 г., в Трехречье проживает около 7 тыс. китайских русских. Этнографы, фольклористы и историки России и Китая ведут активную работу по изучению их культуры и православных традиций, сохранившихся к началу XXI столетия.

Российские исследователи отмечают, что в этой среде сохранилась православная культура¹. При этом результаты работ китайских ученых показывают, что православные верующие занимают лишь малую часть среди китайских русских Трехречья. Поэтому нельзя считать, что все члены этой общности исповедуют православие (как это порой

Лян Чжэ, магистр филологических наук, стажер факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, аспирантка факультета истории и культуры Шаньдунского университета (КНР).
E-mail: liangzhe@mail.ru. Тел.: 8 (968) 487-44-27

представляется в российской научной и публицистической литературе) ведь большинство из них, в особенности молодое поколение, не имеют никакого отношения ни к православию церкви, ни к т.н. «народному» православию².

Долгая изоляция от континентальной части России, долгое соседство и тесное взаимодействие на бытовом и хозяйственном уровнях с народами Китая привело к тому, что православие китайских русских в Трехречье, по мнению китайских антропологов Тан Гэ³ и Тан Сяофэна⁴, потеряло некоторые особенности, изначально ему присущие, и приобрело взамен новые.

1. Отсутствие церквей, священнослужителей и трансформация пространства религиозной обрядности.

Церковь — основное место проведения религиозной обрядности и священных православных таинств (крещения, отпевания, праздничных молебнов и т.д.). Их совершают священнослужители, иерархия которых (дьякон, иерей, епископ, архиепископ и т.д.) достаточно сложна для понимания невоцерковленных мирян. Китайские русские с самого начала не имели ни своих православных церквей, ни своих священников. До середины 1950-х гг. у них была возможность посещать церкви, открытые русскими эмигрантами, и участвовать в мероприятиях, которые проходили под руководством православных иерархов. С 1955 по 1962 гг., по мере возвращения русских эмигрантов на родину, их переезда в Австралию и другие страны, все церкви в Трехречье были закрыты, а затем в годы «культурной революции» — разрушены. В 1989–1991 гг. по инициативе местной администрации в г. Лабдарине (административный центр уезда Эргунь) была построена новая православная церковь. Простояв почти девять лет закрытой, она была отделана изнутри с российской помощью (алтарная часть была изготовлена в Софрино)⁵. В августе 2009 г. ее освятили в честь святителя Иннокентия Иркутского. Но в силу ряда причин законодательного характера в церкви до сих пор нет священнослужителя, что затрудняет ее полноценное функционирование.

Главным ритуальным пространством для китайских русских была и остается комната в доме, где установлен киот с иконами. Ее религиозная функция для православных Трехречья более значима, чем для русских, которые проживают в России, так как кроме ежедневных утренних и вечерних молитв, она является практически единственным местом коллективных молебнов по субботам, праздникам, во время семейных торжеств и похоронно-поминальных ритуалов. Фактически комната с иконами играет роль церкви, а киот подобен церковному алтарю. Роль священнослужителей при этом исполняют наиболее уважаемые в общине пожилые женщины. Одна из причин этого состоит в том, что данная этническая группа формировалась преимущественно в результате заключения браков русских женщин с китайцами; именно по материнской линии передавалось и сохранялось понимание принадлежности к православному миру.

Пожилые женщины, на которых возложена роль «духовенства», следят за православным календарем, извещая о праздничных днях, организуют молебны о дожде и устраивают ритуалы перед крестами, установленными на вершинах некоторых гор; предоставляют свой дом для коллективных праздничных молебнов, отвечают за подготовку святынь для некоторых праздников, включая приготовление обрядовых блюд, играют роль «экспертов» в делах, связанных с православной верой.

2. Переход китайских русских к «народному православию» и православию устной традиции

Православие как одна из значимых ветвей мирового христианства обладает богатейшей историей. Древняя Русь восприняла христианство как государственную

религиозно от Византии, одновременно получив и письменность. Произошло это в X столетии. За тысячу лет с лишним, прошедшие с тех пор, православие стало неотъемлемой частью жизни русского человека независимо от его социального статуса, культурного и образовательного уровня. Но подавляющее большинство китайских русских в Трехречье не знают русского языка и не читают по-русски. С самого начала их православие носило устный, фольклорный характер. Знание библейской истории, событий из жизни Иисуса Христа, Богородицы и христианских святых китайские русские черпают из народных легенд, которые нередко имеют апокрифический характер. Но даже в том случае, если кто-то из них слышал, как читали тексты Ветхого или Нового Завета, устная передача священных сюжетов из поколения в поколение неизбежно приводила к их видоизменению.

Сохранившиеся из приуроченных к определенным праздничным датам обряды и обычаи связаны со священной историей незначительно. К примеру, Вербное воскресенье православные верующие отмечают в память триумфального въезда Иисуса Христа в Иерусалим. Дата праздника высчитывается по Пасхе — это всегда последнее воскресенье перед Великим днем. За день до праздника, в субботу, китайские русские Трехречья ходят срывать опущенные, только еще начинающие цвести ветки ивы. Обязательно нужно выбрать ветки с почками побольше: считается, что зерна нового урожая будут такими же большими, как ивовые почки, расположение которых на ветке действительно напоминает колос. Согласно народной примете, если на ивах появились только маленькне почки, это предвещает плохой урожай зерновых.

Вербные веточки завязывают в два пучка и устанавливают по левую и правую стороны от какой-либо иконы в киоте; если же к иконам ставят только один пучок, то другой прикрепляют к воротам.

Рано утром в Вербное воскресенье берут несколько веток ивы (длиной около метра) и бьют ими домочадцев. Если дети еще не встали с постели, то кто-либо из родителей отдергивает одеяло и легонько похлопывает веточками ребенка. Это делается для того, чтобы он был здоров в течение всего года. С той же целью в этот день скот со двора выгоняют вербой.

Такие вербные обычаи повсеместно известны и в России, являясь примером народного православия. Они имеют магический характер и в целом осуждаются Православной Церковью.

3. Потеря православного содержания и формализация веры

Отсутствие длительных контактов с православными священниками и верующими из России, невозможность чтения священных книг, творений отцов церкви и другой религиозной литературы привело к тому, что православие китайских русских потеряло свое содержание, сохранив лишь определенные формы. Китайские этнологи и фольклористы зафиксировали здесь целый комплекс ритуалов, имеющих прямые аналогии и параллели в церковной традиции и народной культуре русских, живущих в России. Но в отличие от российских православных, которые в большинстве своем достаточно хорошо понимают смысл и значение бытующей христианской обрядности, китайские русские, отвечая на вопросы китайских исследователей, почему они поступают так, а не иначе, всегда отвечают: «Я не знаю, моя мама раньше именно так поступала»⁶.

4. Секуляризация православного вероисповедания.

Секуляризация является одной из ярких особенностей православного вероисповедания китайских русских в Трехречье. Она проявляется главным образом при проведении религиозных праздников, в первую очередь — Пасхи. Оказалось, что китайские русские мало интересуются ее религиозным содержанием. Они обращают больше вни-

мания на развлечения, которые сопровождают празднество, организуемое в последние годы региональными властями.

Пасха считается главным праздником китайских русских. На деньки администрации села Эньхэ, официально считающегося русским национальным поселением, в этот день устраивается большое застолье, на которое приглашаются китайские русские старшего поколения, устраивается концерт и народное гуляние, в котором участвуют иногда и творческие коллективы, специально приезжающие из приграничных районов Забайкальского края России⁷.

Это говорит о том, что даже дни Пасхи для китайских русских утратили торжественную и мистическую атмосферу Воскресения Христова. Можно предположить, что это объясняется либо атеизмом китайских русских, либо принятием ими политеистической позиции, характерной для китайской религиозной традиции, при котором Иисус Христос оказывается одним из целого ряда божеств.

5. Утилитаризм православного вероисповедания.

Утилитаризм является другой яркой особенностью православной веры населения Трехречья. Вероятнее всего, он возник не без влияния китайских религиозных традиций. Вообще говоря, китайцы утилитарно относятся к божествам буддизма, даосизма и других, в том числе к божествам и духам народных верований. Наиболее ярко утилитаризм православия китайских русских проявляется в традиции почитания крестов на т.н. крестовых горах.

Зачем ставятся подобные кресты? Обычно это происходит по обету, когда кто-то заболел или в семье происходят несчастья: к примеру, женщина не может родить или рождающиеся дети умирают один за другим. Человек, давший обет, ставит крест и затем, приходя на определенные праздники, привязывает к нему отрезок ткани (пелену), прося благословения у Бога; это продолжается в течение трех лет. Если больной исцеляется, или же происходит то, ради чего давался обет, на крест вешают пелену: это означает, что обет исполнен. Необязательно ставить крест самому: если есть крест, который был поставлен кем-то раньше, можно пелену вешать на него. Вследствие этого все кресты, которые встречаются в Трехречье, завешаны пеленами.

Молитвы китайских русских перед едой и после еды, перед сном, в дождливый день и т.п. также носят заметный оттенок утилитаризма. Перед едой просят Бога о здоровье, после еды благодарят Его за трапезу. В молитве перед сном просят Бога о спокойствии, о том, чтобы в дом ночью не забрались воры и разбойники. Во время сильного дождя с грозой и градом, молятся, чтобы молния не поразила дом и хозяйство, а град не повредил урожай.

6. Взаимодействие с «иноэтническими» религиозными воззрениями

Религиозные представления и верования китайских русских не ограничиваются исключительно православием, и это понятно, так как данная этническая группа складывалась благодаря семейно-брачному отношению русских с ханьцами и другими народами, живущими в Китае.

Показательно в этом смысле интервью, взятое Тан Гэ у женщины в деревне Линьцзян. Она поклоняется Богу богатства (Цай-шэню), картина с образом которого висит на стене в ее доме. По словам респондентки, после бракосочетания она переехала к родителям мужа. «Свекор приносит жертвы Цай-шэню. Перед Новым годом мы всегда собираемся на проводы Бога богатства. И я поклоняюсь ему, для этого нужно чистое место, например, на доске для раскатывания теста. В течение Нового года (от первого до пятнадцатого числа первого месяца по лунному календарю) каждый день жгу благовония перед статуей Бога богатства, в качестве подношения кладу ему яблоки, мандарины,

печенье, конфеты и др. Первого и пятнадцатого января, когда мы сами едим пельмени, мы и Цай-шэню их подносим. Шестнадцатого января убираем приношение. И лубок с его изображением продолжает висеть вплоть до следующего малого новогоднего сочельника (24-го числа 12 месяца по лунному календарю). В этот день Бог богатства должен вознестись на небо, и я кладу его изображение в печку, чтобы оно сгорело в огне. Таким образом Бог богатства поднимается на Небеса»⁸.

Наглядно демонстрирует взаимодействие русского православия и религиозных традиций китайцев пример кумирни Царя драконов. Кумирня находится в ивовой роще к востоку от села Шивэй. По рассказу одного из местных жителей, когда-то здесь стоял кирпичный храм Чэнхуанмяо, но в 1958 г. он был снесен. После «культурной революции» на месте старого храма шивэйцы построили кумирню Царя драконов. Это название неслучайно: одно из главных ее назначений — быть местом молений о дожде. Нужно сказать, что кумирня имеет еще одно название — храм духа Земли. Это тоже закономерно: чэнхуан, кому прежде был посвящен храм, это дух — защитник городов и деревень, а дух Земли, в честь которого дано второе название кумирни, также является защитником местности.

В августе 2004 г. в кумирне находилось три деревянных ритуальных таблички с именами божеств, стояло пятнадцать статуй божеств, четыре из которых изображали Гуаньинь — Богиню милосердия. Известно, что одну из них поставила женщина из китайских русских. Сначала она купила статую, чтобы поставить ее у себя дома, но затем Богиня милосердия явилась к ней во сне, и женщина перенесла статую в кумирню. Но кроме всех этих китайских божеств в кумирне Царя драконов находилось и четыре православных иконы. Их, конечно, сюда принесли китайские русские. Вероятно, они совершали здесь православные молебны.

Известны также случаи обращения китайских русских к шаманам, которых, как известно, до сих пор можно встретить у монголов, бурят и ороchon, живущих на севере Маньчжурии. Тан Гэ слышал в селе Эньхэ историю о том, что один из местных жителей ездил в Харбин на лечение к какой-то шаманке, которую называл «колдуньей», «чудесной старухой» (*шэнь по*).

7. Китайская обрядовая традиция в жизни китайских русских.

1) Поминовение усопших. Большинство китайских русских знают только один праздник поминовения усопших: как и все православные, они отмечают его на девятый день после Пасхи. Но вот в селе Хэй-шань-тоу, которое находится на юге Трехречья, китайские русские отмечают два праздника поминовения усопших — и «русский», и «китайский». По объяснению одной из жительниц села, первый — в память матери, второй — в память отца. Ведь ее мать — православная русская, а отец — китаец. Следует отметить, что во время поминовения усопших китайские русские, как и этнические китаяцы, сжигают жертвенные деньги.

2) Молебен о дожде. В Трехречье не меньше семи мест, где поставлены православные кресты: три в селе Эньхэ, два в селе Сянъян, по одному в деревнях Линьцзян и Цика. Восьмиконечные православные кресты используются здесь чаще, чем четырехконечный. Одна из важных функций этих крестов состоит в том, что возле них проводят молебны о дожде. Нельзя забывать, что и в обрядовой жизни китайцев значительное место составляют молебны о дожде ради хорошего урожая.

3) Надмогильные памятники. В Трехречье китайские русские имеют отдельные кладбища, на которых над могилами установлены православные восьмиконечные кресты. На стороне креста, обращенной к могиле, находится маленькая иконка; кроме того, на ней написаны на русском языке фамилия и имя покойника, даты рождения и смерти. На обратной стороне креста обычно размещают портрет покойного; здесь также указаны

фамилия и даты, но уже по-китайски, как это принято на китайских надмогильных стенах. Подобные кресты перед могилами объединяют признаки русских крестов и китайских стел. Над некоторыми могилами одновременно стоят православные кресты и надмогильные стелы.

Китайские русские являются одним из 56 народов Китая. Учитывая особенности формирования данной этнической группы, нет ничего удивительного, что православие играет значительную роль в их культуре и самоидентификации. Православие китайских русских достаточно своеобразно, и это своеобразие не в последнюю очередь обусловлено влиянием китайских религиозных традиций, которые китайским русским на самом деле не менее близки, чем православная вера.

Интерес российских и китайских этнологов, фольклористов и историков к данной теме чрезвычайно высок. Не акцентируя внимания на различиях, мы попытались показать в данной статье результаты исследований китайских авторов, которые, возможно, представляют российское православие лишь в общих чертах, но тем не менее, отмечают такие особенности православия китайских русских, которые российские авторы в своих работах обходят стороной.

-
1. *Кляус В. Л.* Крестовые горы в культурном пространстве Трехречья (КНР) // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 102–107; *Кляус В. Л.* Христианские сектанты в рассказах русско-китайских метисов Трехречья (КНР) // Традиционная культура. 2014. № 1. С. 88–95; *Курто О. И.* Русский мир в Китае. Исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. М., 2013; *Поздняев Д.* Три дня в Трехречье. URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/626/633/752.html>; *Янков А. Г., Тарасов А. П.* Русские Трехречья: история и идентичность. Чита, 2012.
 2. См.: *Тан Сяофэн.* Распространение православия в Китае с точки зрения факторов распространения религий // Мировая религиозная культура. 2012. № 6. С. 31. На кит. яз
 3. *Тан Гэ.* Исследовательский доклад о православной культуре у китайско-русских метисов Приаргунья // Учебный периодик христианской культуры 2000. №4; *Тан Гэ.* О особенностях православия в районе Аргунь // Вестник Хунаньского политехнического университета. 2008. № 4. С. 61–65. На кит. яз.
 4. *Тан Сяофэн.* Распространение православия в Китае с точки зрения факторов распространения религий // Мировая религиозная культура. 2012. № 6. С. 31. На кит. яз
 5. *Тан Гэ.* Русская культура в Китае: антропологическое и историческое исследование. Харбин, 2010. С. 280. На кит. яз.
 6. *Тан Гэ.* О особенностях православия в районе Аргунь // Вестник Хунаньского политехнического университета. 2008. № 4. С. 64. На кит. яз.
 7. Новости недели 2012. 21 апр. (ТВ-5 Приаргунск). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=msanOuGw6e4>.
 8. *Тан Гэ.* О особенностях православия в районе Аргунь // Вестник Хунаньского политехнического университета. 2008. № 4. С. 62.

Культура

Актуальность древности — традиционный текст в современном Китае

© 2014

В. Виноградская

В статье показано, как китайское культурное наследие в форме письменного текста существует и воспроизводится в окружении, образовании, книжных изданиях, (на бумаге и в цифровом виде, на телевидении и в неофициальном интернете. Значительное присутствие древнего китайского текста в современной культуре обеспечивается за счет физической, дискурсно и образовательной доступности, а также в контексте нынешнего бума *госюэ* (отечественной науки). Прошлое остается заметной частью жизни в современном Китае, в текущей коммуникации представлено большое число текстов, в том числе находящихся в постоянном использовании.

Ключевые слова: *госюэ жэ, «Бай цзя цзянтань», Цянь Вэньчжун, культурное наследие, образование, письменный текст, «Сы ку цзюань шу».*

С начала XX в. в Китае¹ не раз кардинально менялось отношение к собственному культурному наследию. В 1905 г. была упразднена традиционная система образования, основанная на изучении канонов и многоуровневых государственных экзаменах. Обучение стало постепенно переходить на западные стандарты и строиться на базе разговорного языка. Приход коммунистов к власти в 1949 г. отодвинул древность еще дальше на задний план общественной сцены, а культурная революция (1966–1976) явилась суровой кульминацией отторжения прошлого. В начале периода реформ и открытости 80-х годов прошлого века в условиях жесткой экономической конкуренции и преимущественной ориентации на развитые страны абсолютному большинству населения снова стало не до культурного наследия. Конец нулевых и начало 10-х годов XXI века, наоборот, ознаменовались бумом интереса к традиционной культуре (*госюэ жэ*).

Изучение древних текстов, родной истории и культуры стало не только распространенным, но модным и престижным занятием. Ведущие высшие учебные заведения открывают соответствующие отделения, в обычном пекинском дворике можно застать детей, соревнующихся в декламации традиционных текстов для начального обучения, а на парковках у зданий, где читают курсы или проводят семинары по *госюэ*, стоят дорогие машины и мелькают люди в брендовых костюмах. *Госюэ*, или буквально «отечественная наука», представляет собой многофакторное и многофокусное явление, не подда-

ющееся четкому определению и вызывающее неоднозначную реакцию в обществе². На настоящем этапе в нем ярко отражается динамика процесса самоопределения культуры в условиях глобализации и вездесущего плюрализма мнений.

При этом в целом наблюдается тенденция к постепенному сглаживанию экстремистских позиций, формируется более взвешенное отношение к культурному наследию. Эта условно «умеренная» фаза, когда прошлое не отбрасывают скопом, как ненужный балласт, но и не продвигают как панацею от всех бед и зол современности, представляется интересной и плодотворной для оценки того, что же из древности сохраняет актуальность в наши дни.

Из бездны параметров, феноменов и фактов культуры далее в качестве основного объекта рассмотрения выделяется письменный текст, так как он сравнительно легко вычленяется из информационного потока и одновременно представляет собой яркое явление традиционной китайской культуры³, которая была ориентирована на текст, производство, воспроизводство текстов и построенное на текстах образование с соответствующим чрезвычайно высоким статусом письменного слова, а также с солидным уровнем филологии и библиографии.

В данном контексте важны две особенности китайского культурного наследия. Первая бросается в глаза — оно поистине громадно, как в отношении исторической глубины, так и по количеству археологических артефактов, культурных памятников, предметов искусства, емкости на имена и факты и, в том числе, по объему отдельных произведений. Древний и средневековый Китай произвел на свет и сохранил беспрецедентное количество текстов. В составленное в 1773–1783 гг. «Полное собрание книг по четырем хранилищам» («Сы ку цюань шу»), которое замечательно в частности тем, что явилось самым крупным издательским проектом за всю историю традиционного Китая, вошло 3503 произведения⁴ в 79 337 свитках, в 36 304 томах — это приблизительно 700 млн иероглифов. Подобные объемы текстовой информации несоизмеримы с продолжительностью жизни отдельно взятого человека, даже если он сделает чтение своим единственным занятием. Тем не менее, это далеко не полное собрание традиционных книг. В «Сы ку цюань шу» почти не входят произведения из обширнейших корпусов буддистской и даосской литературы, многочисленные местные хроники (*фанчжи*), относившиеся к низовым жанрам романы и драмы. Кроме того, опущены произведения, не прошедшие цензуру, или не имеющие достаточного веса для включения в издание на высшем официальном уровне, и, конечно, вся литературная продукция, изданная после 80-х годов XVIII века.

В осуществляемый в настоящее время совместными усилиями ведущих высших учебных заведений и государства проект библиотеки электронных книг «База основных китайских древних книг» («Чжунго цзибэнь гуцзи»)⁵ отобрано 10 000 произведений общим объемом приблизительно в 1 млрд 800 млн иероглифов, что вместе с изображениями приближается к 400 гигабайтам информации. И это собрание также далеко от того, чтобы быть исчерпывающим.

Вторая особенность менее очевидна, но не менее важна. Древние тексты доступны 1) физически, то есть, огромное множество традиционных текстов изданы в бумажном и электронном виде; 2) дискурсно, и могут быть освоены в пределах доминирующего текущего дискурса; 3) образовательно, а именно, взънянь входит в программу средней школы.

1) Физическая доступность

Современные книжные и электронные издания (включая аудио- и видеоформаты) покрывают немалый объем дошедших до наших дней произведений, в том числе «Сы ку цюань шу», обладателем которого можно стать за несколько «кликов», не отходя

от компьютера⁶. При этом множество древних и классических текстов находится в бесплатном доступе для всей более чем 600-миллионной аудитории китайского интернета, а также для владеющих китайским языком пользователей всего мира. Это же касается словарей, которые необходимы для чтения текстов на *вэньяне*. Современные и основные классические словари всегда есть в книжных магазинах и традиционных библиотеках, и почти все в полном объеме доступны в бесплатном режиме онлайн и для скачивания. Например, на ресурсе <http://www.zdic.net/> представлена коллекция из нескольких словарей, как чисто иероглифических (*цзыдянь*), так и отражающих словарный состав языка (*цзюдянь*), и фразеологизмы типа *чэньюев* (*чэньюй*), а также первый древний толковый словарь на основе системы ключей и с описанием структуры иероглифов, «Толкование писем и объяснение иероглифов» («Шо вэнь цзе цзы») Сюй Шэня (ок. 30–124 гг.) с классическими комментариями Дуань Юйцая (1735–1815). Там же можно воспользоваться сравнительно поздним, но не менее знаменитым словарем «Иероглифическое уложение годов Кан-си» («Кан-си цзюдянь») 1716 г. Набор произведений и словарей в виде мобильных приложений пока не так обширен, но по мере развития мобильного интернета, аудитория которого уже составляет абсолютное большинство, количество и качество соответствующих приложений стремительно растет.

Следует учитывать, что необходима не только возможность найти текст, но и возможность читать и понимать его в рамках текущего дискурса.

2) Дискурсная доступность

Иероглифическая система письма всегда играла и продолжает играть важную роль в консолидации китайского общества и сохранении единства культуры в условиях ее полицентричности. На иероглифике основывается преемственность дискурсов, благодаря которой становится возможным восприятие в рамках текущего дискурса древних текстов, в том числе на *вэньяне*.

Показательна история Цянь Вэньчжуна (род. 1966 г.), которую он сам рассказал в программе «Трибуна ста школ» («Бай цзя цзянтань») в серии «Я читаю каноны» («Во ду цзиндянь»)⁷.

Он родился в традиционной ученой семье, где было принято начинать обучение с заучивания наизусть канонов в возрасте 4–5 лет. Но кругом бушевала культурная революция, и ни дома, ни в школе ни о каких канонах и вообще о текстах на *вэньяне* речи не шло. В ранние подростковые годы к нему в руки попало сильно потрепанное издание «Четырехкнижия» со сводными комментариями Чжу Си (1130–1200), в котором не пострадали только самые короткие тексты, открывающие «Четырехкнижие» — «Чжун-юн» («Срединное-неизменное») и «Да сюэ» («Великое учение»). За несколько лет, имея в своем распоряжении только обычный словарь, мальчик освоил эти произведения, при этом он самостоятельно понял, как работают традиционные разрезания (*фаньце*), что не только подарило ему радость интеллектуального открытия, но и значительно облегчило пользование словарем. Конечно, это незаурядный случай — Цянь Вэньчжун впоследствии стал выдающимся ученым в области традиционной филологии, пали и иранистики, а также звездой образовательных телепрограмм, но этот пример ярко иллюстрирует возможность при желании попасть из современного китайского языка непосредственно в мир классики и древности даже в самых неблагоприятных общественных условиях.

В послемаоистском Китае традиционная культура перестает быть запретным плодом и получает поддержку со стороны массового образования.

3) Образовательная доступность

Уже в начальных классах, наряду с переложениями сюжетов из классических текстов, проходят отдельные танские и другие древние стихотворения на *вэньяне* (поряд-

ка 10–20 в основном пяти и семисложных четверостиший в первом классе заучивается наизусть⁸). В средней школе *вэньянь* изучается уже более серьезно. Так, за три года — с седьмого по девятый класс средней школы — ученики подробно знакомятся более чем с 70 текстами длиной в среднем сто и более иероглифов, не считая текстов для внеклассного чтения и заучивания наизусть⁹. Обязательными компонентами любого учебника, помимо текстов, является культурно-исторический и лингвистический комментарий. Более подробный разбор также включает развернутый анализ структуры и содержания текста, построчный перевод на современный китайский язык, сопутствующие интерпретации и блок упражнений по грамматике, лексике и т.п. В результате ученики получают непосредственное представление о разнообразии литературных жанров и стилей, об основных направлениях мысли и их представителях.

Итак, в наследство современному Китаю достался огромный массив текстов разного времени и степени сохранности, отражающих различные информационные технологии, построенные вокруг конкретных типов текста, способов их производства, воспроизводства и взаимодействия с ними, от инскрипций на гадательных костях и бронзовой утвари до различного рода рукописей и книгопечатных изданий. Значительное число этих текстов в разной степени и на различных носителях так или иначе доступно широкой читающей публике. Между прошлым и настоящим нет непроходимой стены, но насколько древность актуальна и востребована обществом за рамками академического мира? Как проявляется присутствие традиционных текстов в наши дни?

Окружение. Значимо и ошутимо традиционные тексты и текстовые технологии заявляют о себе уже на уровне вещей: это разнообразные артефакты в древнем стиле, от дорогого антиквариата и предметов роскоши до народных промыслов и копеечного сувенирного ширпотреба. Инскрипции на предметах и в ландшафтах не сдают своих позиций, и здесь в основном используется классика, чаще всего — популярная поэзия, дидактические, пропедевтические и благопожелательные тексты¹⁰. Широко распространены также каллиграфия и живопись *гохуа* (частью которой нередко является текст), как в традиционном ключе, так и во всевозможных современных модификациях. Книги, изданные на старинный манер (на бамбуковых планках и даже на шелке), скорее относятся к сувенирной продукции, но также не являются диковинкой.

Обучение. Уже в дошкольный период немалое число малышей ожидают первые встречи с древними текстами. У некоторых особо увлеченных ранним развитием родителей дети в год с небольшим слушают и декламируют танские стихотворения и «Трехиероглифический канон» («Сань цзы цзин»). Большинство считает подходящей для первого знакомства возрастную категорию 3–5 лет. Первоклассники проходят простые древние стихотворения. «Сань цзы цзин», некоторое время назад включенный в программу начальной школы, а затем недавно вновь исключенный из нее, тем не менее, наряду с «Правилами учеников» («Дицзы гуй»), остается излюбленным материалом для курсов на время каникул и постоянно действующих кружков *госюэ* для старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Выпускаются циклы образовательных мультфильмов, посвященных, например, танским стихотворениям или «Беседам и суждениям» Конфуция. Пропедевтические тексты типа «Сань цзы цзина» и «Текста тысячи иероглифов» («Цянь цзы вэнь») или короткие стихотворения обычно декламируют и приводят в письменном виде целиком. Из более сложных и обширных произведений, таких как «Лушь-юй», обычно выбирают отдельные цитаты, которые сначала приводят на *вэньяне*, а затем объясняют и сопровождают примерами из жизни. Знакомство с сюжетами из истории и притчами из классики также является стандартной составной частью детского образования и готовит к чтению источников на *вэньяне* в средней школе.

Издания. По предварительным подсчетам, начиная с 1949 г. за период с начала образования КНР в материковом Китае было обработано и издано порядка 20 000 «древних книг» (*гу цзи* или *гу шу*), из них более 85% в период с 1981 года по 2012¹¹. Помимо

академических и репринтных изданий распространены издания, которые содержат либо только перевод на современный китайский, либо, чаще, параллельный текст на *вэньяне* и *путунхуа* в сопровождении минимального лингвистического комментария. Наиболее популярные тексты также предлагаются в аудио- и видеоформатах и в виде приложений для мобильных устройств.

В настоящее время обсуждаются и осуществляются на государственном уровне крупномасштабные проекты по переводу книжного наследия в цифровые форматы с полной обработкой текстов (включая расстановку знаков препинания)¹², позволяющие в поисковых запросах одновременно обращаться ко всему корпусу текстов в базе, а также эффективно реализовать весь функционал современных баз данных.

Телевидение. Несмотря на быстрое развитие так называемых новых СМИ, хорошим барометром жизнеспособности продолжает оставаться телевидение. Среди телепрограмм, в которых древние тексты играют значительную роль, видное место занимает «Трибуна ста школ» («Бай цзя цзянтань», Lecture Room)¹³. Передача транслируется по десятому каналу центрального китайского телевидения (CCTV-10) начиная с 2001 г., в настоящее время в формате ежедневных 40-минутных лекций, которые в основном читают приглашенные университетские профессора. Программу отличает стремление сохранять баланс между высоким уровнем лекторов и материала с доступностью для широкой публики, чтобы в качестве «моста между специалистами и простым народом» «нравиться и эстетам, и профанам» (*су я гун шан*)¹⁴.

В первые годы «Трибуна ста школ» обращалась к широкому спектру тем от физики до психологии и современного этикета. Среди лекторов были не только китайские ученые, но и всемирно известные представители Запада, например, Билл Гейтс или Стивен Хокинг. Однако по мере беспрецедентного роста популярности и авторитета программы упрочивалась преимущественная ориентация на отечественную историю и культуру. Несмотря на далеко не самое рейтинговое время трансляции¹⁵, в 2007 г. «Трибуну ста школ» называли в числе 10 наиболее влиятельных телепрограмм. Тогда же лучшие лекторы начинают становиться телезвездами национального масштаба (И Чжунтянь, Ван Лицюнь, Юй Дань), а книги, изданные по материалам лекций, — бестселлерами.

Материал курсов лекций обычно выстраивается вокруг исторического периода (Троецарствие), харизматической личности (Цинь Ши-хуан) или же классических текстов («И цзин»). В упомянутой выше серии из 17 лекций «Я читаю каноны» («Во ду цзиндянь») каждая передача посвящена одному выдающемуся древнему мыслителю (или одной школе) и соответствующему классическому тексту (Мо-цзы или «Мо-цзы») или текстовому единству («Четырехкнижие»). Об отдельных текстах (таких, как «Лунь-юй», «И цзин») рассказывается не в одном курсе лекций. Особое место занимает «Сон в красном тереме», которому посвящено несколько курсов, а также отдельных специальных выпусков, например: «Тайна “Сна в красном тереме”» («Цземь Хун лоу мэнь») Лю Синью (более 40 лекций), «Новые толкования “Сна в красном тереме”» («Синь цзе Хун лоу мэнь», 16 лекций разных лекторов), «Шесть ученых о “Сне в красном тереме”» (12 лекций)¹⁶. Курсы лекций одного из самых популярных и уважаемых лекторов «Бай цзя цзянтань», историка Ван Лицюня, также эксплицитно привязаны к тексту: полное название их включает в себя слова «Читая “Записки историка”» («Ду Ши цзи»), например, курс из 37 лекций, озаглавленный «Ханьский У-ди в “Записках историка”» («Ду Ши цзи чжи Хань У-ди») ¹⁷. Цянь Вэньчжун прочитал несколько курсов лекций с последовательным пофразовым разбором источников: «Сань цзы цзин» (43 лекции), «Правила учеников» (22 лекции), «Фамилии сотен семей» («Бай цзя синь», 48 лекций)¹⁸.

В последние годы рейтинг программы несколько снизился, но она продолжает сохранять высокий уровень популярности и авторитетности.

Неофициальный интернет и поп-культура. Отдельные древние тексты проникают даже в поп-культуру. В этом отношении интересна «Сутра сердца» («Синь цзин»).

Это небольшое буддистское произведение (260 иероглифов, около 5 минут декламации) общеизвестно и широко популярно во всем восточном ареале, где ранее доминировала китайская культура. Гугл показывает 12 млн 800 тыс. ссылок по запросу названия на китайском языке¹⁹ (для сравнения, на запрос «Сутра сердца» на русском отображается 168 тыс. ссылок). Из них видео составляет более 14 млн, что неудивительно при современной тенденции стремительного выдвигания на первый план видеформатов. Видео «Сутры сердца» — это в основном рецитация для религиозных практик, разъяснения от мастеров и т.п., но вторая ссылка²⁰ на первой странице — это «Сутра сердца» в исполнении певицы Ван Фэй (Фэй Вонг), корифея и живой легенды китайской сцены. Эта же ссылка появляется внизу первой страницы по запросу в категории видео имени Ван Фэй на китайском. Сутру также исполняли гонконгские и тайваньские звезды уровня Лю Дэхуа, Алана Тама или Ци Юй. Из материковых певцов и актеров также пользуется популярностью Чэнь Кунь²¹.

Не менее показательно широкое распространение древних текстов в личных блогах, аккаунтах на видеосайтах и сервисах мгновенных сообщений. Здесь находит быстрое и точное отражение вся пестрота пристрастий и все доступные на сегодняшний день технологии. Любые поисковые системы выдают на запросы, касающиеся традиционных текстов, как специализированные сайты или сервисы энциклопедического характера, так и многочисленные ссылки на форумы, блоги, микроблоги и т.д.

Активная аудитория читателей древних текстов и корпус актуальной классики, конечно, значительно уже доступных ресурсов. Тем не менее, китайцы наших дней вполне серьезно обсуждают, что важнее для них, *госюэ* или английский язык²². А во всевозможные списки книг, которые должен прочитать каждый человек (образованный человек, китаец, в юности, за жизнь и т.п.), неизменно входят традиционные произведения. Например, в одном из самых популярных списков из 60 книг, появившемся в 2003 г.²³, в числе первых 30 рядом с Библией, «Дон Кихотом», «Происхождением видов» и «Маленьким принцем» фигурируют «Беседы и суждения» Конфуция («Лунь-юй», 2-ое место), «Исторические записки» великого историографа Сыма Цяня («Ши цзи», 6), трактат Сунь-цзы «Искусство войны» («Сунь-цзы бин фа», 7), роман Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» («Саньго яньи», 8), роман Ши Найяня «Речные заводи» («Шуйху чжуань», 10), «Письма домой» Цзэн Гофаня («Цзэн Гофань цзя шу», 11), роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» («Хун лоу мэнь», 15), роман У Чэньэня «Путешествие на Запад» («Си ю цзи», 23), а также фармакологическое сочинение Чжао Сюэмина «Основные положения о корнях и травах» («Бэнь-цао ганму», 26-е место).

В сети также довольно распространены более специализированные списки типа «100 книг, которые должен прочесть китаец за жизнь» («Чжунго жэнь ишэн ингай ду дэ ибай бэнь шу»)²⁴, «Рейтинг из 36 лучших в истории китайской поэзии стихотворений» («Чжунго лиши шан цзуйгао шуйпин дэ саньшилю шоу шицы пайханбан»)²⁵ и просто рассуждения, вопросы, анонимные советы и рекомендации известных личностей на тему, что лучше почитать из древних книг, из исторических сочинений и т.д. В целом, с большим отрывом лидируют «Лунь-юй» и «Дао дэ цзин», а также «И цзин». При расширении круга текстов списки варьируются, но в них неизменно попадают почти все произведения из «Четырехкнижия» и «Пятиканония», «Исторические записки», «Сунь-цзы бин фа», работы древних философов различных направлений, отдельные буддистские сутры и трактаты китайских патриархов, в меньшей степени — послеханьские даосские произведения, некоторые сочинения по медицине (и шире по «питанию жизни»), затем, или скорее, параллельно, классическая поэзия, романы и так далес. Неплохое представление о популярности отдельных текстов позволяет составить набор бесплатных приложений для мобильных устройств на Плеймаркете, так как в Китае доминирует интернет с мобильным доступом.

В целом, в современном сознании неплохо представлены все разделы традиционной четырехчастной библиографии («каноны» *цзин*, «истории» *ши*, «мудрецы» *цзы* и «сборники» *цзи*), кроме того, основные даосские и особенно буддистские произведения, вездесущие пропедевтические тексты для юношества, а также бывшие низовые жанры типа романов и драмы. А при желании и необходимости не составит особого труда получить доступ к значительно менее распространенным текстам из почти необозримого массива культурного наследия, включая корпуса рукописей, найденных в ходе археологических раскопок, или узкоспециализированным трактатам.

На протяжении тысячелетий китайская нация целеустремленно и часто тенденциозно стремилась укорениться в своем прошлом, углубить его, воспроизвести в текущей современности. Даже с кардинальной сменой типа культуры и доминирующих установок присутствия прошлого, воплощенного в текстах, остается в Китае осязаемым и весомым. Древние тексты не канули в лету и не стали исключительным достоянием памяти или заглавиями в учебных курсах, но остаются действенным каналом самоопределения культуры в наши дни.

1. В данной статье рассмотрение ограничивается КНР, или материковым Китаем.
2. *Госюэ* (букв. «отечественная наука», «национальное учение») — комплексная дисциплина, занимающаяся различными аспектами древней и традиционной родной китайской культуры, до некоторой степени термин аналогичен западному термину «синология», но в нем подчеркнута значение «отечественное», «родное». Подробнее см.: China Perspective. 2011. № 1. P. 4–55. URL: <http://www.cefc.com.hk/perspectives.php?iid=196>. В специальном выпуске о возрождении *госюэ* в наши дни отражены точки зрения как китайских ученых, так и западных сиологов.
3. См.: *Виноградская В. Б.* Текст в традиционной китайской культуре // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2010. М., 2013. С. 22–36.
4. По другим подсчетам — 3461 произведение, а также еще 6793 произведения в каталогах, всего 10 254 текста. См.: *Гувэнь сяньсюэ цзяньги*: [Курс лекций по древней текстологии]. URL: <http://3u.uu456.com/bp-84afc1b769dc5022aaea0059-6.html>.
5. Работа над базой ведется начиная с 1997 года. Часть текстов включена в нее в двух разных изданиях, что дает более 12 500 отдельных изданий. Не включены новые тексты и варианты текстов, найденные в раскопках. О базе с полным каталогом см.: URL: <http://eastasianlib.princeton.edu/ZhongguoJibenGujiList.pdf>.
6. URL: <http://www.sikuquanshu.com/product/main.aspx>. Первые версии были выпущены на рынок в 1999 г. В 2007 г. была запущена уже третья версия издания с онлайн доступом, полной оцифровкой, а значит, удобством поиска и навигации всего корпуса текста.
7. URL: <http://space.tv.cctv.com/video/VIDE1179728061000127>. Дата публикации: 21.05.2007.
8. Например, URL: <http://wenku.baidu.com/view/37bd6c2d0066f5335a812162.html>. Дата публикации: 28.05.2011.
9. *Вэньяньвэнь цюаньцзе*: [Полное объяснение древнекитайского языка]. Чжэнчжоу: Дасянь чубаньшэ, 2011. С. 1–6.
10. Подробнее см.: *Виноградская В. Б.* Графичность китайского текста // XIII—XIV Всероссийская научная конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». М., 2008. Часть II. С. 225–234.
11. *У Шулинь*. Гуци чжэньли чубань гуцизо яо цзяньшоу чуаньгун фаньянь шицзе: [В работе по редактированию и изданию древних книг необходимо смотреть на мир, придерживаясь традиции]. URL: <http://www.confucianism.com.cn/html/wenxue/18059945.html>. Дата публикации: 20.09.2012.
12. Значительную проблему представляет расстановка знаков препинания. Хотя «Сы ку цюань шу» доступна в цифровых форматах, еще далеко не все произведения отредактированы в соответствии с современными стандартами. В последние годы была разработана программа по автоматической расстановке знаков препинания. На уровне современных технологий работа по

- окончательной обработке текста, по оценкам Чжао Миньли, займет 5–8 лет. Госюэ да шуцзюй шидай лайлэ: [Наступила эра больших данных в *госюэ*] // Гуанмин жибао. 16.09.2013. URL: http://crafer.gmw.cn/gmrb/html/2013-09/16/pw.D110000gmrb_20130916_1-15.htm?div=-1.
13. Официальный сайт телепрограммы «Бай цзя цзянтань». См.: URL: <http://cctv.cntv.cn/lm/baijiajiangtan/>
 14. См.: сноски 13, в разделе о программе.
 15. Передача начинается в 12:45, затем еще раз транслируется в 23:30 с повтором на следующий день в 7:40.
 16. Полный список лекций и лекторов см.: URL: <http://zhidao.baidu.com/question/218859234.html>.
 17. URL: <http://kejiao.cntv.cn/wangliqunjiangshiji/videopage/>
 18. См., например, URL: <http://search.cctv.com/search.php?qtex=%E9%92%B1%E6%96%87%E5%BF%A0&sid=0021&pid=0000>.
 19. Минус 3 млн ссылок (по категории видео 1 130 000) на сериал 2014 года «Лэй ньюй синь цзинь», который появляется даже на первых страницах, но не больше, чем одна-две ссылки на страницу.
 20. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bAVWsXmIToY>.
 21. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=GkCiXiRy818>.
 22. По запросу «*госюэ*», «английский язык», «важно» на китайском языке Гугл выдаст более 28 млн ссылок, и, по крайней мере, на первых трех страницах, действительно, идет речь о сравнительной важности изучения *госюэ* и английского языка для современных китайцев.
 23. Ван Цзин. Ишэн биду дэ люши бэнь шу: [60 книг, которые нужно прочитать в жизни]. Пекин: Гунье дасюэ чубаньшэ, 2003. 364 с.
 24. URL: <http://w.baike.com/b5706b774bf640cc9a80e16db599886a.html>.
 25. URL: <http://www.gudianwenxue.com/article/54333.html>. Дата публикации: 2014–04–13.

Стихотворные циклы в китайской литературе

© 2014

Е. Митькина

На протяжении длительного времени в китайском литературоведении не было современного термина «цикл» (*изуши*). В разные эпохи данную форму стихосложения называли по-разному. В Китае циклы стихотворений как особая форма стихосложения распространились еще до эпохи Цинь, окончательно закрепились в поэзии в эпоху Тан, а своего расцвета достигли в период правления династий Сун, Юань, Мин и Цин. Несмотря на то, что на протяжении такого длительного времени стихотворные циклы были широко распространены, исследований, посвященных им, немного. В данной статье рассматриваются разные этапы в развитии циклической поэзии, когда появлялись новые сюжеты и изменялись формы циклов.

Ключевые слова: китайская литература, поэзия, поэтические циклы

В китайском литературоведении на протяжении долгого времени не было современного термина «цикл» (*изуши*). В разные эпохи данную форму (будем называть это так, не вдаваясь в споры о жанровой принадлежности цикла) стихосложения называли по-разному, о чем будет сказано ниже.

Для дальнейших рассуждений о поэтических циклах в литературе Китая следует, прежде всего, определить, что же является характерным признаком циклической поэзии и какие совокупности стихов можно отнести к циклу. И.В. Фоменко в своей диссертации «Поэтика лирического цикла» предлагает следующее определение цикла: «Цикл в узком, терминологическом значении, (в противоположность «широкому значению — как синоним понятий «ряд», группа», «круг» произведений) — жанровое образование, созданный автором ансамбль стихотворений, главный признак которого — особые отношения между стихотворением и контекстом, позволяющие воплотить в системе определенным образом организованных стихотворений целостную и как угодно сложную систему авторских взглядов»¹. Другой исследователь, М.Н. Дарвин, считает, что «целостность цикла находится в прямой зависимости от степени структурной автономности составляющих его элементов, а его единство следует рассматривать как единство противоположностей, характеризующееся действием как центростремительных, так и центробежных сил. Поэтому известная «извлекаемость» отдельного произведения из контекста цикла — не менее важный его признак, чем целостность или «неделимость»»².

В более систематичном виде Л.Е. Ляпина в своей работе «Проблема целостности лирического цикла» выделяет те общие черты, которые, по ее мнению, присущи данной форме:

1. Авторская заданность композиции.
2. Самостоятельность входящих в лирический цикл стихотворений.
3. «Одноцентричность», центростремительность композиции лирического цикла.

4. Лирический характер сцепления стихотворений в лирическом цикле.

5. Лирический принцип изображения»³.

Следует отметить, что циклы стихотворений стали предметом рассмотрения филологов из разных стран сравнительно недавно — всего сто лет назад, в 20–30-х годах 20 века (Ю.Н. Тынянов, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум). Более того, сами выдающиеся литераторы (Б. Брюсов, А. Белый, А. Блок) пытались осмыслить природу циклической поэзии. Следует отметить, что последние не создали академических трудов, посвященных данной проблеме, однако их взгляды ясно прослеживаются в предисловиях к сборникам поэзии.

В настоящее время (с 90-х годов прошлого века) также ведутся исследования лирических циклов. основополагающие работы принадлежат таким ученым, как В.А. Сапогов («Поэтика лирического цикла А.Блока»), М.Н. Дарвин («Русский лирический цикл», «Художественная циклизация лирических произведений»), Л.Е. Ляпина («Циклизация в русской литературе XIX века», «Русские литературные циклы (1840–1860 гг.)»), И.В. Фоменко («О поэтике лирического цикла») и т.д. «Во второй половине 1990-х гг. проблема лирической циклизации стала приобретать фундаментальный характер в науке. В современных исследованиях решаются вопросы, связанные с теорией жанровой природы цикла, категорией авторства и целостности циклической формы. Цикловеды стремятся выделить основные критерии разграничения собственно циклов от других циклических явлений в лирике (поэтических сборников, книг стихов и т.п.), а также от поэмы. Большинство работ касается общих теоретических вопросов природы лирического цикла»⁴.

В Китае циклы стихотворений как особая форма стихосложения распространились еще в доциньское время (до III в. до н. э.), развивались в период Шести династий, окончательно закрепились в поэзии в эпоху Тан, а своего расцвета достигли в период правления династий Сун, Юань, Мин и Цин. Несмотря на то, что на протяжении такого длительного времени стихотворные циклы были широко распространены, исследований, посвященных им, немного. Знаменитые древние трактаты по поэтике, такие как, например, «Резной дракон литературной мысли» Лю Се (*Вэнь синь дяо лун*), не затрагивали понятия стихотворного цикла. Современные исследования также не уделяют им должного внимания, это такие известные работы как «Поэтика китайского языка»⁵, «Обзор древних литературных стилей Китая»⁶, «Введение в различные стихотворные стили древности в Китае»⁷, «Введение в изучение литературных стилей»⁸. В настоящее время стали появляться статьи и книги, посвященные лирическим циклам. В основном, в них затрагивается циклическая поэзия эпохи Тан — «К вопросу об определении понятия цикл стихов в классической китайской литературе»⁹, «О структурированном искусстве циклических произведений Ду Фу»¹⁰, «К вопросу об исторических циклах стихов в период Поздней Тан»¹¹, «Теория изучения исторических циклов стихов танского периода»¹². Однако эти немногочисленные работы либо сконцентрированы на творчестве небольшого количества наиболее известных поэтов, либо упор делается на определенной тематике самих произведений; таким образом, цельного исследования циклов стихотворений в китайской литературной традиции практически нет. В 2011 году была издана книга «Исследование танских циклов стихотворений»¹³, автор которой (Ли Чжэнчунь) пытается восполнить существующую лауну, рассмотрев эволюцию данной формы стихов, причины их популярности в танское время, типы циклов, их структуру, заголовки, а также дает лингвистический анализ, выявляет его значимость для других литературных форм и стилей.

Древняя литература (до эпохи Западная и Восточная Хань)

Начиная с доциньского времени и по эпоху Западной и Восточной Хань, было создано лишь небольшое количество поэтических циклов. Примерно 10, принадлежащих перу авторов, имена которых не дошли до наших дней, два цикла — Сыма Сянжу (179–117 до н.э.), по одному циклу Лю Цюя (?—70 г.до н.э.), госпожи Таншань (III в. до н.э.), Чжан Хэна (78–139), Тан Цзоу (I в. н.э.), Ли Яня (150–178), Цинь Цзя (I в.н.э.), Кун Жуна (153 – 208), Цай Янь (172–220), Чжун Чантуна (179–220), Ли Лина (? — 74 до н.э.). В этот перечень не включены «Книга Песен» — «Шицзин», «Чуские строфы» и поздние ханьские подражания им, а также песни *юэфу*, положенные на одну мелодию. Это несоизмеримо с количеством стихотворных циклов, создававшихся в более поздние эпохи.

Одним из первых примеров циклической поэзии можно считать знаменитый памятник китайской литературы — «Шицзин», который стал неисчерпаемым источником для последующей литературной традиции. Хотя формально произведения, входящие в «Шицзин», не относятся к «циклическим», однако, можно сказать, что они стали прообразом последующих поэтических циклов, ибо структура стихов, входивших в канон, тяготела именно к циклической форме.

Настоящим поэтическим циклом в Древнем Китае стали «Девять песен» (*Цзю гэ*), которые представляют собой либо народные песни, обработанные и переработанные Цюй Юанем, либо авторские произведения последнего. Несмотря на название, в цикл, тем не менее, входят одиннадцать произведений, посвященных, в основном, различным божествам (лишь два из одиннадцати стихотворений являются воспеванием погибших в боях за Родину воинов и описанием жертвоприношения). Кравцова М.Е. отмечает в данном цикле «настойчивое звучание любовных мотивов (тема «божественной любви»)»¹⁴, он проникнут, по словам Серебрякова Е.А. «ощущением прелести жизни, что проявилось и в светлых картинах природы, предстающей в песнях всегда цветущей, полной света, красок и движения»¹⁵.

К циклической поэзии следует отнести и другое произведение, написанное Цюй Юанем, — «Девять элегий» (*Цзю чжан*), состоящее из девяти стихотворений, основным мотивом которых стали думы поэта о судьбе страны и о своей собственной судьбе.

Под влиянием Цюй Юаня в начале правления династии Хань появились «Девять наставлений» (*Цзю цзянь*) Дунфан Шо и «Девять чувств» (*Цзю хуай*) Ван Бао.

Форма циклических стихов еще не была стандартизирована, размер стихотворений, количество иероглифов — все это отличалось, а также не везде выдерживался ритм. Циклы поэзии еще находились на этапе становления.

Периоды правления династий Вэй, Цзинь и Северных и Южных династий

Следующим, важным этапом в развитии циклических стихов стала поэзия периода правления Вэй, Цзинь и Северных и Южных династий. По сравнению с предыдущим периодом количество поэтических циклов невероятно выросло, все большее число литераторов уделяло внимание этой форме.

Согласно сведениям, представленным Дай Циньли в книге «Поэзия Цинь, Хань, Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий», за четыреста лет правления Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий было создано более пятисот (автор приводит цифру 525) поэтических циклов, в состав которых входило 3413 стихотворений (эта цифра включает и народные песни)¹⁶. Среди поэтов, написавших более двадцати циклов, — Цао Чжи (33 цикла), Жуань Цзи (97), Лу Цзи (63), Го Пу (38), Сунь Чо (91), Тао Юаньмин (134), Бао Чжао (94), Се Тяо (90) и другие. В их поэтические циклы входило от двух до нескольких десятков стихотворений. Тематика также была разнообразной — лирическая поэзия, вос-

певанье древности, путевые стихи, скорбь по умершей жене, застольные стихи, воспевание бессмертных и жизнь среди садов и полей и т.д. Более того, в цикл могли входить как стихи, написанные в одном месте и в одно время, так и написанные в разные периоды и в разных местах. Они отражали различные аспекты жизни культурных людей.

В этот период непрерывно возникали различные поэтические общества. Среди них наиболее известны «Семь мудрецов из бамбуковой рощи», «Восемь друзей из Цзинлина» и другие. Циклы стихов, посвященные дружеским встречам, расставаниям с друзьями и т.п., были продуктом деятельности именно этих обществ.

Собрания поэтических обществ данного исторического периода породили одну интересную форму циклических стихов, а именно «*ляньцзюй*» («связанные» строки), другое название — «*болянти*» (стиль Болян). Такие стихи изначально сочинялись коллективно, когда участники по очереди писали по одной, две или больше строк на заданную тему. Строки должны были быть параллельными, иметь общую рифму и объединяться в единое произведение. Позднее эта форма развивалась, и уже не обязательно было личное присутствие при написании строк, части могли быть независимыми, но на одну и ту же тему. Так, например, Се Тяо, Цзян Гэ, Ван Сэнжу, Се Хао, Лю Хуэй и Шэн Юэ путем переписки создали цикл стихов «Снег. Связанные строки, написанные издали в подарок на заданную рифму» (*Цзу сюэ лянь цзюй яо цзэн хэ*) — каждый из участников сочинял по четыре пятисловные строки; как видно уже из названия, происходило это не в одно время, не на одной общей встрече, а пересылалось с письмами.

Еще одной из причин, побуждавшей поэтов сочинять циклы стихов, были пиры в княжеских дворцах. Правители Шести династий были известны своей любовью к литературе в целом, и к поэзии в частности. Они и сами писали стихи, и поощряли к этому придворных. Поэтов приглашали на эти пиры, и многие произведения (а среди них были и поэтические циклы) создавались спонтанно, под впечатлением от увиденного и услышанного. Такого рода сочинявшиеся на пирах стихотворения стали неотъемлемой частью жизни высшего общества.

В период Южных династий в народе были распространены особые произведения — положенные на одну и ту же музыку стихи (чем-то это напоминает более поздние *цы*). Образованные люди, изучая народные песни *юэфу* периода Шести династий, восприняли и эту форму, в результате чего было создано много поэтических циклов на одну и ту же тему. Например, циклы Бао Чжао «Песни У. Три стихотворения» (*У гэ сань шюу*) и «Вдохновенное. 10 стихотворений» (*Чжун син ши шюу*) написаны в подражание распространенным тогда песням *юэфу*, и, подобно им, состояли из четырех строк по пять иероглифов в каждой. А одно из наиболее известных его произведений «Подражаю песням о дорожных тяготах. 18 стихотворений» является подражанием ханьским *юэфу*.

Одной из важных причин появления циклических произведений — подражания, принятые среди образованных людей. Многие известные поэты начинали свое творчество с подражания непревзойденным мастерам прошлого. Некоторые продолжали подобные литературные упражнения и уже после того, как обретали известность и собственную художественную манеру. В основном, объектами подражания были поэты конца династии Хань, Цао Чжи, Жуань Цзи и другие. Так, например, два цикла Жуань Цзи «Лирические стихи. 13 стихотворений» (*Юн хуай ши сань шюу*) и «Лирические стихи. 28 стихотворений» (*Юн хуай ши эр ши ба шюу*), представлявшие собой насыщенный чувствами исповедальный монолог поэта, вызвали к жизни множество подражаний. Последние иногда отличались названием, но сохраняли общий дух циклов Жуань Цзи — например, цикл Цзо Сы «Воспеваю историю. 8 стихотворений» (*Юн ши ба шюу*), циклы Тао Юаньмина «Пью вино. 20 стихотворений» (*Инь цзю эр ши шюу*), «Разнос. 20 стихотворений» (*Цза ши эр ши шюу*), цикл Юй Синя «Подражаю лирическим стихам. 27 стихотворений» (*Ни юн хуай эр ши ци шюу*). Все эти произведения, созданные в период правления Шести династий, восходят к циклам Жуань Цзи как к примеру для подражания. Профессор Пе-

кинского университета Ван Яо рассуждал о мотивах, побуждавших поэтов писать подражания древним: «Почему они любили копировать произведения других поэтов? Потому что это и есть метод изучения процесса творчества, это напоминает прописи, которые мы пишем в школе. Поэзия предшественников — это образцовый эталон, который следует старательно обдумать и скопировать, чтобы понять его душу. Поэтому по следам известного литературного сочинения часто возникает большое количество похожих произведений, и это — результат подражания»¹⁷.

Кроме того, еще одной причиной подражательства, принятого среди образованных людей, была попытка «заочного диалога» с великими предшественниками, своего рода, стихотворного общения, расширяющего горизонты собственных литературных возможностей.

Большое количество авторских циклических произведений связано с беспрецедентной емкостью, заключенной в этой художественной форме, с возможностью сводить вместе разнoplanовые составляющие (рассуждения, описания, посвящения), в рамках цикла обретающие новое, ранее не предполагавшееся звучание.

Одним из самых примечательных поэтических циклов эпохи Цзинь была полная грусти и разочарования «Песня о ста годах жизни. Десять стихотворений» (*Бай нянь гэ ши шоу*) Лу Цзи (261–303): «он [цикл — Е. М.] включает в себя 10 семисловных (по 7 иероглифов в строке) текстов, каждый из которых посвящен отдельному периоду жизни лирического героя: детству, юности, зрелости, старости. Сам герой наделен всеми лучшими — по представлениям китайцев — человеческими качествами... Его судьба олицетворяет традиционный идеал счастья... Но проходят годы, и он превращается в больного, всем и всеми недовольного старика... Бессмысленность существования да и стремление к совершению тех или иных поступков, к каким-либо идеалам усугубляется в глазах Лу Цзи беспомощностью человека хоть как-то повлиять на собственную судьбу»¹⁸. Десять стихотворений образуют единую семантическую систему, образно, ярко, целостно описывающую жизнь человека. Философский подтекст усиливает драматизм и мрачный настрой цикла, что выделяет его из ряда подобных произведений. У многих поэтов того времени мысль о естественности смерти и ее неизбежности, а также о невозможности влиять на судьбу была преобладающей в творчестве.

Другой популярной темой поэтических циклов в период Шести династий были эпитафии по женам, детям, друзьям. Здесь нельзя не сказать о Пань Юэ (247–300). В своем цикле «Скорблю об умершей жене» (*Дао ван ши сань шоу*) он впервые с исчерпывающей полнотой описал чувства мужа, потерявшего любимую супругу. В написанных им строках сквозит скорбь, печаль, разочарование и нежелание смириться с судьбой; здесь нет и тени даосских рассуждений о естественности круговорота бытия и небытия.

Посвящения умершим женам и друзьям создавали такие поэты как Цзян Янь («Скорблю по жене. Десять стихотворений» *Дао ши жэнь ши ши шоу*), Юй Синь («Печальюсь о прошлом. Два стихотворения» *Шан ван ши эр шоу*), Шэнь Юэ («Думы о былом. Девять стихотворений»¹⁹ *Хуай цзю ши цзю шоу*).

Еще одной темой, наиболее распространенной в период Шести династий, стали стихотворные описания путешествий в мир бессмертных. Многие поэты фантазировали о мире бессмертных, рассказывали о стремлении попасть в этот мир, постичь Дао; однако, при ближайшем рассмотрении, можно заметить, что целью их было показать несовершенство мира подлунного. Среди подобных стихотворений — циклы Чжан Хуа (232–300) «Путешествие к бессмертным. Четыре стихотворения» (*Ю сянь ши сы шоу*), Го Пу «Путешествие к бессмертным. Девятнадцать стихотворений» (*Ю сянь ши ши цзю шоу*).

В целом ряде произведений сквозит идея отказа от службы, стремление к неприемлемой жизни вдали от света. Причиной тому, что совершенно неудивительно, была утрата идеалов, вызванная нестабильной политической ситуацией и повсеместным забвением изначальных устоев государственности. Рассуждения о собственном месте в жиз-

ни, о предназначении честного и талантливом человеке зачастую стали тяготеть к теме возвращения к естественности. Уход к природе воспел великий поэт Тао Юаньмин. Широко известен его цикл «Возвращаюсь к садам и полям. Пять стихотворений» (*Гуй юань тянь цзюй у шюу*), где высказывается надежда уйти от мира, враждебного высокоморальному ученому мужу. «Отшельничество виделось не одиночеством, образом жизни среди людей, позволяющим сохранить свободу и нравственную чистоту, право независимого выбора лиц для общения»²⁰. Эти слова справедливы и для произведений других поэтов на ту же тему.

Следует также отметить, что, во-первых, в эпоху Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий стихотворения, объединенные в поэтические циклы, так же как и другие произведения в жанре *шюу*, перешли от четырехсловной к пятисловной форме (четырёхсловная форма сохранялась лишь в некоторых храмовых текстах). Во-вторых, по-новому стала мыслиться связь поэтического текста с музыкой. В-третьих, созданию циклов способствовало и вошедшее в обычай повсеместное создание сборников стихотворений.

Эпоха Тан

Общепризнано, что расцветом китайской поэзии, ее «Золотым веком» стал период правления династии Тан. Естественно, что расцвет циклической поэзии также приходится на это время, достигнув своего пика после периода «Высокой Тан». Больше всего циклов стихотворений создали Бо Цзюйи (772–846), Ду Фу (712–770), Юань Чжэнь (779–831), Лу Гуймэн (? — 881), Гуань Сю (832–912), Сыкун Ту (837–908), Пи Жисю (834–902), Ли Бо (701–762) и другие. Наиболее популярными были семисловные стихотворения. Интересно также и то, что именно в данный период стали появляться гигантские циклы стихов. Они могли состоять из сотни стихотворений и более. Однако наиболее популярными оставались циклы с количеством включенных произведений менее десяти. Тематика подобных циклов была самая разнообразная — описания пейзажей, воспоминания о прошлом, любовная лирика и другое.

Пейзажные циклы начала эпохи Тан подвергались несомненному влиянию произведений периода Шести династий, однако, позднее, в середине и в конце Тан их звучание все более приобретает налет злободневности. Выражалось это в самых различных внешних формах. Так во второй половине Тан появляется множество стихотворных циклов, обращенных к идеализированным страницам древней истории; вероятнее всего, их появление было связано с разочарованием в современной писателям действительности, чему немало способствовали социальные потрясения, на которые время Тан было весьма щедро — достаточно вспомнить здесь, например, мятеж Ань Лушаня и непрекращающиеся войны после его подавления. Обращение к прошлому в данном случае — попытка в завуалированной форме рассказать о насущных и животрепещущих проблемах или же поискать в анналах истории достойный пример, которому можно следовать в дни испытаний.

Находит продолжение и упомянутая выше форма «связанных строк», возникают основанные на ней поэтические циклы (*лянь цзюй цзу ши*). Теперь каждый участник пишет самостоятельное четверостишие, из чего в результате должно получиться цельное стихотворение. Параллельно с ней продолжала существовать идущая еще от «Шинцзина» форма *ляньчжан* («объединенные части»), а также *тунти гунцзо* («совместно созданная единая тема»). Последняя была характерна для собраний литераторов на пирах, когда задавалась определенная тема, и группа поэтов одновременно писала свои произведения на нее.

Особое влияние на танскую циклическую поэзию оказали песни-*юэфу*. Танские поэты создали огромное количество подражаний *юэфу*. Так Ли Бо и Ду Фу, вдохновившись историей о красавице Ван Чжаоцзюнь, написали *юэфу* «Ван Чжаоцзюнь. Два стихотворения» (*Ван Чжаоцзюнь эр шюу*), кисти Ду Фу принадлежит ряд циклов по мотивам *юэфу* «Выезжаю в поход» — «Открывающий цикл. Выезжаю в поход. Девять стихо-

творений» (*Цянь чу сай цзю шоу*) и «Завершающий цикл. Выезжаю в поход. Пять стихотворений» (*Хоу чу сай у шоу*); Ли Бо, Гу Куан, Лю Цзунъюань написали подражание юэфу эпохи Шести династий под названием «Труден путь. Три стихотворения» (*Син лу нань сань шоу*), Бо Цзюйи, Юань Чжэнь и Ли Шэнь создавали подражания народным песням, цикл Ли Шаньиня «Веточка ивы» (*Ян лю чжи*) тоже был написан под влиянием юэфу. В антологии «Полное собрание танской поэзии», созданной в цинское время Пэн Диншо (1645–1719), насчитывается 608 циклов стихов в форме юэфу.

Кроме того, танские подражания юэфу обладали одной особенностью — их можно разделить на те, которые подражали во всем, и те, которые в старую форму вкладывали новый смысл, новые образы и т.д., причем вторая тенденция начала особенно ярко проявляться в период расцвета танской династии. Так, например, у Гу Куана есть цикл «Песни на короткие мелодии. Шесть стихотворений» (*Дуань гэ син лю шоу*), три из шести стихотворений автор наполнил новыми для этого типа народной песни содержанием.

Таким образом, мы видим, что подражания юэфу эволюционировали со временем: от прямых заимствований и копирований в начале Тан до привнесения новых тем и образов в середине и конце правления династии. Кроме того, изначально простые по форме юэфу также изменились со временем — увеличился объем, во многом как раз за счет использования формы цикла. Ху Ши писал о трансформации подражаний юэфу: «Первый шаг — это подражание поэтами юэфу. Второй шаг — поэты перенимали старые темы и создавали новые стихи-цы. Однако они не обязательно должны были придерживаться первоначального смысла, и не обязательно соблюдали изначальные мелодии. Третий шаг — поэты брали сам дух юэфу и создавали «новые юэфу»²¹.

Еще одна причина появления большого количества циклов стихов — обмен взаимными посвящениями, который мог происходить внутри поэтических обществ или объединений литературных единомышленников. Как правило, такого рода коллективы отличались сплоченностью, и их участники, устраивая общие встречи, непременно соревновались в поэтическом мастерстве.

В танское время появилось множество циклов стихов, в названии которых были такие слова, как «Подражаю...» (*ни*), «От имени...» (*дай*), «Копирую...» (*сяо*). Часто объектом подражания выбирались образцы из наследия прошедших эпох, и в этом случае зачастую можно говорить не о копировании манеры, а также, о своего рода литературном соревновании с предшественниками.

Тематика танской циклической поэзии была крайне разнообразной: это могла быть и пейзажная лирика, и рассуждения о жизни, рассказы об истории и современности, философские и литературоведческие обобщения.

Циклические стихи, в которых излагаются взгляды поэтов на поэзию и стихосложение, составляют особое направление. Среди такого рода произведений выделяются два типа циклов. Иллюстрацией первого может служить «В шутку создаю шесть четверостиший» (*Си вэй лю цзюэ цзюй*) Ду Фу. Хотя в названии присутствует слово «В шутку», за таким легким, веселым заголовком скрываются глубокие и серьезные рассуждения — это обобщение опыта самого поэта, полученного в процессе творчества. Он рассуждает об особенностях предыдущих поэтов (Юй Синя (513–587), «Четырех выдающихся»²²), дает обзор положения в современном ему литературном сообществе, высказывает собственное художественное кредо.

Такого рода рассуждения о поэзии, выполненные в виде усеченных стрóf (*цзюэ цзюй*), писали многие поэты — например, Чжэн Гу («Случайные заметки в конце свитка. Три стихотворения» (*Цзюань мо оу ти сань шоу*), «Читаю первое собрание. Два стихотворения» (*Ду цянь цзи эр шоу*), Бо Цзюйи («Читаю древние стихи. Десять стихотворений» (*Ду гу ши ши шоу*), Чжан Вэй («Читаю Жизнеописания отшельников в Истории династии Поздняя Хань. Два стихотворения» (*Ду Хоу Хань шу И жэнь чжуань эр шоу*), Ли Шаньинь («Вольно написанные стихи. Три стихотворения» (*Мань чэн сань шоу*) и другие.

Другая форма рассуждений о стихах — это четырехсловные «восхваления» *цзань*. В таком стиле писал позднетанский поэт Сыкун Ту, кисти которого принадлежит знаменитое произведение — «Категории стихов в 24 разделах» (*Эр ши сы ши пинь*). «В поэме, состоящей из 24 стансов, Сыкун Ту рисует 24 фазы поэтического вдохновения и его истоки»²³.

Время правления династии Тан стало «Золотым веком» не только для всей литературы Китая, но и для формы поэтических циклов. Именно тогда был всесторонне обобщен опыт предыдущих поколений, созданы новые направления, реформированы правила стихосложения. В последующие века литераторы лишь совершенствовали и шлифовали то, что было выработано прежде.

Династия Сун

В период правления династии Сун циклическая поэзия развивалась под влиянием установки «поэтическое творчество с помощью одаренности и начитанности» (*и цай сюэ вэз ши*). Это выражалось в большом количестве циклов, написанных в подражание известным поэтам прошлого. Так, например, известный поэт XI века Су Ши (1037–1101), восхищавшийся человеческими качествами и поэтическим стилем Тао Юаньмина (365–427), создал множество поэтических циклов в подражание последнему — «Вторю стихотворению Тао “Пью вино”. 20 стихотворений» (*Хэ Тао инь цзю эр ши шоу*), «Вторю “Возвращаюсь к садам и полям” Тао. Шесть стихотворений» (*Хэ Тао гуй тянь юань цзюй лю шоу*), «Вторю “Разным стихам” Тао. 11 стихотворений» (*Хэ Тао цза ши ши и шоу*) и т.д. Другой сунский поэт, основатель цзянсийской школы Хуан Тинцзянь (1045–1105) создал немало циклов, написанных по рифмам предшественников, — «Вторю рифмам Лю Цзинвэня “Размышляю, поднявшись на башню Чжэнвантай”. Пять стихотворений» (*Цы юнь Лю Цзинвэнь дэн Чжэн ван тай цзянь сы у шоу*) и другие. Еще один знаменитый сунский поэт Фань Чэнда (1126–1193) был автором одного из самых длинных циклов в истории китайской поэзии — «Шестьдесят стихотворений о полях и садах, выражающих настроения, навеянные четырьмя временами года» (*Сы ши тянь юань цза син лю ши шоу*). Это масштабная картина, реалистически описывающая жизнь на природе в течение разных времен года. Еще один из самых крупных циклов также был написан в период правления династии Сун — «Девяносто восемь песен Хучжоу» (*Ху чжоу гэ цзю ши ба шоу*) Ван Юаньляна (XIII век), в котором с разных точек зрения рассматривается процесс гибели Южносунской династии, целостно и правдиво рисуется историческая обстановка и события тех лет.

Династия Юань

В период правления династии Юань было создано огромное количество циклических стихов. Так, согласно статистическим данным, приведенным в «Исследовании танских циклов стихотворений» Ли Чжэнчуя, примерно пятьсот поэтов создали более семи тысяч произведений²⁴, объединенных в циклы. Подавляющее большинство литераторов отдавали предпочтение циклам, состоявшим из десяти и менее стихотворений, однако имелись и крупные произведения — например, «Воспеваю цветы сливы в ста стихах» (*Мэй хуа бай юн*) Фэн Цзычжэня (1251?—1348?), а также самый масштабный цикл в истории Юань, насчитывавший двести сорок стихотворений, «Земледельческий сборник» (*Нун у цзи*) Ван Чжэня (1271–1368).

В том, что касается формы стихов, можно констатировать, что подавляющее большинство было написано семисловным размером (в отличие от периодов Тан и Сун, где количество семисловных и пятисловных стихов было примерно одинаково): примерно три тысячи четырехстрочных стихотворений, тысяча четыреста восьмистрочных и триста сорок десяти- и более строчных. Юаньские поэты создали вполонину меньше пя-

тисловных стихов — примерно 2400, из них 720 четырехстрочных, 880 — восьмистрочных и 800, состоящих из десяти и более строк²⁵.

Одной из характерных особенностей поэзии именно юаньского периода являются стихотворения, играющие роль подписей к картинам. Более того, большинство подобных произведений как раз и объединялись в циклы. Поэты и художники стремились отобразить единство художественных принципов, лежащих в основе литературы и живописи, и совмещение слова и картины в самостоятельный вид искусства становится в описываемый период особенно популярным. Так, например, были широко известны циклы Хуан Гунвана (1269–1354) «Стихи к изображениям десяти гор Ли Чэна» (*Ти Ли Чэн со хуа ши сю*) и Юй Цзи (1272–1348) «Стихи к изображениям цветов и деревьев по временам года Цянь Шуньцзюя из собрания Жао Шиина» (*Ти Жао Шиин со цан Цянь Шуньцзюй сы цзи хуа му*).

В юаньское время получили распространение также стихи особого жанра — «путевые заметки — *цзисинти*». Наибольшей известностью пользовались циклы стихов о путешествиях в столицу. Многие из них остаются бесценным материалом для изучения жизни дворца и столицы в тот период китайской истории.

Также характерной особенностью юаньской циклической поэзии является новый тип стихов — «*цзыхэ*» («Вторю самому себе»). В такие циклы входили разные по содержанию стихи одного автора, объединяемые неким общим движением души, которое поэт замыслил в них воплотить. Появление такого рода произведений повлияло на развитие поэзии последующих эпох.

Период правления династий Мин и Цин

В период правления последних двух династий было создано огромное количество стихотворений, в том числе, входящих в различные циклы. Циклические стихи данного периода отличает тяготение к крупной форме. Так, например, цикл минского Гао Ци (1336–1373) «Сучжоу. Разное» (*Гу Су цза юн*) состоял из 123 стихов, а цикл Ван Шичжэня (1526–1590) «Воспеваю историю» (*Юн ши*) — из ста.

Особенно тяготели к такого рода крупным формам цинские поэты. Здесь нельзя не упомянуть такие стихотворные циклы как «Поздние стансы об осени» (*Хоу цю син*) Цянь Цяньи (1582–1664), «Разные стихи года И-хай²⁶. 315 стихов» (*И хай цза ши сань бай и ши у шоу*) Гун Цзычжэня (1792–1841), «Разные стихи года И-хай²⁷. 86 стихов» (*И хай цза ши ба ши лю шоу*) Хуан Цзуньсяня (1848–1905) и целый ряд других произведений.

Таким образом, на протяжении столетий менялась форма циклических стихов, а также под воздействием веяний эпохи появлялись новые темы и сюжеты. Циклическая поэзия Китая непрерывно совершенствовалась, постепенно становясь неотъемлемой частью литературной жизни страны и проникая в творчество практически всех поэтов более поздних династий.

1. Фоменко, И.В. Поэтика лирического цикла: Автореф. дис... канд. фил. наук. — М., 1990. С. 1.
2. Дарвин, М.Н. Художественная циклизация лирических произведений. — Кемерово, 1997. С. 11.
3. Ляпина, Л.Е. Проблема целостности лирического цикла / Л.Е.Ляпина // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. — Донецк: 1977. С. 165.
4. Яковлева, В.Д. Циклы лирических стихотворений в якутской поэзии: типология и поэтика: Автореф. дис... канд. филол. наук / В.Д.Яковлева. — Якутск, 2006. С. 3.
5. Ян Чжунъи, Лян Баоли. Ханьюй шитсиэюэ [Поэтика китайского языка]. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2000.

6. *Чу Биньцзе*. Чжунго гудай вэньти гайлунь. [Общий обзор поэтических стилей в Китае]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1984.
7. *Янь Хуачжи*. Чжунго гудай цзатиши тунлунь. [Древняя поэзия смешанных стилей в Китае]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2001.
8. *Лю Шишэн, Чжэ Жүйцин*. Вэньтисюэ гайлунь. [Обзор литературных стилей]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2006.
9. *Сы Цюаньшэн*. Гуаньюй Чжунго гудянь цзуши дэ цзедин // Юянь сюэкань. [К вопросу об определении циклической поэзии в китайской классической литературе // Филология], 1998 г., № 1. — С. 5–7.
10. *Не Цяопин*. Лунь Ду Фу лянчжанши дэ цзучжи ишу // Цзинань сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ) [Об организации «связанных строф» в поэзии Ду Фу // Научный журнал Цзинань (Философия. Социальные науки)]. 2000 г., № 2. — С. 34–40.
11. *Мо Лифэн*. Лунь вань Цин дэ юанши цзуши // Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь. [К вопросу о позднежанской поэзии, воспевающей историю // Фронт изучения социальных наук]. 2000 г., № 4. — С. 88–96.
12. *Чжао Ванцин*. Тандай юнши цзуши каолунь. [Исследование танской циклической поэзии, воспевающей историю]. Сиань: Сань Цинь чубаньшэ, 2003.
13. *Ли Чжэньчунь*. Тандай цзуши яньцзю. [Исследование танской циклической поэзии]. Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2011.
14. Хрестоматия по литературе Китая. — СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 71.
15. Литература древнего Китая. Сборник статей. — М.: Наука, 1969. С. 198.
16. *Ли Чжэньчунь*. Указ. соч. С. 16.
17. *Ван Яо*. Чжун гу вэньсюэ ши лунь. [Об истории древней литературы Китая]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1986.
18. Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 томах. — М.: Восточная литература. — Т. 3.: Литература, Язык и письменность. М., 2008. — С. 338–339.
19. Каждое из стихотворений данного цикла было посвящено одному из рано ушедших друзей поэта.
20. Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 т. — М.: Восточная литература. — Т. 3.: Литература, Язык и письменность. М., 2008. — С. 444.
21. *Ху Ши*. Байхуа вэньсюэши. [История литературы на байхуа]. Шанхай: Дунфан чубаньшэ, 1996. С. 187.
22. Четыре поэта начала правления династии Тан — Ван Бо (649–676), Ян Цзюнь (650–692), Лу Чжаолин (ок. 641–680), Ло Биньван (640?–684?)
23. Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 томах. — М.: Восточная литература, 2006–2008. — Т. 3. — С. 418.
24. *Ли Чжэньчунь*. Указ. соч. С. 454.
25. *Ли Чжэньчунь*. Указ. соч. С. 454.
26. Год *И-хай* — здесь: 1839 год (19-й год правления под девизом Даогуан).
27. Год *И-хай* — здесь: 1899 год (25-й год правления под девизом Гуансюй).

Научная жизнь

XX конференция Европейской ассоциации китаеведения в Португалии

Двадцатая конференция Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК) собралась в Португалии 23–26 июля 2014 г. Около полутысячи исследователей, многие из которых прибыли из Китая, могли принять участие в работе шестнадцати секций — искусство и археология; кинематограф, СМИ и исполнительские искусства; культура; контакты Восток — Запад; экономика; гендерные исследования; история; право; лингвистика; литература; исследования Макао; философия и религия; политика и международные отношения; социология и антропология; преподавание китайского языка как иностранного; исследование перевода.

Впервые в истории ЕАК мероприятие проходило в двух городах в разных университетах. Первые два дня участники конференции провели в городе Брага на севере страны в Университете Минью. Вторая половина, которая также длилась два дня, состоялась в Университете Коимбры.

Организаторы придумали для конференции запоминающийся лозунг — «Страна, где заканчивается Европа и началось китаеведение». В XVI в. Португалия была покровителем отправлявшихся в Азию католических миссионеров, от которых Европа получила первые достоверные знания о Китае. Маттео Риччи перед поездкой в Китай учился в Университете Коимбры. Возрождение португальского китаеведения началось в 1991 г., когда в Университете Минью (это учебное заведение возникло в 1970-е) было открыто преподавание китайского языка.

Особое место на конференции занимала тема Макао — бывшей португальской колонии в Китае. На пленарном заседании профессор Стэнфордского университета Чэнь Минцю (Ming K. Chan) сопоставил уровни «мягкой силы» бывших метрополий в Гонконге и Макао. Он отметил, что португальское присутствие в Китае не было результатом войны, «католический торговый экспансионизм» изначально отличался от британского «протестантского промышленного капиталистического империализма». По мнению докладчика, следование заложенной в прошлом толерантной модели вестернизации позволило Португалии сохранить добрые отношения с Макао после возвращения территории Китаю.

Исследователи из Португалии и Макао представили доклады, посвященные истории отношений метрополии и колонии. Были затронуты темы культурной идентичности Макао как точки соприкосновения культур Китая и Запада, роли традиций в жизни общества, экономическому развитию территории, ее положению в современном региональном контексте. Темой обсуждения стали отношения Макао и гоминьдановского Тайваня, развитие между ними общественных связей, а также Макао и Гонконга. Группа

ученых из Института Риччи в Макао подготовила отдельную тематическую подсекцию, посвященную истории присутствия иезуитов в Макао в XVI — XVII вв., а также возобновлению их деятельности в конце XIX в. Другая подсекция, посвященная проблемам перевода, обучения переводу и литературного творчества в Макао, была составлена из представителей Политехнического института Макао.

На экономической секции впервые был представлен блок докладов, сгруппированных вокруг темы «Ранняя экономическая мысль и практика в Китае в их социально-политическом контексте: аргументы, подходы и цели». Джоэль Стеркс (Кембриджский университет) представил доклад об идеологии создания богатства в эпоху Западной Хань. По мнению докладчика, это был плодотворный период для формирования понятий о создании богатства, бедности и неравенстве, а также признания того, что создание богатства в большей степени проходило не в сельском хозяйстве, а в других сферах экономики. Ханс ван Эсс (Мюнхенский университет) сосредоточил внимание на трактате «Гуань-цзы», в особенности на главах о стабилизации хозяйства («цинчжун»), не получивших, по мнению докладчика, должного освещения в научной литературе. Он подчеркнул их современное звучание и высказал соображения относительно датировки этих глав. Элиза Сабаттини (Университет Сассари, Италия) рассмотрела взгляды Цзя И (200–195 до н.э.) на деньги, истоком этих взглядов она назвала теорию «цинчжун» из трактата «Гуань-цзы». Юрий Пинес (Еврейский университет в Иерусалиме) посвятил выступление экономическим идеям «Книги правителя области Шан». Кристиан Шверманн (Боннский университет) проанализировал доклады по вопросам экономики и финансов жившего во времена династии Хань влиятельного придворного советника Цао Чо в контексте социально-экономической истории Китая II в. до н. э.

Брайна Гудман (Университет Орегона) рассказала об истории биржевой деятельности в ранний республиканский период и ее отражении в периодической печати того времени. В начале 1920-х гг. создание многочисленных бирж в Шанхае спровоцировало увлечение многих людей инвестированием в акции. На фоне растущих опасений по поводу иностранных манипуляций этот «пузырь» лопнул, после чего даже у профессиональных экономистов возникли сомнения в необходимости создания китайской биржи. О.Н. Борох (ИДВ РАН) рассмотрела причины быстрого распространения идей «контролируемой экономики» среди китайских экономистов и последующего уменьшения их популярности в 1930-е—1940-е гг.

Российские ученые рассмотрели различные проблемы современного положения экономики КНР. А.В. Островский (ИДВ РАН) проанализировал переход к рыночной экономике как путь решения проблемы занятости в Китае. Е.С. Баженова (ИДВ РАН) выступила с докладом «Население Китая: огромные перемены на волне экономических реформ». В.Я. Портяков (ИДВ РАН) представил доклад «Шэньчжэнь: история успеха», в котором были рассмотрены различные этапы развития экономической зоны начиная с 1980-х гг. (поездка на конференцию ЕАК была поддержана РГНФ, проект № 14–07–00058 «Развитие Шэньчжэня в условиях смены модели экономического роста в Китае»).

Участники конференции уделили внимание природоохранным аспектам экономического развития Китая. Е.А. Фортыгина (МГУ) выделила основные направления экологической политики руководства КНР. Вызвал интерес доклад Ян Цзян (Датский институт международных исследований) на тему «Внутренняя политика финансовой реформы в Китае», в котором было показано, что последние шаги в этой сфере стали результатом компромисса между либералами-реформаторами и консерваторами.

Несколько докладов были посвящены влиянию понятия «качества людей» (*сучжи*) на жизнь китайского общества. Жюдит Одэн (Парижский институт политических наук) рассмотрела использование «сучжи» жителями пекинских микрорайонов как инструмента социальной оценки и сегрегации. В обычных районах речь идет об установлении нормативов цивилизованного поведения в отношении мигрантов и низших социаль-

ных слоев, не обладающих пропиской-*хукоу*. В новых районах престижной коммерческой застройки «сучжи» выступает как водораздел между своими и чужими, направленный на защиту собственных прав и поддержание комфортных условий обитания. Алис Экман (Французский институт международных отношений) проанализировала применение «сучжи» как устанавливаемого государством набора требований при отборе кандидатов для дипломатической службы и их последующей профессиональной подготовки.

Борис Шварцман (Школа передовых исследований общественных наук, Франция) с опорой на собранные в ходе полевых исследований материалы и проведенные опросы изучил проблему изъятия земли и переселения людей в процессе урбанизации Китая. На примере конкретной территории на юге страны было показано, что разные категории населения имеют различные возможности получения компенсации за изъятую землю и жилье, при этом домовладения зарубежных китайцев (*хуашяо*) не были затронуты при сносе деревни. Докладчик показал, как переселенцы стремятся сохранить привилегии, которыми пользовалась прежде их сельская община.

Постоянное внимание привлекает к себе тема роли Интернета в жизни современного китайского общества. В докладе Хуэй Чжао (Университет Лунда) было показано, каким образом в сети проявляет себя коллективная память об исторических событиях. На примере спора в микроблоге «Вэйбо» об оценке массового голода 1959–1961 гг. было показано, как в кратчайшие сроки тысячи пользователей выступили против попыток представителей официальных кругов поставить под сомнение тяжесть этих событий. Микроблог стал площадкой для формирования неофициальной картины исторического прошлого, опирающейся на эмоции и убеждения.

При рассмотрении современной внутренней политики КНР участники конференции проявили большой интерес к проблемам взаимодействия между центральной властью и регионами. Профессор Чжун Ян (Университет Цзяотун в Шанхае и Университет Теннеси) указал на высокую степень политического доверия к властям среди городского населения Китая, что, по мнению докладчика, означает отсутствие условий для радикальных политических перемен. Л.А. Афонина (ИДВ РАН) выступила с докладом «Современные тенденции в политике КПК в сфере религий». Многие выступления были посвящены Гонконгу — деятельности местных СМИ, политике властей, процессам распространения информации, молодежному движению.

Другой заметной темой стала оценка влияния китайской интеллектуальной элиты, ее участия в выработке государственной политики, роли в этом процессе многочисленных «мозговых центров». Российский китаевед А.Т. Габуев рассмотрел связь между взглядами известного публициста националистического толка Ван Сяодуна и эволюцией китайской политики за последнее десятилетие. Саша Клотцбухер (Венский университет) на основании собственного опыта рассказал о том, что при организации совместных исследований в Китае иностранным ученым нужно быть готовыми играть формальную роль политических советников местных властей.

На секции по философии и религии заметное место занимали темы наследия раннего даосизма и учения Чжуан-цзы, буддистские тексты и практики. А.В. Ломанов (ИДВ РАН) в докладе «Либеральные “новогодние мечты” Ху Ши» (доклад подготовлен при поддержке РФНФ, проект № 14–01–00295 «Китайский либерализм XX века: западное влияние и традиционная культура») рассмотрел эволюцию взглядов известного китайского мыслителя на перспективы развития страны в 1930-е гг. О специфике философского лексикона Ху Ши рассказала У Сунин (Университет Гонконга), сравнившая китайскую терминологию, использованную при изложении западного учения прагматизма в работах Ху Ши и Чжан Дунсуня. Были представлены доклады, анализирующие соотношение учений известных китайских мыслителей XX в. Лян Шумина и Чжан Цзюньмая с западной религиозностью.

Маркус Фибиг (Свободный университет Берлина) с опорой на первоисточники проанализировал вероучительные парные надписи, принадлежащие китайскому мусульманскому ученому Ма Циси (конец XIX — XX вв.), выявил их связь с теологическими поисками китайских исламских богословов предыдущих столетий. По-прежнему высоким остается интерес к наследию христианских миссий. Хуан Мэйтин (Университет Фу-жэнь) рассмотрела усилия Маттео Риччи и Микеле Руджери по адаптации христианского учения о рае к китайскому культурному контексту. Моника Романо (Университет Сапиенца) поделилась результатами обследования предпочтений в выборе различных вариантов перевода Библии среди китайских католиков и протестантов.

В изучении межкультурных контактов прошлых веков внимание исследователей привлечено к изучению опыта составления словарей, процессу формирования терминологии при работе над переводами, накоплению географических знаний о Китае, отраженных в картах и описаниях путешественников. История проникновения в Китай западных знаний раскрывается через глубокое изучение отдельных аспектов. В частности, Паоло де Троя (Университет Сапиенца) проанализировал содержание и связь с западной орнитологической наукой того времени «Трактата о соколах» (XVII в.) на китайском языке, составленного иезуитским миссионером Людовико Булио. Н.А. Самойлов (СПбГУ) в своем докладе рассмотрел соотношение между российским воображением и китайской реальностью XIX в.

Была подготовлена отдельная подсекция, посвященная истории землетрясений в Китае. В нее вошли доклады, раскрывающие отражение информации о землетрясениях в Китае и за рубежом в газете «Шэньбао» со второй половины XIX в., организацию борьбы с последствиями землетрясения в Нинся в XVIII в., социальному и политическому контексту крупного землетрясения в Ганьсу в 1920 г.

Большое место занимали проблемы истории и культуры 1920–1930-х гг. Хенрике Рудольф (Гамбургский университет) выступила с докладом о немецкой образовательной системе как модели для профессионального образования в республиканском Китае. Тематическая подсекция была посвящена кинематографу 1930-х, большой интерес был проявлен к литературе этого периода. А.А. Родионов (СПбГУ) рассказал про юмористические сочинения Лао Шэ и китайские периодические издания 1920–1930-х гг. Большое внимание также было уделено китайской литературе периода КНР начиная с 1950-х годов. Темой выступления А.Н. Коробовой (ИДВ РАН) стала «Концепция предательства в китайской прозе после Мао (Фэн Цицай, Шэнь Жун)».

На подсекции «Изменяющийся социализм» Никола Спаковски (Фрайбургский университет) выступила с докладом «Меняющиеся концепции социалистического будущего и их место в процессе трансформаций в Китае (с 1950-х гг. по настоящее время)», в котором рассмотрела воздействие представлений о завтрашнем дне на развитие страны. Группа исследователей из Университета Чжэнчжи (Тайвань) представила попытку статистического анализа политической лексики, включая рассмотрение формирования и практики употребления концепций «гоцзя» (государство), «тунбао» (соотечественник) и «чжущюань» (суверенитет). На секции по переводам отдельная подсекция была посвящена наследию Янь Фу — сопоставлению его подходов с западной теорией перевода, а также его переводу работы Гексли «Эволюция и этика». На секции по гендерным проблемам Е.Н. Степанова (ИДВ РАН) выступила с докладом «Некоммерческие женские организации в КНР в период изменений отношений между государством и обществом».

На секции по международной политике заметное место заняли проблемы напряженности в китайско-японских отношениях. Докладчики стремились оценить новую стратегию безопасности Китая в отношении Японии, выявить источники политического недоверия между странами, проанализировать лингвистическое содержание «кризисной риторики» Китая в отношении Японии. Были поставлены вопросы о том, почему не срабатывают усилия в области неформальной «народной дипломатии» и почему значитель-

ный объем двусторонних экономических связей не стал гарантией стабильности в отношениях между Пекином и Токио. Ряд докладов был посвящен отношениям Китая и ЕС (в том числе отдельная подсекция по связям между Китаем и Италией), большое внимание было уделено взаимодействию Китая с португалоязычными странами Африки и Латинской Америки. Было заявлено несколько докладов о китайской пропаганде за рубежом, авторы которых дали низкую оценку ее эффективности и стремились найти причину неудач во внутренней политике страны.

После завершения работы конференции ЕАК часть участников могла отправиться на экскурсию в Лиссабон в Музей Востока. Он открылся в 2008 г. в отреставрированном и приспособленном для музейных нужд здании бывшего рыбного склада в лиссабонском порту — ведь в прошлом именно море связывало Португалию с Востоком и его культурами. Музейная экспозиция раскрывает историю португальских контактов с Китаем, Японией, Индией, Тимором.

Одним из итогов прошедшего в Коимбре общего собрания ЕАК стало избрание нового правления Ассоциации. Роже Гретре (Университет Лунда) сохранил пост президента ЕАК, вице-президентом был избран первый заместитель декана восточного факультета СПбГУ А.А. Родионов. В состав правления ЕАК вошли российские китаеведы А.В. Ломанов и Ю.А. Дрейзис (ИСАА МГУ).

24–30 августа 2015 г. в Санкт-Петербурге должна состояться летняя школа ЕАК по традиционной культуре Китая для магистрантов и аспирантов. Ее организует СПбГУ с использованием коллекций Эрмитажа и Института восточных рукописей РАН.

Проведение следующей конференции ЕАК в 2016 г. запланировано в России в Санкт-Петербурге на базе СПбГУ. Это создает возможность для более широкого участия в форуме ЕАК ученых из России и стран постсоветского пространства. Предполагается, что в 2018 г. организатором очередной конференции станет Университет Глазго в Великобритании.

© 2014

*О. Борох, кандидат экономических наук,
А. Ломанов, доктор исторических наук*

Научная конференция «Новые европейские исследования современного Китая»

2–4 июля 2014 г. в Представительстве ЕС в Китае и Монголии по инициативе Французских центров изучения современного Китая в Гонконге и Пекине состоялась научная конференция по теме «Новые европейские исследования современного Китая». По задумке организаторов целью мероприятия, которое проводилось во второй раз (первый — в 2012 г.), стал обмен мнениями между молодыми учёными из Европы или связанными с европейскими учреждениями исследователями, которые работают или учатся в Китае. Всего в конференции приняли участие 65 учёных. В 11 тематических секциях конференции было представлено 46 докладов.

С приветственным докладом выступила профессор социологии Университета Цинхуа Го Юйхуа. Она посвятила свой доклад тяжёлому положению трудовых мигрантов в китайских городах, прибывших из сельской местности: проблемам самоубийств, высокого уровня заболевания, плохого доступа детей трудовых мигрантов к образованию. Го Юйхуа назвала создающуюся в Китае систему «уникальным альянсом между капиталом и властью»: государство ограничивает трудовых мигрантов посредством системы прописки «хукоу», подавляет их, когда они выступают с требованиями улучшения условий жизни и труда, а хрупкий социальный мир поддерживает методами пропагандистской работы.

Далее участники конференции разделились на 11 секций по следующим темам: международные отношения, правовые и институциональные реформы, государственная политика и проблемы окружающей среды, китайская экономика в условиях глобализации и неравенства, китайская экономика и валютная политика, гражданская активность, транснациональные миграции, политика на низовом уровне (grassroots politics), эволюция нормативных стандартов в сельском Китае, религия, альтернативные городские субкультуры. Остановимся на самых интересных, по нашему мнению, докладах.

В самой большой секции — по международным отношениям — **Константинас Андрияускас** (Konstantinas Andrijauskas, Вильнюсский университет) проанализировал, каким образом региональное соотношение сил между Россией и Китаем влияет на российско-китайское стратегическое партнёрство. По его мнению, за первые 13 лет XXI века соотношение регионального влияния России и Китая изменилось, как и соотношение их глобального влияния, не в пользу России. На фоне спада регионального влияния Москвы Пекин наращивал влияние в Северо-Восточной Азии и усиливал проникновение на постсоветское пространство. Конкуренция за региональное влияние, по мнению К. Андрияускаса, является главным вызовом для успешного российско-китайского стратегического партнёрства.

Привлёк внимание доклад **Томаса Штиглера** (Thomas Stiegler, Гонконгский университет) о китайско-европейской дипломатии в области прав человека, в котором были проанализированы коммюнике китайско-европейских саммитов высшего уровня. В результате Т. Штиглер пришёл к выводу о том, что «в то время как Евросоюз стал с пониманием относиться к китайским позициям культурного релятивизма («равноправие и

взаимное уважение») и сотрудничества («диалог») и стал меньше настаивать на универсальности и обязательности прав человека, Китай, в свою очередь, все чаще облекает политические обязательства в язык прав человека, развивая собственную активную многостороннюю дипломатию прав человека». По мнению учёного, эти изменения свидетельствуют о формировании новой модели отношений между Китаем и ЕС. ЕС, который традиционно считался обладателем нормотворческой власти в сфере прав человека, становится «посредником» в этой сфере, в то время как Китай превращается в ответственную державу. Изменение в подходах заключается в том, что ЕС в качестве нормотворческого агента считал своей задачей способствовать развитию стандартов прав человека в Китае и бороться с отличными точками зрения. Теперь ЕС в качестве посредника видит свою новую роль в сотрудничестве с Китаем для совместной работы по улучшению стандартов прав человека при сохранении готовности с пониманием воспринимать отличные точки зрения. В процессе становления Китая как ответственной державы происходит переосмысление им стандартов прав человека, он приспосабливается к европейским взглядам и в свою очередь начинает продвигать свою точку зрения на международной арене. Китаю удалось перевести ЕС из области нормотворчества в сферу посредничества путем акцентирования культурной относительности прав человека и постановки задачи перехода от конфронтации к сотрудничеству. В то же время ЕС преуспел в приобщении Китая к мировому дискурсу защиты универсальных прав человека, убедив его в том, что только говоря о правах человека, можно добиться уважения в мировом сообществе.

Ещё один представитель Гонконгского университета Анна Коста (Anna Costa) рассмотрела противоречия между Китаем и Японией по вопросу островов Дяоюй (Сенкаку). Она оспорила точку зрения, в соответствии с которой спор «глубоко уходит корнями в историю». По мнению А. Коста, «противоречивые интерпретации истории <...> являются частью дипломатической стратегии Пекина и Токио с целью узаконивания собственных позиций» в условиях продолжающегося после холодной войны формирования региональной архитектуры безопасности. Таким образом, «создавшееся представление о связи настоящей сп с историей — это лишь симптом сегодняшней напряжённой ситуации, а не её определяющая причина».

Доклад Мгера Саакяна (Академия наук Армении, Нанкинский университет) был посвящён позиции Китая по проблеме северокорейского ядерного оружия. Он пришёл к выводу о том, что Китай осуждает ядерную политику Северной Кореи и рассматривает её как дестабилизирующий фактор в регионе, создавший прецедент для милитаризации, а гипотетически и «нуклеаризации» Южной Кореи и Японии. Китай был бы вполне заинтересован в изменении характера северокорейского режима, если бы не соображения двоякого рода. Во-первых, императивом является удерживание американских войск на расстоянии от восточных границ Китая, что заставляет Китай противиться объединению Кореи. Во-вторых, опасения Пекина вызывают потоки беженцев, которые могут хлынуть в Китай в случае нестабильной обстановки в КНДР. Таким образом, баланс позиции Китая состоит в том, чтобы осуждать Северную Корею и поддерживать санкции против неё при принятии резолюций в СБ ООН, одновременно способствуя поддержанию жизнеспособности КНДР.

Доклад Паскаля Абба (Pascal Abb, Немецкий институт глобальных и региональных исследований) был посвящён роли китайских мозговых центров по внешней политике в формировании общественного мнения по вопросам международных отношений путём выступлений в СМИ. Докладчик пришёл к ряду выводов. Во-первых, китайские внешнеполитические аналитические центры и их сотрудники стали в последние годы самостоятельным голосом в китайской общественной сфере. Хотя они, несомненно, отражают «китайский взгляд» на события, однако неверно полагать, будто занимаемая ими позиция — лишь механическое повторение официальной точки зрения. На самом деле, сходство их взглядов с официальной позицией связано, в том числе, и с тем, что эти экс-

перты участвуют в выработке внешней политики Китая. Публикация комментариев в СМИ поощряется аналитическими центрами, а эксперты обладают существенной свободой, особенно при комментировании сравнительно новых вопросов международных отношений, по которым официальное мнение ещё не чётко сформулировано. Во-вторых, в качестве акторов формирования общественного мнения по вопросам международных отношений эксперты занимают ключевое положение в политической системе Китая как посредники между элитами и широкой общественностью. «Несмотря на то, что Китай является весьма авторитарным государством, — отметил П. Абб, — политика правительства далеко не изолирована от общественного мнения». В-третьих, тематика публикаций свидетельствует о том, что Китай становится подлинно глобальным актором международных отношений. Охват обсуждаемых экспертами вопросов, хотя и остаётся смещённым в сторону ближайшего окружения Китая, всё больше распространяется и на такие географически удалённые регионы и острые вопросы, как Сирия, Украина или финансовый кризис в Еврозоне. В-четвёртых, анализ различий в позиции отдельных аналитических центров и исследователей свидетельствует о становлении их «брендов». Тесная интеграция между различными институтами и агентствами, существовавшая в прошлом, уже распалась. Эти изменения представляют собой важное свидетельство либерализации управления в Китае.

В секции, посвящённой правовым и институциональным реформам, Лариса Смирнова (Сямэньский университет, ИДВ РАН) рассказала о процессуальных особенностях расследования и судебного рассмотрения дел о коррупции высокопоставленных чиновников в Китайской Народной Республике (КНР). По мнению автора, в настоящее время Китай находится в поиске баланса между эффективностью сбора доказательств и преследования коррупции, с одной стороны, и повышением степени доверия к своей антикоррупционной системе, с другой, о чём свидетельствуют, в частности, реформы системы проверки партийной дисциплины после 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.).

В секции по экономике Китая в условиях глобализации Ван Фэйчэн (Ноттингемский Университет, кампус в г. Нинбо) рассказал о влиянии глобализации на неравенство доходов в Китае. В качестве мер глобализации были взяты открытость торговли и рынка капитала. Выявлена положительная прямая взаимосвязь между глобализацией и ростом зарплат. Открытость торговли взаимосвязана с сокращением неравенства в доходах между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, а открытость рынка капитала, наоборот, с увеличением такого неравенства.

В секции по экономике Китая и валютной политике Кэ Син (Франкфуртская школа финансов и менеджмента) проанализировала прозрачность валютной политики КНР, используя все доступные доклады о валютной политике Китая и протоколы заседаний Комитета по валютной политике за 2003–2012 гг. В результате исследования она выяснила, что хотя Центральный банк КНР, который Кэ Син образно назвала «затаившимся драконом», контролирует основы валютной политики, повысилось влияние ещё четырёх учреждений («крадущиеся тигры»). Речь идёт о Национальном бюро статистики КНР, Государственном управлении валютного контроля (ГУВК), Министерстве финансов и Ассоциации банков Китая.

В секции, посвящённой эволюции нормативных стандартов в сельском Китае, доклад Андреа Пиа (Andrea Pia, Лондонская школа экономики и политических наук) был посвящён изменениям отношения к праву в китайской деревне. «Модернизация восточно азиатских стран обычно включала реформу правовой системы, — отметил А. Пиа. — Китай также стал свидетелем нескольких этапов таких реформ». Конкретно сегодняшняя стадия реформ является уже третьим масштабным правовым переходом. Предреволюционная китайская элита сочла, что унаследованная ими правовая традиция была в значительной степени иррациональной (по известному определению Макса Вебера) и

импортировала западную правовую систему, находившуюся в противоречии с законами, являвшимися до этого краеугольным камнем империи. После прихода к власти коммунистов западная правовая традиция стала считаться инструментом классового господства. Вследствие этого, обе правовые системы были отвергнуты коммунистами: буржуазное право Запада и традиционное «феодалное» право Китая. С момента начала «политики реформ и открытости» китайское правительство вновь стремится создать современную правовую систему. Однако согласно официальной точке зрения, традиции в очередной раз становятся препятствием для модернизации Китая. Чтобы оценить, насколько традиции действительно стоят на пути реформ, А. Пиа провёл этнографическое исследование в период с сентября 2011 г. по январь 2013 г. в сельской местности провинции Юньнань. На основе эмпирических данных он пришёл к выводу, что в сельских районах Китая, действительно, существует два способа регулирования социальной жизни: посредством закона («*кэфан*») и посредством разума или обычаев («*хэли*»). Сельчане, как правило, стремятся использовать второй способ. Однако, по мнению А. Пиа, связано это не только и не столько с отсталостью сельских жителей и непонимания ими современных способов регулирования социальных конфликтов. Причиной является скорее то, что они воспринимают закон в качестве инструмента в руках государства для лишения прав простых сельчан. Закон лишает крестьян собственности, прежде всего, земли, а также права на участие в общественной жизни. Обращение же к «разуму и традиции» позволяет сохранить за собой все эти права.

Помимо этих докладов, на конференции прозвучали интересные презентации об управлении отходами в Китае (Карло Ферри — Carlo Ferrì, Оксфордский университет и Тао Дунъянь — Tao Dongyan, Пекинский университет), об альтернативных субкультурах (панках) в Китае (Натанель Амар — Nathanel Amag, Парижский институт политических наук), о корнях экстравагантности китайской городской архитектуры (Мари Маззилли — Mary Mazzilli, Наньаньский технологический университет, Сингапур), о китайских телесериалах, транслируемых каналами CCTV на иностранных языках, как источнике продвижения мягкой силы Китая (Даниэль Мадрид-Моралес — Daniel Madrid-Morales, Городской университет Гонконга), о правопорядке в современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР (Алессандра Каппеллетти — Alessandra Kappelletti, Неаполитанский восточный университет Л'Ориентале), о китайских иммигрантах в Африке (Жюльен Ражаосон — Julien Rajaoson, Институт политических наук Гренобля, Франция) и многие другие.

Следующая аналогичная конференция намечена на 2016 г.

Юбилей ученого

Юбилей Ирины Тимофеевны Мороз

Среди юбиляров Института Дальнего Востока РАН в 2014 г. особое, почетное место по праву принадлежит ведущему научному сотруднику сектора издания документов по истории российско-китайских отношений Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, кандидату филологических наук и единственному в ИДВ РАН маньчжуристу — Ирине Тимофеевне Мороз.

Жизненный путь Ирины Тимофеевны неотделим от исторического пути, пройденного нашей страной за последние 90 лет, где было все — трудовые и ратные подвиги, горечь утрат и поражений, радость достижений и побед и безграничная радость Великой Победы 1945 г.

Родилась Ирина Тимофеевна 31 октября 1924 г. в Воронеже в семье служащих. Среднюю школу окончила в 1941 г. и в том же грозном 41-

м, как и большинство ее сверстников, встала на защиту родного Отечества, вступив в ряды Красной Армии.

О своих ратных делах, человек скромный по натуре, Ирина Тимофеевна не любит рассказывать. О ее боевых подвигах говорят награды, в том числе Орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За оборону Ленинграда», «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» И.Т. Мороз — ветеран Великой Отечественной войны.

В победном 1945 г. свою мирную жизнь Ирина Тимофеевна начала с поступления в Ленинградский государственный университет на восточный факультет, избрав хотя и мирную, но далеко не легкую профессию — изучение китайского и маньчжурского языков, литературы и культуры Китая.

Успешно окончив университет в 1950 г., И.Т. Мороз продолжила совершенствовать филологические знания на практике сначала в КНР, где работала переводчиком китайского языка на КЧЖД в г. Дальнем и была награждена медалью «За отличную работу на КЧЖД». По возвращении в Москву Ирина Тимофеевна пять лет трудилась в Библиотеке им. В.И. Ленина старшим редактором литературы китайского фонда. Затем она преподавала русский язык в Монгольском народном университете (г. Улан-Батор).

Вернувшись в Москву, Ирина Тимофеевна поступила в аспирантуру Института востоковедения АН СССР и блестяще защитила кандидатскую диссертацию. Годом раньше она поступила на работу в Институт Дальнего Востока АН СССР, где были востребованы ее знания маньчжурского языка (второго официального языка Цинского Китая). Здесь Ирина Тимофеевна активно включилась в работу над документальной серией «Русско-китайские отношения в XVII—XX вв.», выступая в роли переводчика всех, ею же выявленных архивных документов на маньчжурском языке, а также некоторых текстов на китайском языке.

Девиз «работать с источниками и по источникам» стал ее визитной карточкой. Год за годом «осваивая» исторические архивы, филолог И.Т. Мороз становится высококлассным историком, специалистом по истории Цинского Китая, истории русско-китайских отношений XVII—XIX в. Она — участник подготовки к изданию практически всех томов документальной серии по этим векам.

Так, И.Т. Мороз подготовила к публикации первый в России полный и откомментированный ею перевод с маньчжурского языка «Записок Тулишэня» — одного из членов первого китайского посольства в Россию, который был включен в сборник «Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы». (Т. 1. 1978 г. С. 437–483, 625–638). В 1995 г. вышел в свет объемный том о посольстве Ю.А. Головкина в Китай в 1805–1806 гг. — «Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы» (Т. 1. 1803–1807), где Ирина Тимофеевна выступила в нескольких ипостасях — одного из составителей тома, автора археографического введения, переводчиком документов с маньчжурского языка, одного из составителей приложения. В 2004 г. увидел свет сборник документов «Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916), подготовленный И.Т. Мороз (под общей редакцией академика В.С. Мясникова).

Параллельно с участием в подготовке томов документальной серии И.Т. Мороз опубликовала ряд интереснейших статей в сборниках и разделы в коллективных монографиях, основанных преимущественно на архивных материалах. Она — один из авторов коллективных монографий «История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней», «Границы Китая: история формирования» (М., 2001 г.) и др.

Обширные знания российской и китайской истории, высокий профессионализм, требовательность к качеству своей работы, удивительная работоспособность, уважительное отношение к мнению коллег и при этом необыкновенная скромность И.Т. Мороз снискали заслуженное уважение коллег и друзей.

Поздравляя Ирину Тимофеевну Мороз со славным юбилеем, коллеги и друзья желают ей здоровья, счастья, благополучия и дальнейших творческих успехов.

«Вань ши жу и!»

*Дирекция и коллектив ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала
«Проблемы Дальнего Востока»*

Юбилей Людмилы Александровны Волковой

Людмила Александровна Волкова, известный российский востоковед, в 1957 г. окончила Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, получив квалификацию экономиста-международника, преподавателя политической экономии. В силу различных обстоятельств путь Людмилы Александровны в большую науку начался с работы младшим научным сотрудником в различных научно-исследовательских учреждениях АН СССР. По окончании вуза она поступила во Всесоюзный институт научной и технической информации; в 1958 — 1961 гг. работала в Институте китаеведения, где поступила в аспирантуру по специальности «Экономика Китая». Однако в связи с расформированием Института в 1961 г.

Людмила Александровна была вынуждена перейти в аспирантуру Института народов Азии, которую закончила в 1963 г. Затем в 1964 г. Людмила Александровна поступила на работу в Центральный экономико-математический институт, а в мае 1965 г. была избрана по конкурсу на должность младшего научного сотрудника по Отделу истории Института экономики мировой социалистической системы.

Период перемещений из одного академического института в другой завершился в 1966 г., когда Людмила Александровна поступила на работу в воссозданный Институт Дальнего Востока АН СССР. В нем она работает вплоть до настоящего времени, целиком посвятив себя изучению Китая. В 1971 г. после защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук Волкова Л.А. становится старшим научным сотрудником, а с декабря 2007 г. — ведущим научным сотрудником Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН. Ныне Людмила Александровна — высококвалифицированный специалист в области экономики Китая, имеющий высокую теоретическую подготовку и большой опыт научно-исследовательской работы. Основное направление ее научных исследований — социально-экономические аспекты развития аграрной сферы в условиях рыночных преобразований и законодательное регулирование земельных отношений в Китае. Она является автором свыше 170 научных трудов по экономике современного Китая, в том числе монографий, научных статей, а также аналитических материалов и справок для директивных органов. Среди ее работ — монография

«Изменение социально-экономической структуры китайской деревни. 1949–1970 гг.» (М., 1972. Книга переведена на польский язык и в 1976 г. издана в Варшаве); главы в коллективных монографиях: «Правовые аспекты модернизации в КНР» (М., 1990); «Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.)» (М., 2004); «Политическая система и право КНР в процессе реформ (1998–2005 гг.)» (М., 2007).

Волкова Л.А. является активным участником коллективных проектов по линии Российского гуманитарного научного фонда, регулярно выступает на международных научных конференциях, ситуационных анализах и круглых столах, проводимых в ИДВ РАН, с докладами и сообщениями по исследуемой тематике.

Трудолюбие и кропотливость в работе, доброта, жизнерадостность и готовность поделиться своими глубокими знаниями по Китаю принесли ей заслуженный авторитет среди коллег-ученых.

Результаты плодотворной научной деятельности Людмилы Александровны неоднократно отмечались дирекцией ИДВ РАН.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют Людмилу Александровну Волкову с юбилеем и желают ей доброго здоровья и новых творческих успехов.

Юбилей Валентины Васильевны Чуван

Валентина Васильевна Чуванкова в 1967 году окончила экономический факультет Московский Государственный университет им. М.В.Ломоносова, получив квалификацию экономиста-международника, преподавателя политической экономии. Владеет китайским и английским языками. По окончании вуза поступила на работу в Институт Дальнего Востока АН СССР (ныне Институт Дальнего Востока РАН), где работает до настоящего времени. В 1977 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по проблемам экономической политики руководства КНР в период урегулирования (1961–1965 гг.) после провала политики «большого скачка». С июля 2008 г. Чуванкова

В.В. — ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

Чуванкова В.В. принадлежит к числу высококвалифицированных специалистов в области экономики Китая, имеет высокую теоретическую подготовку и большой опыт научно-исследовательской работы. Основное направление научных исследований В.В. Чуванковой — проблемы развития индивидуального и частного предпринимательства в Китае в условиях рыночной экономики. Она является автором свыше 70 научных трудов по экономике современного Китая. Принимала участие в качестве исполнителя в работе над коллективными проектами по линии Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда, в международных научных конференциях, ситуационных анализах и круглых столах, проводимых в ИДВ РАН, с докладами и сообщениями по исследуемой тематике.

С марта 1997 г. по заданию дирекции Института Валентина Васильевна одновременно с активной научной работой выполняет обязанности ученого секретаря диссертационного совета Д. 002.217.01 (до января 2001 г. — Д. 002.54.02) по защите докторских диссертаций по экономическим наукам при ИДВ РАН по специальности 08.00.14 — мировая экономика и в этом качестве обеспечила проведение защиты и оформление процедурных документов для диссертационного совета и ВАК РФ 47 диссертаций — 13 докторских и 34 кандидатских.

Чуванкову В.В. отличает творческий подход к изучаемым проблемам, глубина научного анализа, большое трудолюбие, добросовестность и аккуратность. Высокий научный авторитет среди коллег-ученых, внимание и чуткость в общении с соискателями при их подготовке к защите диссертаций и оформлении необходимых документов в соединении с отзывчивым характером и готовностью поделиться своими глубокими знаниями по Китаю принесли ей заслуженный авторитет в коллективе.

Результаты плодотворной научной деятельности Валентины Васильевны неоднократно отмечались дирекцией ИДВ РАН.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Валентину Васильевну с юбилеем и желают ей доброго здоровья и новых творческих успехов.

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2014 год

От главного редактора № 5

ДОКУМЕНТЫ

- Душанбинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества № 6
- Совместное заявление о дальнейшем укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам № 1
- Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея № 1
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия № 3

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- А. Островский.* К 80-летию академика М.Л. Титаренко. Организатор науки, мыслитель, философ № 2
- Теплые поздравления в связи с 80-летием академика М.Л. Титаренко № 4
- М. Титаренко.* Древнекитайский философ Мо Ди (V в. до н.э.) о мудром управлении страной. Переводы из книги «Мо-цзы» (свиток 1-й) № 4
- М. Титаренко.* Об особенностях трансформации Китая и России (Диалог с Юй Кэпином) № 3
- Н. Мамаева.* Публикация источников как характерная черта развития исторической науки о Китае в России 90-х гг. XX в. — начала 2000-х гг № 3

ПОЛИТИКА

- К. Антипов.* О некоторых аспектах эволюции ближневосточной политики Китая № 4
- К. Асмолов.* Китай и Северная Корея: проблемы и перспективы взаимоотношений № 2
- К. Асмолов, В. Кашин.* Война на Корейском полуострове: насколько велика угроза № 1
- А. Батакова.* Проблемы исторического прошлого в современных отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея № 6
- А. Виноградов.* Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия? № 5
- И. Гордеева.* Политика Японии в отношении Тайваня: проблемы и тенденции № 6
- А. Данилов.* Китай и Арктика № 3

<i>А. Жебин.</i> КНДР: несменяемый вектор.....	№ 3
<i>П. Калмычек, В. Кистанов, Е. Леонтьева.</i> Япония: власть сменилась проблемы остаются.....	№ 2
<i>Ким Ен Ун, Бэ Бом Ки.</i> Острова Токто: региональные и двусторонние факторы.....	№ 5
<i>Е. Кобелев.</i> Партнерству «Россия-АСЕАН» — 20 лет.....	№ 6
<i>Д. Кузнецов.</i> Украинский кризис 2013–2014 гг. и позиция Китая.....	№ 2
<i>А. Ларин, В. Матвеев.</i> Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь».....	№ 5
<i>Г. Локшин.</i> Вьетнам — США: партнерство с «оговорками».....	№ 4
<i>Лю Бо.</i> Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и контрмеры Китая.....	№ 6
<i>Ю. Морозов, Е. Сафронова.</i> Гуманитарное присутствие России и Китая в постсоветской Европе и в центрально-азиатском сегменте ШОС.....	№ 5
<i>В. Портяков.</i> Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения.....	№ 1
<i>М. Петрасяк.</i> Интересы Китая и стратегия внешней политики в отношении АСЕАН.....	№ 1
<i>Д. Стрельцов.</i> Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии и со странами-соседями: истоки и эволюция.....	№ 6
<i>С. Уянаев.</i> Взаимодействие России, Индии и Китая в оценках академических кругов.....	№ 5

«Круглый стол» в ИДВ РАН

Проблемы безопасности в Восточной Азии.....	№ 5
Послесловие: размышления за «круглым столом».....	№ 5

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>Н. Кашина.</i> Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока РФ и Северо-Восточного Китая в добывающем секторе экономики.....	№ 4
<i>М. Ласточкина.</i> Дальний Восток в контексте модернизации России.....	№ 4
<i>А. Коваленко, В. Токмаков.</i> Судьбы дальневосточных казаков: штрихи к коллективному портрету.....	№ 4
<i>В. Шведов, А. Голубь.</i> Предварительный опыт выявления имиджа региона на примере Дальнего Востока России.....	№ 6

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>А. Салицкий, В. Тацкий.</i> Китайский опыт: модель или антимодель?.....	№ 3
<i>А. Жебин.</i> События в Корее: взгляд из России.....	№ 3 4
<i>В. Петровский.</i> У истоков «холодной войны» в Северо-Восточной Азии: всегда ли Громыко говорил «нет».....	№ 4 2

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

<i>М. Евтодьева.</i> «Белая книга по обороне» и оборонные программы Японии в 2013 году.....	№ 4
<i>П. Каменнов, А. Клименко.</i> О военной политике и военной доктрине Китая.....	№ 5
<i>А. Шлындов.</i> Военно-воздушные силы Народно-освободительной армии Китая на пути модернизации и развития.....	№№ 1–2

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А. Виноградов.* Власть, бизнес и коррупция в Китае № 1
Ю. Куприянова. Перемены в жизни женщин республиканского Шанхая № 2
А. Матенкова. Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг № 2
О. Почагина. Изменение политики «одна семья — один ребенок» в Китае: причины и ожидаемые результаты № 3
Е. Садовская. Современная образовательная миграция из Казахстана в Китай № 1

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Н. Прохорова.* Особенности китайского подхода к водопользованию на трансграничных водостоках № 1

ЭКОЛОГИЯ

- Е. Кранина.* Проблемы экологической безопасности Китая в решениях ЦК КПК и сессии ВСНП 12-го созыва № 5

ЭКОНОМИКА

- Я. Бергер.* Новый этап экономического развития Китая (К итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва) № 4
В. Балакин. Китайско-индийские противоречия по проблемам азиатской интеграции № 3
В. Балакин. Восточноазиатская интеграция как объективный процесс межцивилизационного соперничества № 6
О. Борох, Гу Ицунь и экономический либерализм в Китае 1930-х гг № 6
В. Балакин. Монголия в интеграционных процессах Восточной Азии № 1
Вэй Лиань. «Сямэньская модель»: об опыте формирования системы социального жилья в Китае № 3
М. Демина. Либерализация торговли между Японией и ЕС: тенденции, перспективы, проблемы № 5
Н. Коледенкова. Состояние и перспективы развития энергетического машиностроения в КНР № 5
Д. Кручинина. Особенности транспортной инфраструктуры дельты Янцзы № 6
З. Муромцева. КНР: 4-й этап реформирования государственных предприятий № 2
В. Портяков. Особенности развития экономики Шэньчжэня в условиях модификации модели роста в КНР № 3
В. Портяков. Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы № 2
С. Сазонов, К. Петрунько. Перестройка управления железнодорожным транспортом КНР № 4
С. Сазонов. Диверсификация источников финансирования транспортной отрасли КНР № 1

ИСТОРИЯ

- Д. Аринчева, А. Панцов.* «Новая демократия» Мао Цзэдуна и новый авторитаризм Чан Кайши: две парадигмы общественного прогресса Китая середины XX века № 1
А. Друзяка. Нотариусы «Русской Атлантиды» № 1

<i>С. Гончаров.</i> Интервью с И.В. Ковалевым: две трактовки фактов истории.....	№ 3
<i>О. Емельянова, Д. Щербаков.</i> Роль стран Азии в развитии внешней торговли и экономического роста Японии в XVIII — XIX вв.....	№ 3
<i>А. Ипатова.</i> Посольский церемониал традиционной китайской дипломатии. Аудиенции в императорском дворце	№ 6
<i>А. Картунова.</i> Роль Г.В. Чичерина в китайской политике Советской России.....	№ 2
<i>Е. Кобелев.</i> СССР и первые руководители КПВ.....	№ 2
<i>С. Кузьмин.</i> О деятельности Панчен-ламы IX во Внутренней Монголии и Маньчжурии	№ 6
<i>В. Кузьминков.</i> Русско-японская война 1904–1905 гг. в японской историографии	№ 4
<i>А. Ломанов.</i> Либерализм и вестернизация в спорах 1930-х годов о будущем китайской культуры.....	№ 5
<i>Л. Переломов.</i> Место эпохи Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. — III в. до н.э.) в судьбе китайской нации.....	№ 3
<i>И. Соков.</i> Канадская интервенция 1918–1919 гг. в дальневосточном эпизоде Гражданской войны в России: причины, цели, итоги.....	№ 4
<i>И. Сотникова.</i> Шанхайский пункт Отдела международной связи ИККИ в 1920–1930-х гг.....	№ 5
<i>А. Шарафетдинова.</i> Установление американо-корейских дипломатических отношений (1872–1885). Миссия Шуфельдта	№ 3
<i>А. Юркевич.</i> «Верное ядро Вампу». К 90-летию «партийной» военной школы Гоминьдана.....	№ 6

ФИЛОСОФИЯ

<i>А. Забияко, М. Хаймурзина.</i> Понятие «религия» в трудах современных конфуцианцев	№ 1
<i>Лю Ядин.</i> Понимание и диалогичность: значение энциклопедии «Духовная культура Китая».....	№ 2

РЕЛИГИЯ

<i>Лян Чжэ.</i> Православие «китайских русских» в Трехречье (КНР): некоторые итоги исследований китайских этнологов.....	№ 6
--	-----

КУЛЬТУРА

<i>К. Воркина, О. Железняк.</i> Об особенностях японского национального характера	№ 5
<i>В. Виноградская.</i> Актуальность древности — традиционный текст в современном Китае	№ 6
<i>А. Кацмова.</i> К вопросу о «тайваньской культурной идентичности»	№ 1
<i>Е. Лачина.</i> «Корейская волна» как проявление «мягкой силы».....	№ 2
<i>Ю. Еришова.</i> Традиции и особенности китайского позднего прозаического сказа	№ 4
<i>Н. Лебедева.</i> «Гений места» как фактор межкультурного взаимодействия (русская литература Харбина и китайская культура).....	№ 4
<i>Е. Митькина.</i> Стихотворные циклы в китайской литературе	№ 6
<i>Цао Чжундэ, Ду Минцзин.</i> Стронтели литературного моста — о популяризации русской и советской литературы в Китае.....	№ 3

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

В ОРКД и ИДВ РАН обсудили историческую прозу Евгения Анташкевича № 1

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

И. Жирнов. Магистраль Шанхай—Санкт-Петербург как ответ на попытки Запада изолировать Россию № 2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Б. Базаров, Л. Курас.* Монголоведные исследования на страницах журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук» № 5
- А. Блажкина, А. Ионов.* Международная научная конференция «Конфуцианство в диалоге китайской и российской цивилизаций» № 1
- А. Виноградов, Ю. Перепелкин.* Научная конференция «3-й пленум ЦК КПК: новое руководство и стратегия реформ» № 2
- Н. Демидо, С. Горбунова.* XX Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» № 1
- Е. Завидовская.* Международная конференция на Тайване по проблемам развития синологии в Чехии, Польше, Монголии и России № 1
- Л. Забровская.* Японоведческая конференция в Варшаве № 1
- Л. Захарова.* «Восточная Азия: вызовы современности». Научная конференция молодых востоковедов в ИДВ РАН № 1
- О. Казаков.* О конференции «Япония в поисках новой глобальной роли» № 3
- Е. Кранина.* Научная конференция ЦСЭИК ИДВ РАН «3-й пленум ЦК КПК: горизонты реформ» № 4
- А. Королев.* Внутренняя и внешняя политика КНР: продвижение реформ и глобального влияния. 26-й международный симпозиум Ассоциации китайских политологических исследований в Сан-Хосе № 4
- Е. Колдунова.* Формирование азиатских исследований: геополитика, институты и исследовательские сети № 4
- О. Борох, А. Ломанов.* Конференция Европейской ассоциации китаеведения в Португалии № 6
- Пресс-релиз 13-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая № 2
- Л. Смирнова.* Научная конференция «Новые европейские исследования современного Китая» № 6
- Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (КНР) за первое полугодие 2014 г № 3
- С. Уянаев.* Третий индийско-российский диалог «За мир и региональную безопасность» № 3

РЕЦЕНЗИИ

- А. Волохова.* Кузнецов Д.В. Китай в зеркале общественного мнения № 3
- Е. Иконникова, Т. Павлова.* Высоков М.С., Ищенко М.И. Комментарий к книге Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России» № 3
- А. Кадырбаев.* Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае № 1
- А. Клименко.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 5 № 1
- Ли Чэжицян, Се Чуньянь.* Важный мост между культурами. Об энциклопедии «Духовная культура Китая» № 1

<i>А. Ломанов.</i> Каталог произведений российского китаеведения, хранящихся в Китайской национальной библиотеке	№ 5
<i>А. Ломанов.</i> Концепции современного востоковедения	№ 1
<i>А. Ломанов.</i> Ху Аньган. Мозговые центры нового типа с китайской спецификой: взгляд Ху Аньгана	№ 3
<i>Л. Смирнова.</i> 1978–2008. Великолепный путь. К тридцатилетию работы по проверке партийной дисциплины.....	№ 2
<i>А. Юркевич.</i> Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна.....	№ 2

ИНТЕРВЬЮ С ЮБИЛЯРОМ

Восстановление дружбы и взаимопонимание между РФ и КНР — важная задача российской внешней политики. (К 85-летию Р.Ш. Кудашева)	№ 5
--	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Якову Михайловичу Бергеру — 85 лет	№ 5
Юбилей Людмилы Александровны Волковой	№ 6
Юбилей Аиды Семеновны Ипатовой.....	№ 1
70-летие Владимира Александровича Гринюка	№ 3
Юбилей Анастасии Ивановны Картуновой.....	№ 4
80-летие Павла Михайловича Кожина	№ 5
Юбилей Ирины Тимофеевны Мороз.....	№ 6
Юбилей Зои Андреевны Муромцевой	№ 5
К 85-летию Леонарда Сергеевича Переломова	№ 1
Юбилей Валентины Васильевны Чуванковой.....	№ 6

Contents	№ 1–6
Summary.....	№ 1–6

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2014 год	№ 6
--	-----

Contents

DOCUMENTS

Dushanbe Declaration of the State Leaders of the Shanghai Cooperation Organization Member-states

POLITICS

E. Kobelev. Twenty Years of Partnership between Russia and ACEAN

D. Streltsov. Historical Events as Factor of Japan's Relations with Neighboring Countries: Roots and Evolution

A. Batakova. Problems of Historical Past in Contemporary Relations of Japan with China and Republic of Korea

I. Gordeeva. Japan's Policy towards Taiwan: Current Trends and Problems

Liu Bo. Trans-Pacific Partnership Agreement and Counter-Measures of China

RUSSIAN FAR EAST

V. Shvedov, A. Golub. Preliminary Remarks on the Image of Region Taking Russian Far East as an Example

ECONOMY

D. Kruchinina. Transport Infrastructure in Yangtze River Delta

V. Balakin. East-Asian Integration as an Objective Process of Inter-Civilizational Rivalry

O. Borokh. Gu Yiqun and Economic Liberalism in China in the 1930s

HISTORY

A. Ipatova. Ambassadorial Etiquette of Traditional Chinese Diplomacy. Audience at the Imperial Palace

A. Yurkevitch. To 90th Anniversary of Gomindang Party Military School

S. Kuzmin. The Activity of the IX Panchen Lama in Inner Mongolia and Manchuria

RELIGION

Liang Zhe. Orthodoxy of Chinese-Russian Metises in Three-Rivers Region (PRC): Summary of Research by Chinese Ethnologists

CULTURE

V. Vinogradskaya. Actuality of Antiquity — Traditional Text in Modern China

E. Mitkina. Cycle Poetry in Chinese Literature

SCIENTIFIC EVENTS

O. Borokh, A. Lomanov. EACS 20th Conference in Portugal

L. Smirnova. Conference in Beijing "New European Research on Contemporary China"

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of Irina Timofeevna Moroz

Jubilee of Liudmila Alexandrovna Volkova

Jubilee of Valentina Vasilievna Chuvankova

Contents

Summary

Far Eastern Affairs Contents for 2014

Summary

E. Kobelev. Twenty Years of Partnership between Russia and ASEAN

The author analyses different aspects of the partnership between Russia and the ASEAN — powerful regional group — over the past 20 years. The author has shown the ASEAN leading role in building the foundations of peace and security in the South-East Asia and in the Asian-Pacific region in general as well as the strategic, political and economic importance for Russia of the strengthening of partnership with this organization in all possible directions.

Key words: Russia, ASEAN, Vietnam, South-East Asia, dialogue partnership, «Russia-ASEAN» summits, Business Council.

D. Streltsov. Historical Events as Factor of Japan's Relations with Neighboring Countries: Roots and Evolution.

This article discusses the role and place of some aspects of the historical past in Japan's relations with the neighboring countries, including the issue of formal apologies, the problem of "comfort women", as well as visits by the Japanese officials to the Yasukuni Shrine. The article argues that diplomatic, economic, cultural and other contacts with China, Japan and the Republic of Korea face great difficulties because of lack of progress in settling these problems. Detailed analysis addresses the causes of the present complicated situation, including those connected with the differences in the approach of Japan and its East Asian neighbours towards the historical heritage of the Second World War, and the phenomenon of "time lag" in raising these issues in the international political agenda.

Key words: The problems of the historical past, the complex of victimacy, "comfort women", official apologies, visits to the Yasukuni Shrine, the Murayama statement, the slogan of "ending the post-war regime".

A. Batakova. Problems of Historical Past in Contemporary Relations of Japan with China and Republic of Korea.

The problems of the historical past, continuously darkening the relations of Japan with its East Asiatic neighbors, have become an independent factor of international relations rendering its impact far beyond the bilateral ties of Japan with South Korea and China. Seoul and Beijing administrations took a tough position on these issues and strive for their internationalization, criticizing the course of Abe cabinet during high level meetings, presentations at international venues, interviews to foreign media etc. Noteworthy is the increasing coordination between the PRC and the Republic of Korea in their countering to Tokyo, as well as the manifestation of discontent to Japan on the part of the United States. Further aggravation of the situation may require the correction of Tokyo's position on history problems.

Key words: Japan-Chinese relations, Japan-South Korean relations, problem of the historical past.

I. Gordeeva. Japan's Policy towards Taiwan: Current Trends and Problems

The article focuses on complex issues concerning the policy of Japan towards Taiwan, closely connected with the relations between Japan and China. The problem is set in the context of intensifying confrontation in the Asia-Pacific Region between USA and Japan on one side and China on the other, when the reunification of Taiwan with the PRC would greatly strengthen China and thus is unacceptable to Washington and Tokyo. The situation is becoming even graver due to the escalation of the territorial dispute over Senkaku/Diaoyu Islands, which is directly linked to the problem of Taiwan.

Key words: Japan, China, USA, Taiwan, Senkaku/Diaoyu Islands, confrontation, uncompromising approach.

Liu Bo. Trans-Pacific Partnership Agreement and Counter-measures of China

International agreements represent an important mechanism for promote communication and cooperation of national economies and for their rise. Accordingly, the Agreement on the Trans-Pacific Partnership (TPP) promises the expansion of trade exchange, enhancing bilateral and multilateral

cooperation in the Asia-Pacific region. But due to the duplication of membership in various international agreements APR countries fall into the difficult situation of competition and mutual restraint. Facing the pressure and challenges from TTP, China must determine its own economic and political strategy, expanding the space for trade exchange and increasing its leadership role in the region.

Key words: Agreement Trans-Pacific Partnership (TTP); development strategy, a new order in the Asia-Pacific region, China's counter-measures.

V. Shvedov, A. Golub. Preliminary Remarks on the Image of Region Taking Russian Far East as an Example.

This article deals with an internal image of Russian Far East and preliminary methods of its evaluation. The questionnaire for this proposes was made. Its results are set forth and substantiated. Analysis of most meaningful blocks of survey is presented. The respondent's vision of their living territory are summarized.

Key words: Internal image, region, Far East, questionnaire, meaningful blocks, results, respondents.

D. Kruchinina. Transport Infrastructure in Yangtze River Delta.

Availability of advanced transportation system is an essential condition for extending integration in the Yangtze River delta region that turns out to be one of the main drivers of Chinese economy. Yangtze Golden Triangle boasts the most developed transport system among all regions of China. This article describes motor, railway, water and airline infrastructure, as well as touches upon the subject of importance of above mentioned modes of transport for the Yangtze River delta region.

Key words: China, the Yangtze river delta region, Golden Triangle of the Yangtze, Shanghai, Jiangsu, Zhejiang, regional integration, regional transportation system, facilities of the transport infrastructure.

V. Balakin. East-Asian Integration as an Objective Process of Inter-Civilizational Rivalry

Many overseas researchers see East Asia integration like regular result of China's economic and political growth. Active process of East Asian consolidation during 1998–2008 years' crisis period gave a Stimulus toward wide discussion on the theme of "stable leadership". Seeing USA influence weakening in East Asia region, China is striving for "regional leadership", first of all making accent on so called "soft power". Under the pressure of objective circumstances is Chinese leadership renounced to refuse the rather long time confessed principle of "Keeping a low profile" and is moving to political course of enlarging comprehensive national power in order to prepare the country for above stated functions of regional leader. It has been recognized, that a dilemma of choice between China and USA has today developed practically for all East Asia states into rather complicated problem, the decision on which, most probably, will be stretched during many years, though it must be acknowledged that Beijing is much more perspective to organize East Asia under its own project.

Key words: China, USA, East Asia integration, comprehensive national power, "soft power".

O. Borokh. Gu Yiqun and Economic Liberalism in China in the 1930s

Key ideas of Chinese economic liberalism of the mid-1930s are explored through the publications of Gu Yiqun. His theoretical arguments in favor of free economy and criticism of Soviet model and controlled economy are analyzed. From the viewpoint of classical economic science Gu Yiqun recommended to build the Chinese economy upon the principles of free competition, broader participation in international trade, rejection of protectionism, currency stabilization and curtailing the monopoly power.

Key words: Republican China, economic science, free economy, international trade, industrialization.

A. Ipatova. Ambassadorial Etiquette of Traditional Chinese Diplomacy. Audience at the Imperial Palace.

The complex diplomatic etiquette is one of the most important components of the traditional Chinese tributary system, aimed at affirmation of its superiority over all other nations. It was assigned to serve a clear and convincing demonstration of undisputed power and authority. Nevertheless, a firm and

consistent position of S.L. Vladislavich allowed him to thoroughly shake the foundations of the centuries-old ceremonies, including its core part — an audience with the emperor.

Key words: Russia, S.L. Vladislavich-Raguzinsky, The Treaty of Kyakhta 1728, Qing China, tributary system, the Court etiquette, the audience at the Imperial Palace, the bow "koutou".

A. Yurkevitch. To 90th Anniversary of Guomindang Party Military School

The article contains the feature of history of Huangpu (Wampoa) Military School, which was founded in 1924 with the USSR support and the Chinese communists participation. The author shows the significance of Huangpu image for the Guomindang and the CCP "symbolical policy", the role of the school not only in formation of the Guomindang army and in training its military cadres, but also as the base of some institutions of the major importance for the Guomindang power, such as bodies of political indoctrination and propaganda, special services, public organizations.

Key words: the Guomindang, the Chinese Communist Party, Huangpu (Wampoa) Military School, the USSR assistance to the Guomindang, Jiang Jieshi (Chiang Kai-shek)

S. Kuzmin. The Activity of the IX Panchen Lama in Inner Mongolia and Manchuria

Poorly known data on activity of the IX Panchen Lama (1883–1937) after his flight from Tibet are discussed mainly by material from archives of Russia and Mongolia, with special concern of his contacts with Inner Mongolia, Mongolian People's Republic, Manchuria, Japan and the Government of China.

Key words: Panchen Lama, flight from Tibet, Inner Mongolia.

Liang Zhe. Orthodoxy of Chinese-Russian Metises in Three-Rivers Region (PRC): Summary of Research by Chinese Ethnologists

The article is devoted to writing the Orthodox characteristics of Chinese-Russian metises in Three-Rivers region (Hulunbuir, a city of Inner Mongolia in PRC), of the mixed ethnic group. One of the regions of its formation was Northern Manchuria, which is an area of active Chinese-Russian contacts. Special attention is given to the research findings of Chinese ethnologists.

Key words: Orthodoxy, Chinese-Russian metises, Three-Rivers region.

V. Vinogradskaya. Actuality of Antiquity — Traditional Text in Modern China

The main purpose of this paper is to demonstrate the volume and spectrum of Chinese cultural heritage in the form of written text manifested in 1) the environment, 2) education, 3) book publications (traditional and digital), 4) television, and 5) non-official internet. A considerable presence of ancient Chinese texts in modern culture is supported by physical availability, availability through discourse and education, and via the current "National Studies Craze" (Guoxue re). It's shown that the past is still very much part of life in the present in China. There is a substantial body of text in current communication, and a solid, well-defined core is in constant active use.

Key words: «guoxue re», Baijia jiangtan, Qian Wenzhong, cultural heritage, written text, education, Si ku quan shu.

E. Mitkina. Cycle Poetry in Chinese Literature

For a long time there was no such term as "cycle poetry" (*zu shi*) in Chinese philology. This form of poetry had different names during different times. Cycle poems as a special form of poetry spread before Qin dynasty and became very popular during Tang and flourished during Song, Ming and Qing. Despite the fact that for such a long time poetic cycles were widespread, there weren't many researches on them. Currently, articles and books devoted to the lyrical cycles began to appear. This article deals with different periods in evolution of the cycle poems when new trends were created and the form of cycles was changed.

Key words: Chinese literature, poetry, cycle poetry

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 26.11.2014 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 503 экз. Зак. 735. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2014 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.